

Дмитрий Рыков

Та,
что,
гасит
свет

аст

Неравный брак... Что движет людьми, решившими создать семью, — боязнь одиночества, секс, деньги или все-таки любовь? Как правило, один из них пылко влюблен и, потеряв голову, отменяет все доводы рассудка. Но, как показывает жизнь, зря... Истории Дмитрия Рыкова — это жесткие, шокирующие, зло-сатирические рассказы о том, к чему никто и никогда не потеряет интерес, — о непростых, всегда загадочных отношениях мужчины и женщины.

- [Дмитрий Рыков](#)

- - [Звенящие яйца](#)
 - [Прекрасный период жизни хорошего молодого человека](#)
 - [Лето после дембеля](#)
 - [Попугчик](#)
 - [Романтика и деньги](#)
 - [Разрыв](#)
 - [Москва — Айова](#)
 - [Правда с кулаками](#)
 - [В семь часов вечера после...](#)
 - [Live 8](#)
 - [Очки и линзы](#)
 - [Екатеринбургский мезальянс](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Дмитрий Рыков
Та, что гасит свет

сборник

Звенящие яйца

Как Федор Иванович повстречал свою Александру? Да все как обычно — случайно. Шла Саша по шоссе, ела сушки. Ладно, мороженое. У нее были зеленые глаза, такие прежде он видел только раз в жизни у девушки Инны на первом курсе. Инна училась на филологическом, была выше любого однокурсника на голову — такая баскетболистка, поэтому общалась со всеми снисходительно, на ухаживания тогда еще просто Федора не отвечала. В конце концов у нее появился парень примерно такого же роста, да еще в кожаной куртке. Чтоб было понятно, тогда кожаная куртка — то же самое, что сейчас «бентли», ну или, по крайней мере, «мерседес-СЛ». Страдал он недолго, ну да ладно...

У Саши были зеленые глаза, длинные мелированные волосы, короткая майка и джинсы с низким поясом, открывающим голый животик и ямочки над попой. Ей необязательно было быть красивой, чтобы понравиться начинающему лысеть мужчине с заметным животиком, — в ее возрасте достаточно одних ямочек над попой, но она действительно была чертовски хорошенькой. Федор Иванович с друзьями только что закончил вроде бы быстрый перекус, который, однако, после бокала-другого пива и рюмки-следующей водки вдруг превращается в полноценный обед со звонками в офис, перенесенными встречами, шумной болтовней и приятными воспоминаниями. Что может подумать девушка о толпе галдящих, аккуратно одетых мужчин в приталенных костюмах и ярких галстуках, вываливающихся днем из «Маркета» с признаками легкого опьянения и рассаживающихся в дорогие автомобили? Да то самое, верно, и подумала.

Будь Федор Иванович трезв, он никогда бы не обратился к девушке на улице, но тут бес попутал — ляпнул вдруг какую-то глупость, она радостно (как ему показалось) обернулась, слово за слово, и телефон оставила, и на свидание тем же вечером согласилась.

К концу дня начинающий ловелас протрезвел, и задор всамделишного мачо куда-то исчез. К тому же у водителя, как всегда, что-то разболелось, он отпросился, за руль пришлось садиться самому, что продолжение алкогольного банкета автоматически отменяло. Но взялся за гуж — пришлось ехать на свидание.

Саша успела переодеться, и, глядя на нее, он даже покрывал от удовольствия. Вот уж точно — седина в бороде. Ах, да, стояла поздняя весна, было тепло. Они сидели на веранде «Обломова» (того, который был на «Улице 1905 года» и ныне канул в Лету), осторожно разговаривали ни о чем. Федор Иванович — чтобы не спугнуть, она — чтобы не показаться глупой. Потом он, выйдя якобы в туалет, не выдержал и выпил за стойкой подряд две хреновухи, повеселел, она, заметив некоторую перемену в его настроении, тоже махнула рукой, перестала пригубливать шабли с еле слышимым чмоканьем и стала пить большими глотками. Показались звезды, в груди поднялась волна, сердце забило чаще, кровь закипела и заволновалось все остальное, что волнуется в таких случаях. Машину они бросили, поймали такси, через три минуты оказались в «Вене», слушали саксофон и контрабас, накрывшись одеялами и подушками (подул ветер), пили виски, затем курили сигары.

Она рассказывала о своих сложных взаимоотношениях с подругами-родителями-коллегами, он послушно кивал, делая вид, что ему интересно. Через некоторое время парочка по мосту «Багратион» перешла на другую сторону реки, и Федор Иванович потащил ее в «Красный бар», помня, что всем девушкам там почему-то нравится. Ему казалось, она

вот-вот скажет, что ей «пора», и исчезнет. Отпускать ее не хотелось, и он, как Киса Воробьянинов, старался поразить объект вожделения выдуманной значимостью и образом веселого прожигателя жизни. О чем-то спорили, говорили, хохотали, после жарко целовались прямо у стойки, мешая в тесном помещении официанткам протискиваться за заказами. Выйдя на улицу, продолжали обниматься, и Федор Иванович уж подумал, что от такого количества поцелуев без напрашивающегося продолжения у него, как в ранней юности, опухнут и посинеют губы. Но тут она вместо того, чтобы, сославшись на поздний час, попросить проводить ее домой, выразилась в том смысле, что прошедшая неделя была прекрасна, нет никаких незавершенных дел, завтра утром ей некуда спешить, и потому сейчас она к себе не торопится. А, кстати, где он живет, ей интересно посмотреть его квартиру и прочее. Оказавшись на седьмом небе от счастья, он не захотел возвращаться на Землю.

Надо сказать, очарование молодости затмило на время все остальное, но это не мудрено. Федору Ивановичу показалось, что той ночью было все. Понятно, что первопричина лежала в алкоголе, но и несколько зажженных свечей, и прослушанные разом два CD Massive Attack тоже сыграли свою роль. Федор Иванович про себя бы тем вечером сказал, что у него появилось ощущение, что это он настоящий автор «Камасутры». Саша пошла дальше. Так он узнал, что: 1) у него очень красивый член, 2) когда он ее «трахал», у него «яйца аж звенели», ну и, естественно, ей «было очень хорошо». После фразы о звенящих яйцах у Федора Ивановича выросли крылья и надолго помутился разум.

Через неделю в шкафу его спальни висело штук десять джинсиков-кофточек-маечек. Через две они полетели в Париж, он первый раз в жизни занимался сексом в туалете и соответственно первый — в полете. Было тесно, неудобно, но зато пьяно-весело. Договорились, что во время путешествия будут пить только шампанское, и начали даже не в самолете, а перед взлетом. В воздухе продолжили. Дорога из аэропорта Шарль де Голль казалась необыкновенно длинной, ибо оба знали, что их ждет широкая, упругая, теплая, уютная постель. Поселились они в «Интерконтинентале» на площади Оперá, сделали, что задумали, часок вздремнули и пошли, по ее выражению, «тусить». «Дотусили» до Вандомской площади, а там и «Картье», и «Шаме», и «Шопар». Федор Иванович как можно дольше скрывал свой среднеменеджерский статус — мало ли что себе ее милая головка надумала, а у него квартира ипотечная, машина служебная. Ну он и здесь не стал ее разочаровывать: результатом прогулки явилась бриллиантовая пандочка на подвеске. В тот момент (были бы деньги) он хотел скупить все бриллианты мира, черные, голубые, оправленные в белое, желтое и розовое золото.

Пройдя мимо отеля «Риц» («А почему мы здесь не остановились?»), они старательно нагуляли аппетит в саду Тюильри, затем объелись мидиями на бульваре Капуцинов. В ресторане в план по распитию шампанского вмешался сомелье и буквально навязал им какое-то вино. Любовники сдались, и, к счастью, оно оказалось восхитительным.

Вечером катались на утлом речном трамвайчике, танцевали на палубе, пытались подпевать звучащему в наушниках Джо Дассену, братались (сестрились) с группой американских туристов, потом как-то оказались в отеле.

Конечно, за три последующих дня они постарались побывать и в Сен-Дени, и на Монпарнасе, и в Орсе. Лувр и Версаль отложили до следующего раза. На птичьем рынке Федор Иванович купил ей скромный букетик каких-то смешных цветочков. Она сказала на это: «Очень трогательные лютики». В какой-то забегаловке рядом он выпил подряд три

бокала вина прямо за стойкой. Шампанского не было, а с похмельем надо как-то бороться. Весь обслуживающий персонал ему искренне аплодировал, но в основном они (давайте называть вещи своими именами) трахались, трахались и еще раз трахались. В путешествии все как-то острее и интереснее.

Уезжать не хотелось. Он, конечно, потихоньку стал слышать какие-то мелкие замечания, легкое брюзжание, но не придавал этому значения, поскольку писался новый том «Камасутры» и по-прежнему «звенели яйца».

Москва встретила очередь на паспортном контроле, первоначальным отсутствием багажа, дождем, грязью под ногами и пробкой на Ленинградке. Здравствуй, родина...

Тогда появилось непонятное ощущение тяжести и ожидание чего-то нехорошего. Александра поехала к родителям, и влюбленные договорились, что она пробудет там до выходных, а на уик-энд они отправятся к друзьям на дачу. Их ежевечерние разговоры по телефону были скучными, жаргонизмы в ее речи к месту и не к месту раньше его умиляли, теперь начали раздражать. Потом она вроде разболелась, приехать к себе не разрешила, завершила, что ничего страшного.

За город Федор Иванович поехал один. С ребятами играл в футбол, колол дрова, парился в бане, пил пиво, затем водку, нырял в пруд, опять пил. После алкоголя сердце разрывалось от любви и тоски. Он звонил, абонент был недоступен. Он показывал друзьям фотографии Саши в мобильном, ребята причмокивали: «Вай-вай, как повезло тебе, кацо!», пили виски, ругали женщин, хвалили женщин, наконец, заснули.

На следующий день половина разъехались, он до вечера пролежал с книжкой в гамаке, когда уже стало смеркаться, вдруг сорвался и помчался в Москву. Ему почему-то казалось, что Александра вот-вот позвонит, захочет встретиться, а он черт знает где, а должен быть рядом, ведь она болеет, страдает, а он, сволочь, веселится. Он гнал, гнал. На счастье, не было ни одного гаишника, Федор Иванович всем постоянно мигал дальним светом, автомобили только успевали улетать из левого ряда...

Он знал дом, где она живет, но, высаживая ее у подъезда, номер квартиры так и не спросил. Телефон, конечно, не отвечал, он был, как на иголках, в итоге поехал к себе — а что делать?

В понедельник его прямо с работы отправили в командировку — ЧП в филиале во Владимире. Он проторчал там до пятницы. Как-то вечером она позвонила сама, сказала, что потеряла телефон, а нового еще нет, звонит от подруги. Была весела, ему показалось, что в подпитии, фоном он слышал смеющиеся женские и мужские голоса. Договорились, что она перезвонит на следующий день. Звонка не было.

Как-то, вернувшись домой после работы, он не обнаружил ее вещей — надо ли говорить, что у нее был ключ?

Три вечера он до глубокой ночи дежурил у ее подъезда — безрезультатно. Через знакомых Федор Иванович хотел подтвердить ее адрес по номеру мобильного телефона — но он был оформлен на другое лицо. Круг замкнулся.

Вид обнимающихся, целующихся парочек внушал ему отвращение. Любая, даже самая дешевая песня о любви выворачивала его наизнанку. Слезы казались обычным делом, пьянство стало бытовым. Напиваясь, он покупал проституток, но детали встреч наутро уже не помнил, что и к лучшему.

Как-то три дня подряд не выходил из казино. Работу прогуливал постоянно. Его вежливо попросили взять отпуск за свой счет и привести себя в порядок.

Он поехал в Питер и пил там неделю. Возвратившись, четыре дня спал, потом жил в ритме «баня-бассейн-спортзал», раздарил весь свой алкоголь. На работе на него не могли нарадоваться.

В «Милк энд Ханей» Федор Иванович познакомился с девушкой Дарьей. У нее были четыре цветные наколки, пирсинг в пупке, она свободно разговаривала на английском и испанском, по утрам в любую погоду каталась на велосипеде с шестнадцатью передачами. Ей было двадцать пять, она не любила Бритни Спирс и смотрела канал «Эй Уан-альтернатива». Даша презирала пафос и пила сухое чилийское, она хотела мужа и детей, отдавала предпочтение лысым мужчинам в возрасте, их опыт и мудрость были интереснее юношеского задора и двадцатичетырехчасовой эрекции.

Спустя неделю она представила нового знакомого подругам, и ему показалось, что они все работают в тату-салоне. Молодежь, однако.

Сашу он не вспоминал даже матом. Было — прошло.

Однажды Федор Иванович отправился в Сандуны. Коллективные походы он не признавал — болтовня отвлекала от процесса. В бане он никогда не пил алкоголь, долго парился, после каждого захода нырял в ледяную воду, как говорил один его китайский друг, копил энергию Ян, приводил ее в уровень с Инь. Или наоборот, что не важно. После седьмого раза решил, что достаточно, пошел собираться. Вдруг его окликнули из шумной компании, расположившейся на диванчиках прямо в центре зала. Обернувшись, он увидел однокурсника Петю, то есть Петра Васильевича, ныне управляющего известной инвестиционной группой, ранее отпочковавшейся от еще более известной инвестиционной группы, где он был вице-президентом.

Васильевич выбежал прямо из-за стола, заставленного кружками с пивом и тарелками с отварными креветками, и бросился обниматься дурно пахнущими креветками руками. Еще чувствовался запах спиртного, явно не сегодняшнего.

— Федя, брат, как я рад, как я рад!

Ну как же, года три не виделись, и не очень было надо...

— Тут такие дела, такие дела! Идем к нам!

— Что случилось? Разгадана тайна Тунгусского метеорита? — Не сказать, что встреча была неприятной, но особых чувств к этому однокашнику он не испытывал и пить не хотел.

— Все шутишь... Нет, я серьезно, у меня праздник — пойдём, отметим!

— Прости, Петь, с праздником поздравляю, но видишь, я уже собираюсь, тороплюсь, боюсь опоздать.

— Понимаю! Конечно! — Тут он вновь прижал к своему немаленькому животу Федора Ивановича и хихикнул ему в ухо: — Приводим себя в порядок после вчерашнего. Мальчишник у нас был, понимаешь? Женюсь я, понимаешь?

— Поздравляю! На самой лучшей на свете?

— Не то слово!

— И кто же она? Богиня?

— Не подкальвай. Девчонка как девчонка. Но трахается!.. И все разговоры только об этом самом! И любит меня, понимаешь? — Тут Васильевича качнуло. — Она в первый же наш раз сказала, что никогда еще в жизни не видела такого красивого члена и — представляешь — что во время секса у меня яйца звенят! Ух, меня и зацепило! — Он опять хихикнул. — Я с ней в Рим, в Ниццу, брюлики, машину, а она мне: «Мужчины часто дарят дорогие подарки перед расставанием, чтобы отделаться, а я нормальная девушка и хочу

серьезных отношений». Ну я и решил прыгнуть в этот омут. Хотел чуть подумать, но тут такой головокружительный минет, я и брякнул: «Выходи за меня замуж!» Она: «Да! Да!» И опять минет! Представляешь? Ух, моя Сашенька, золото! Через неделю свадьба, я тебя найду на днях, пришло приглашение. Ну бывай!

Федор Иванович не провожал его взглядом — в глазах помутилось, он ничего не видел. Дыхание перехватило, по левой руке что-то пробежало и стало колоть в грудь тысячей мелких иголок. Он вдруг понял, что ему трудно стоять, захотел опереться о стену, но она была в пяти-шести шагах. Он решил, что не сумеет их сделать, ему показалось разумным присесть на корточки. Вдруг сердце сдавило чем-то сильным, до ужаса сильным, и потащило вниз. Стоять он уже не мог.

«Пиздец...» — успел подумать Федор Иванович и рухнул на пол.

На его похороны Петр Васильевич не пришел. Было некогда.

Прекрасный период жизни хорошего молодого человека

Хорошего молодого человека Николая начальство решило отправить в долгосрочную командировку в Санкт-Петербург. Ехать особо не хотелось, но Николай был твердо настроен делать карьеру, и возможность в таком возрасте поуправлять вторым по величине филиалом компании упускать не собирался. Его настойчиво двигали вверх, и два года верной службы на таком посту позволяли ему заматереть, набраться руководящего опыта, а возможные ошибки вдали от головного офиса необязательно было выставлять напоказ. В общем, командировка была полезной.

Что держало молодого человека в Москве? Да ничего особо. Отец Коли, собственно, его карьерой и занимался, мать во всем поддерживала, друзья много времени никогда не отнимали, сердечных привязанностей не было. Не то что он девушкам не нравился, но Николай считал, что всему свое время, и никуда не спешил. Бывало, конечно, увлекался на мгновение, но все быстро заканчивалось. Характер он имел педантичный, сухой, и то, что нравилось начальству, в восторг девушек не приводило. Романтика? Чушь какая, прости господи. Ему всегда давали больше лет, чем было на самом деле, и вел он себя под стать внешности. Цветы, купленные на последние деньги, выведенное краской на асфальте поздравление с днем рождения под окнами любимой — какая глупость! Цветы завянут, чувство уйдет, а несмыслаемая надпись еще долго будет мозолить глаза, напоминая о неприятном. Познакомился, ходил в кино и на танцульки, переспал — вот и еще кто-то понравился. Есть ли смысл заводить отношения, когда сил море и нравятся все подряд?

В Питер он приехал в выходной день — хотел сначала устроиться на снятой ему квартире, обойти район, присмотреть продуктовые магазины, кафе, ресторанчики. Жилье находилось в центре, рядом с Невским, и, едва приняв душ, позавтракав и переодевшись, он пошел прогуляться.

Николай заранее наслушался об инертности и лени местных жителей, но в выходной работа не интересовала, интересовали девушки, а все, кто здесь побывали, с восторгом отзывались об их легком нраве и необычайной доступности. Идя по проспекту, он часто ловил встречные взгляды, это поднимало настроение. Он не очень любил алкоголь, но вдруг захотелось выпить, чтобы голова закружилась еще сильнее. Зашел в первую попавшуюся кафешку, попросил виски со льдом. Он пробыл у стойки пять минут, но какие-то девицы поочередно успели и спросить у него зажигалку, и узнать время. Спички лежали рядом с пепельницей на стойке, а большие настенные часы находились у бармена за спиной. Молодой человек Николай все понимал, просто девушки не очень понравились.

Пешком он дошел до Дворцовой площади, вдруг понял, что устал и на сегодня впечатлений достаточно, вернулся обратно на такси.

Сначала скучать ему было некогда. С раннего утра до позднего вечера сидел в офисе, корпел над документами, общался с довольно большим коллективом или знакомился с самыми важными клиентами. Его, конечно, удивила никем не скрываемая неприязнь «к Москве», но он отнес ее к провинциальному комплексу неполноценности и перестал обращать на это внимание. Гораздо более неприятным оказалось общее удивление его «юным» возрастом. Но тут он сумел извлечь пользу — встречаясь с клиентами, больше общался с заместителями, чем с первыми лицами, а они были непосредственны, охотнее

делились информацией и, конечно, были более восприимчивы к идеям зарабатывания или хотя бы экономии денег. Не прошло и двух недель, как он уже уговорил веселого финансового директора одного завода на сделку. В Москве его с удивлением похвалили.

С директором и его друзьями в пятницу они пошли обмыть совместную удачу в стриптиз-клуб в Петропавловской крепости. Ребята пили все вперемешку, танцевали на сцене вместе с девушками, раздевались, визг был на все помещение. Затем танцовщицы оказались на коленях у присутствующих за их столиком. Николай утонул в кожаном диване, сверху его придавила грудастая девица, которая обнимала за шею, безостановочно смеялась и напоминала, чтобы ей принесли коктейль, хотя он давно стоял у нее на столе. От женщины пахло потом (танцевала от души), было противно, при первой возможности он сбежал. Так Николай пришел к мысли, что неплохо было бы познакомиться с какой-нибудь нормальной.

Перечисление денег по договору задерживалось, финдиректор чуть-чуть поизвинялся и дал ему «для работы в контакте» зам. главного бухгалтера — девушку, которая два дня по телефону жаловалась, что на счете нет денег, а на третий позвонила сама и попросила приехать его лично подписать очередную бумажку.

Девушку звали Наташа, у нее были короткие пальцы и длинные ногти. Николай смотрел, как она легко летает туда-сюда на высоких каблуках, и вдруг пригласил ее сходить поужинать. Нисколько не смущаясь, Наташа ответила, что она замужем, поэтому времени у нее только до десяти.

Они встретились в шесть в кафешке через дорогу от его дома — других мест он еще не знал, и через час уже были в его квартире. Наташа быстро опьянела, была заводной, веселой, но постоянно вспоминала супруга, к тому же у нее была маленькая мягкая грудь и жиденькая попка. Ближе к девяти, глядя в потолок, она сказала:

— Боже мой, у меня такой замечательный муж! Ну что я тут делаю!

Николай вызвал ей такси, она уехала. После Натальи остался густой табачный запах на всю квартиру и неприятный осадок в душе — с замужними женщинами он еще не спал.

После оплаты договора настроение было лучше некуда, он сбежал с работы пораньше. В отделении Сбербанка, меняя доллары, разговорился с кассиршей. Предложил вечером встретиться, она согласилась. Тут уж девушка выступила экскурсоводом — повела его в ирландский бар на Рубинштейна пить пиво. Обилие красивых женских лиц в одном, довольно тесном помещении, поразило Николая, и он решил каждый вечер куда-либо выбираться. Но до этого было далеко, и Гуля тоже была ничего. Гуля, Гульнара — потому что отец татарин.

Она смеялась над каждой шуткой, зачем-то переругивалась с официанткой, сказался, наверное, общий стиль работы сбербанковских служащих, периодически хватала его под столом за коленку, а иногда прижималась головой к плечу. Когда он ее провожал, то крепко держал за талию и радовался ее стройности — сквозь одежду прощупывалась ложбинка на спине. Около подъезда они долго целовались. Дома Николай обнаружил давно не появлявшиеся следы помады на воротнике рубашки и, воодушевленный, решил за девушкой приударить. Но приударить не получилось, потому как уже на следующий день они оказались в постели.

Но роман как-то не развивался — и он, и она много работали, поэтому тратить время на посещение культурных мероприятий и сидение в кафешках было жаль. Каждый вечер у него дома они занимались сексом. Ночевать Гуля никогда не оставалась, ссылаясь на строгость родителей. В один момент ее частое присутствие в доме стало Николая тяготить. Он начал

придумывать себе дела и отказываться от встреч.

Готовить он умел, но не любил, поэтому часто покупал после работы в кулинарии на той же улице курицу-гриль и салаты. Николай обратил внимание на явно с перебором крашенную блондинку, новенькую продавщицу, перекинулся с ней парой фраз, попросил зачем-то телефон, она не дала, но записала его номер.

Как-то поздним вечером, если не сказать ночью, раздался звонок. Это была продавщица Оля. Она назвала место, где находится, такой подростковый танцевальный гадюшник, и попросила его приехать: «А то грустно что-то». Николай оторопел, ответил в том смысле, что о таких вещах договариваются заранее. Возникла мысль: «Ты, пионерка, совсем охренела? Или нюхнула чего?», и он скорее из вежливости предложил ей приехать самой.

— Хорошо, называй адрес, — ничуть не удивившись, сказала девушка.

Пока ее ждал, Николай нарезал фрукты и откупорил бутылку вина. Оля приехала, даже не допив первый бокал, попросила свежую футболку и отправилась в ванную. Футболку он быстро с нее снял. Обнаженная, она оказалась настоящей красавицей. Упругое молодое сильное тело, белая кожа, без малейших изъянов грудь с розовыми сосками, жадные губы... Утром он не обнаружил ее рядом, вышел из спальни и застал на кухне готовившей завтрак — она где-то нашла прозрачный казенный фартук, надела его на голое тело и была так очаровательна, что наш герой мгновенно возбудился. Олю это привело в восторг. Указывая плоской на член, она произнесла:

— Он хочет, чтобы его полюбили, — прикрутила газ и потащила Николая обратно в спальню.

На работу он опоздал. Ему сообщили, что в офис звонил первый заместитель и был недоволен, что его не нашел. Но Николай решил не заморачиваться — ошибок пока не случилось, бизнес худо-бедно развивался, корить его было пока не за что. Все его мысли занимала Ольга. Он понимал, что девушка была простушкой, если не сказать лохушкой (да, вернее), но ее интеллект интересовал его сейчас в последнюю очередь. Он позвонил ей раз, другой, договорились, что она придет к нему сразу после работы.

Всю вину за свое первое впечатление Николай свалил на вино. Теперь от волос Ольги так несло курицей-гриль, что у него чуть не сработал рвотный рефлекс. Запах был непреодолимый, мощный, заполнял собою все. Надо было попросить ее помыть голову, но он боялся девушку обидеть, и зря — секса особо не получилось, так что обидеть все равно пришлось. Восемнадцать лет — занятно, конечно, но слушать чепуху с речевыми ошибками да еще ощущать липкий, густой, вонючий запах — увольте. После Оля ему еще звонила пару раз, он ссылался на занятость. Видимо, девушка все поняла и не стала навязываться.

А тут еще Гуля пригласила на день рождения своей родственницы. Общения Николаю не хватало, и он с радостью согласился. Праздник был у дочери двоюродного брата чьей-то жены... В общем, не важно.

Москвич ростом выше среднего, в костюме с иголки, с букетом аккуратно подобранных цветов вызвал у присутствующих живой интерес. У него же вызвали интерес все до одного. Квартира была до того огромной, что показалась ему коммунальной. Он спросил об этом у Гули, оказалось, нет. Просто в ней очень давно не делали ремонт, пространство было перегородено деревянными стенами, потому получилось столько комнат. Вовсе не татарские родители поднимали тосты за свою дочь, остальные бурно их поддерживали. Ей сегодня исполнилось семнадцать, девушка выглядела на двадцать с лишним.

Николай выпил больше, чем нужно, и то ли поэтому, то ли по другой причине не сводил с нее глаз. По дороге к дому Гуля устроила ему бурную восточную сцену ревности — хотя ни словом, ни делом он не выражал симпатии имениннице, но женщину не обманешь — и отказалась ехать к нему, напоследок наговорив много всяких разностей.

Все, что ни делается, к лучшему. Кроме, конечно, похмелья.

Рабочий день не задался, ничего не клеилось. Николай решил уйти пораньше. Пешком дойдя от Вознесенского до Садовой, он выпил в первой попавшейся забегаловке дешевого пива. Оно было противным, но все равно солнце засветило ярче, а воздух стал свежее.

Насвистывая какой-то навязчивый попсовый мотивчик и проходя мимо «Ив Роше», он обратил внимание на очаровательное создание, прислонившееся спиной, вернее, попой, к перилам напротив входа в магазин. Большую сумку создание зачем-то поставило на землю позади себя, а само вглядывалось куда-то вдаль. Описать девушку можно было следующим образом: фигура — бесподобная. Грудь — выпирающая. Губы — пухлые. Ноги — длиннющие. Еще к образу добавлять что-нибудь нужно? Правильно. Николаю захотелось похулиганить. Он осторожно подкрался сзади, взял сумку и отошел в сторону. Девушка ничего не заметила. Тогда он сделал довольно большой круг по Сенной площади, все время поглядывая на красавицу, но она ни разу не оглянулась. Он подошел к ней, протянул сумку, поздоровался и сказал, чтобы она внимательнее относилась к вещам, иначе какой-либо нехороший человек этой сумки ее лишит. Девушка, улыбаясь губищами и сверкая зубками, поблагодарила его. С осознанием выполненного долга по защите чужой собственности он, не зная зачем, зашел в магазин и оттуда через стекло смотрел на девушку, собираясь с духом. Выйдя, он опять подошел к чаровнице и предложил познакомиться. Она была не против. Договорились завтра встретиться. Конечно, потом он не раз слышал: «Я знала, что ты вернешься!»

На другой день Николай вдруг понял, что еще никогда в Питере так перед свиданием не волновался. Рабочее время прошло в томительном ожидании вечера. Наконец он наступил. Надо заметить, что к Николаю был приставлен водитель со служебным автомобилем, но так как они достаточно много ездили в течение дня, по окончании работы он труженика обычно отпускал. Сегодня между тем ему надо было произвести впечатление. Конечно, это примитивный способ — продемонстрировать даме роскошное авто с личным драйвером, но он не стал им пренебрегать. Николай попросил Андрея Андреевича отвезти его к девушке, а потом в ресторан. Так что, можно сказать, что он ехал к ней на машине, но в то же время летел на крыльях. Однако он чуть не разбился при приземлении.

Аня пришла на встречу в короткой юбке и каких-то невообразимых полусапожках на высоченных каблуках — и это при ее-то росте! В общем, не низенький хороший молодой человек Николай почувствовал себя карликом. Сюда можно добавить чрезвычайно открытое декольте Анюты, выглядывающие из выреза кружева бюстгальтера, стройность ног, походку как бы по одной линии, при которой попа четко двигается влево-вправо, ресницы-опахала и роскошные ухоженные длинные черные волосы. Они быстро доехали до его любимого ресторанчика. Аня залихватски, по-разбойничьи, смеялась над всеми его удачными и неудачными шутками, которыми он сыпал по дороге. Это поднимало его настроение и самооценку.

Андрей Андреевич так кряхтел, что Николай все-таки отправил его домой, резонно решив, что дальше справится сам.

Заведение было привычно уютным, кого-то из персонала он уже знал по имени и не

лишал себя удовольствия при девушке — надо же выдать себя за завсегда! — здороваться, произнося имена вслух. Парочка устроилась за столиком, и еще не было откупорено вино, как Николай заметил, что девушка многое делает неправильно. Например, сама пыталась придвинуть стул, спинку которого услужливо держал официант, и прочее. Заранее извинившись, он поинтересовался, сколько ей лет, и чуть не упал со стула, уже своего, когда она произнесла: «Скоро девятнадцать. Знаешь, в ТАКИХ ресторанах я редко бываю. Вернее, еще ни разу не была». Мама миа!

Позвонил водитель, сообщивший, что девушка забыла в машине свою сумку. Николай в жизни так не смеялся — он же Аню предупреждал! Узнав причину его смеха, захохотала и она. Водитель, чтобы не возвращаться (все водители мира считают, что работают слишком много и что их нещадно эксплуатируют), предложил оставить сумочку в квартире Николая — у него на всякий случай были ключи, квартира-то служебная. Николай спросил разрешения у Ани, спутница лишь пожалала плечиками — решай, мол, как знаешь.

Вино было испытанным, блюда проверенными, разговор любопытным, хотя и ни о чем. Думая о том, что ей предложить после ужина, он осторожно расспросил девушку о ее интересах и быстро принял решение — бильярд. Разделавшись с последними кусочками дорады, десерт решили отложить на потом и помчались в «Баррикады».

Аня довольно умело попадала в лузы, Николай с удовольствием поддавался и с еще большим удовольствием ловил направленные на нее восхищенные взгляды окружающих мужчин. Он их понимал — когда Анна низко наклонялась над столом для сложного удара, ее юбка задиралась и открывала черные кружевные трусики. Мужчины с противоположной стороны стола наблюдали, как обнажается при наклоне и так до невозможного открытая грудь. Аня пила мохито и на робкое предложение не напиваться, хихикая, ответила в том смысле, что уже поздно предупреждать.

Сыграв несколько партий, поняли, что игра им надоела. Они решили пройтись по Невскому, прежде чем ехать куда-то еще. Но «куда-то» не пришлось — судьба вела их за руку: они еще не дошли до Александровского сада, как Анна сломала каблук. Девушка, конечно, расстроилась, Николай, как мог, ее утешал, сразу подхватил на руки и понес. Ее волосы закрывали ему глаза. Он испытывал нечто, похожее на счастье.

Аня расстроилась и захотела домой. Но сначала надо было забрать сумку. Она сразу предупредила — что, да, она поедет к нему, но только за сумкой, и больше ничего, и чтобы он не «думал чего-то такого», не говоря о том, чтобы сделать «что-нибудь такое». Он, как мог, заверил ее в своей благонадежности. В такси он даже случайно боялся дотронуться до ее коленки, чтобы она не передумала. До подъезда Анна допрыгала на одной ножке. Судьба опять помогла — таксист отказался ждать их, чтобы отвезти потом на Каменный остров. Ему надо было в другую сторону. Ну, нет так нет...

В квартире Аня поначалу не хотела остаться ни секунды, но в конце концов поддалась на уговоры выпить бокальчик вина. «Ну всего один! Ну да, конечно, как же иначе!» Через три минуты они уже жарко целовались. «Я должна ехать!» — «Ну еще десять минут!» — «Нет, только пять!» — «Хорошо!»

Через двадцать они были в постели. Можно, конечно, все рассказать подробно. Но зачем? Кажется, достаточно заметить, что ПОДОБНОГО секса у Николая еще не было. И дело, конечно, не в девочке, хотя неумелой ее точно нельзя было назвать. Совсем, совсем наоборот — но тут скорее было больше таланта, чем, естественно, опыта. Дело в самом Николае. Он парил, летал, низвергался и вновь воспарял. Все, все было замечательно, ничего

такого, что могло даже в малой степени не понравиться!

Когда они, наконец, заговорили во время перекура — девушка, кстати, курила, и курила много, — Аня призналась, что времени у них вагон, так как мама именно сегодня уехала в командировку, а папа, понятно, загулял. Судьба, спасибо! И снова, снова, поцелуи, двоих окутала... Любовь?

В четыре утра, вцепившись друг в друга, они вышли в холодную ночь — их ждало такси. Когда доехали до ее дома, выяснилось, что она забыла ключи (рассеянная, однако, девушка!), а отец еще не вернулся. Судьба? Да нет, достаточно. Анна наотрез отказалась возвращаться к нему. Они еще минут пятнадцать посидели на ступеньках в подъезде, покурили, поочередно нашептывая друг другу на ухо разные нежности и шалости: «А помнишь — я одной рукой приподнял твою попу, а ты?..»

Она еле уговорила его уйти, поклявшись увидеться на следующий день, — боялась, что отец их застанет. Наконец после нескольких «впоследнийразовых» поцелуев он вышел на воздух. Счастье счастьем, но ни одной проезжавшей мимо машины не было. Вдруг рядом остановился джип — Николай даже руку не поднимал, джиперы не таксуют. Водитель предложил подвезти до более оживленной дороги. «Не твой район?» — спросил он. Николая распирало, он не выдержал и объяснил причину своего появления здесь, сделав упор на то, что не знает, как теперь поступить: «Ей же восемнадцать, даже стыдно». «Хе, — сказал водитель, — нашел, чем голову забивать. Танцуй, пока молодой! Удачи».

На проспекте наш герой быстро поймал машину, по дороге отправляя и получая эсэмэски разного, в том числе и неприличного, содержания. Подъезжая к дому, пожелал Ане спокойной ночи.

Спал он без снов, настолько счастливый, как может быть счастливым так резко и сильно, он для себя уже решил, влюбившийся человек.

Утро, по-питерски хмурое и сырое, он встретил с ощущением невесть откуда навалившегося счастья. Очень, конечно, хотелось позвонить красавице, но он решил повременить. На работе Николай насвистывал песенки. Неожиданно за какую-то мелочь похвалил сотрудницу, которую раньше демонстративно не замечал, ибо она была глупа и неповоротлива. С воодушевлением подсчитал «расходы-доходы», звонил в Москву, а перед тем, как выйти на обед, к удивлению для самого себя, достал початую после визита очередного клиента бутылку виски и налил себе добрую порцию — пытался погасить свое возбуждение. Ему хотелось что-нибудь сделать для своей новой знакомой — удивить, поразить, ошеломить, приручить, заставить ее восторгаться, млеть от счастья...

Вдруг ему пришла мысль пригласить ее в оперу. В Интернете он посмотрел репертуар Мариинки — как раз сегодня давали «Травиату»! Проблемы с билетами не было — как-то раз спекулянт, торгующий билетами у театра, всучил ему свою визитку. Он позвонил Анне, после весьма короткого разговора договорились встретиться в шесть вечера на Театральной площади. Тон девушки показался ему сухим и неприветливым. Николай оторопел, сердце ухнуло вниз. Может, рядом с ней был отец? Или... еще кто-то? Да какой отец, время-то рабочее... Эх, нам бы день простоять да ночь продержаться...

Холодный вечер показался ему жарким. Он пришел пораньше и забежал в паб, расположенный на площади, выпить пива. Помогло, он успокоился. Появилась какая-то расслабленность и мысли типа: «Да подумаешь! Нет, и не надо!» Появление Анны эти мысли немедленно прогнало прочь. Сочетание черного с алым — ничего оригинального, но как же ей шли красные сапожки и красный пояс, обнимающий талию. Увидев Николая,

Анна издали помахала ему рукой и чуть ли не вприпрыжку побежала ему навстречу. Николаю стало стыдно за свои страхи и малодушие. Они обнялись и поцеловались. Николай сказал, что она «шикарно выглядит», девушка, что «он тоже ничего». Когда они поднимались по театральной лестнице, Николай почувствовал, что на них устремлены все взгляды. Анна также обратила на это внимание и шепнула ему: «А ты знаешь, мы здесь самая красивая пара». Николай возражать не стал.

Времени было достаточно, и она предложила выпить шампанского для более острого восприятия искусства. Предполагаемая смесь: виски + пиво + шампанское напугало кавалера лишь на секунду. Как говорил его шеф: «Какая разница, в бокале коктейль или в желудке?» Тем более, что «Советского шампанского» он не пил с выпускного. Лучше бы и не начинал. Ну да ладно — сейчас настроение ему ничем нельзя было испортить. Аня вся искрилась, сверкала, притягивала взгляды окружающих.

Через какое-то время они устроились в зале. Места были отличные — спасибо спекулянтам. Волшебная смесь гениальной музыки, алкоголя и влюбленности заставляла его трепетать от счастья. Николай держал ее ладошку в своей руке — то мял, то легонько поглаживал подушечки пальцев, подносил тыльную сторону ладони к своим губам и нежно целовал. В такие моменты она чуть наклонялась к нему и шептала на ухо: «Ты замечательный». В очередной раз она шепнула: «Опера прекрасна, но я хочу тебя немедленно, срочно поехали к тебе».

У Николая мелькнула мысль — а смогла бы она уйти из кинотеатра с какого-нибудь разрекламированного американского блокбастера так же легко, как из оперы? Дождавшись антракта, они поспешили к нему домой. Старушки в гардеробе смотрели на них с осуждением.

Секс опять был сумасшедшим. Так как на сей раз она заранее отпросилась, и добавила, что отец вообще не задал ни единого вопроса и, пожалуй, даже обрадовался, у них была уйма времени, чтобы изучить тела друг друга получше. Никто не остался разочарован. Потом они пили вино, болтали, кормили друг друга виноградом и курили.

Николай старался все это делать под лучшую музыку, часто менял разные CD, но скоро догадался, что музыка ее не интересует. Подумаешь, ерунда какая... Засыпала она на правом боку, свернувшись калачиком, он лег так же, свою правую руку подsunул под ее подушку, а левую положил на грудь. Он сначала убедился, что она спит, и только потом заснул сам.

Утро было субботнее, и до обеда они решили вообще никуда не выходить. Все это время провалялись в постели и после очередного секса даже успели полчаса подремать. Потом поняли, что у них от такой, с позволения сказать, физической нагрузки зверский аппетит, и нужно срочно утолять голод наиболее калорийной пищей. Парочка отправилась в «Бирштубе» в «Невский палас», где с удовольствием поглощала копченые сосиски, венгерские гуляши, тушеную квашеную капусту и картофельное пюре, естественно запивая еду литровыми кружками «пауланера».

Мужчина за соседним столиком посапывал, полулежа в углу дивана. Проходившая мимо молоденькая официантка, ища в них союзников, кивнула в сторону посетителя, брезгливо поморщившись: «Москвич...» Николаю стало неприятно. Питерский комплекс неполноценности по отношению к столице его раньше просто забавлял, теперь вдруг задел. Человек этот вполне мог быть обычным командировочным из Омска-Томска-Оренбурга-Екатеринбурга. Да даже если из Москвы — ну была у человека тяжелая ночь, бурная не по силам, попил пивка, расслабился — с кем не бывает? «Пошли куда-нибудь погуляем», —

предложил он Ане. «Ага!» — быстро сказала красавица.

Они собрались и вышли на проспект. Перечислив друг другу все известные туристические места, выяснили, что он, к стыду своему, еще не был у Медного всадника, и поехали к памятнику. Там они, обнявшись, ходили по песочным дорожкам, бродили по желтой сухой листве, курили на лавочках. Анна расспрашивала его о прошлой жизни, о Москве, о девушках. Когда Николай попытался узнать о ее юношах, вместо ожидаемых шуток она довольно резко его оборвала, сказав:

— Давай считать, что ты первый. Других просто не было.

— Но это же не так. Я все понимаю, но, поверь, тут нет ничего страшного!

— Для меня — есть. Ты — единственный, и точка.

«Блин, — подумал Николай, — вот они, восемнадцать лет. Какой-то туман, загадки... Тьфу».

Настроение упало, оба молчали. Стал накрапывать дождик. Решили поехать домой. Она так и сказала: «Домой» — и было понятно, что домой к нему. В принципе к себе она собиралась вернуться именно сегодня, но сначала он поставил «Свидание вслепую», фильм этот она раньше не видела, ей понравилось, потом он предложил виски, ей понравилось, после фильма он стал ее осторожно целовать... Ей понравилось. И она никуда не поехала.

Воскресенье и всю следующую неделю, кроме вторника, когда ее мама возвратилась из командировки, каждый вечер они проводили вместе. Сначала он пытался сам отвозить ее на такси, потом стал просто сажать в машину. Он и так не высыпался, приходил на работу с синими кругами под глазами. Как-то решил отдохнуть от общения один день, но настолько вдруг неуютно себя почувствовал, что передумал.

Они гуляли, ходили в ресторанчики, но все равно, хоть на час, заезжали к нему. На выходные в «Юбилейном» был Моби. Николай рискнул и потащил ее туда, она танцевала и визжала от восторга. Также они побывали в клубе «Метро», еще он пообещал как-нибудь сводить ее на «Петровский» посмотреть матч «Зенита». Да, он был москвичом, но любил красивый футбол, а команда в этом сезоне разыгралась.

В общем, несмотря на некоторые шероховатости, которые он отнес к периоду становления отношений и неполного знания привычек друг друга, можно было сказать, что он счастлив.

В понедельник позвонили из столицы и предупредили о плановом визите первого заместителя, о чем ему говорили заранее, а он, к стыду своему, за любовными переживаниями просто забыл. Ошибки в работе были, но небольшие, так что Николай особо не волновался — разве что вечер с Анной приходилось пропустить.

Заместителя звали Олег Станиславович. Это был такой грузный-грозный пятидесятилетний мужчина, который в основном и вел всю текущую работу компании в отличие от шефа, решавшего глобальные вопросы. Его почти все побаивались, и было за что. Лени, невнимательности, а тем более глупости он не прощал.

На следующее утро Николай вместе с Андреем Андреевичем поехали его встречать в Пулково. Первый заместитель был в хорошем расположении духа и попросил при водителе работу вообще не обсуждать. В дороге до отеля говорили только о культурных достопримечательностях города Петра, местных питейных заведениях и, скажем так, об общественно-политической ситуации в стране и мире. В «Гранд отеле Европа» он попросил его не ждать, а прислать за ним водителя через час, благо до офиса было рукой подать. В хорошем расположении духа Николай отправился на работу. Лишний раз прошелся по

этажам, все осмотрел. «Что ж, системы работают нормально, к взлету готов». — И сам улыбнулся своей шутке.

Вскоре подъехал Олег Станиславович, сообщил, что у них будет важный разговор с глазу на глаз, но не в кабинете, как ожидал глава филиала, а за обедом, а пока попросил сопроводить его в беседах «с крысами кабинетными», и они пошли по всем этажам, чтобы посмотреть на работу каждого отдела. Он себя вел как главнокомандующий на учениях в каком-нибудь дальнем округе, но в отличие от многих наших главнокомандующих во всех вопросах разбирался лучше остальных «военнослужащих». Все эти беседы заняли час с лишним, после чего они сразу поехали в «1913».

Как только они уселись за столик, первый заместитель начал тот самый «важный» разговор.

— Мой юный друг! — сказал он. — Обстоятельства складываются таким образом, что тебе срочно надо собираться в Москву!

Заметив мелькнувшее на лице молодого коллеги недоумение, он с удовольствием сделал театральную паузу, после чего заговорщицким тоном, на манер соседки, сообщающей другой соседке о тайной беременности дочери третьей соседки, произнес:

— Сергей Иванович собрался уходить!

Вышеназванный господин был одним из ведущих специалистов компании, прекрасным сотрудником с огромным опытом и множеством связей. А лучших менеджеров часто кто-нибудь переманивал, в том числе и у них, и что тут сверхудивительного и почему от этого должно зависеть его возвращение в столицу, Николай не понял.

Тут подошел официант, каждый сделал свой заказ. Олег Станиславович продолжил:

— А нам, как ты понимаешь, это не нужно. Такого человека терять никому не хочется. Мы с ним поговорили по душам, Сергей Иванович объяснил, что он все-таки петербуржец, семья его здесь. Мотаться туда-сюда надоело, а хорошо нам знакомый «Уралсиб» сделал ему предложение, от которого трудно отказаться, — возглавить питерское отделение, плюс деньги, конечно, и прочее и прочее. Ну, мы подумали и решили, что парень ты молодой, у тебя все впереди, и хоть мы равную по статусу должность пока, повторяю, пока, тебе предложить не можем, но нам кажется, что тебе нужно вернуться в Москву, а Сергей Иванович займет твое место...

Николай сжал кулаки.

— То есть я не справляюсь?

— Ух, ну зачем же так! Знал бы ты, как нам все уши прожужжали, прежде чем мы тебя сюда направили, — мол, еще молод, пороху не нюхал, опыта мало... Но мы рискнули и не пожалели. Ты в курсе, как долго мы не могли расшевелить это питерское болото? Сколько мы тут людей поменяли, скольких клиентов потеряли? Да, посылая тебя сюда, мы понимали, что это большой аванс, и если бы что-то пошло не так, сразу бы вернули обратно. А тут один клиент напрямую добрым словом о тебе обмолвился, другой, третий... А самый важный так вообще оду пропел, признался, что одновременно работал с тремя компаниями, и наша была самая худшая. А когда, как он выразился, «малолетнего пацана» прислали, так он вообще решил, что мы с ума сошли, и собрался уходить. Но потом из любопытства подождал чуть-чуть и теперь не нарадуется. Все, говорит, работает, как часы, с парнем вашим все вопросы напрямую можно обсуждать, всегда в курсе всех мелочей, всегда на связи, и он теперь две другие компании вовсе оставил! Конфликтов — нет, задержек по контрактам — нет, проблем — нет. А когда тебе один фрукт откаты стал предлагать, ты его так вежливо

проводил...

— Было такое, — сказал Николай и почувствовал, что краснеет. — Но откуда вы знаете?

— Да что я только не знаю! Все знаю. Я, между прочим, был уже здесь во время твоей... деятельности. Я встречался с людьми, общался. Конечно, по своим вопросам, вне твоей компетенции, но и про тебя интересовался. Хотел заехать, да было недосуг. Так что, считай, ты наш антикризисный менеджер. Выполнил работу — спасибо, вот достойная оплата. А здесь тебе больше делать нечего. Механизм отлажен, пусть теперь Сергей Иванович этим занимается.

Николай повертел в руках вилку. Много слышать было приятно, но...

— А что я буду делать теперь?

Тут официант принес воды, налил ее в бокалы, и Олег Станиславович жадно сделал несколько глотков.

— Понимаешь, не все так просто. Было бы иначе, я бы сам сюда не приехал, позвонил бы тебе — да и ладно. Сейчас мы равной должности предложить тебе не можем. В деньгах ты, конечно, не потеряешь, но, сам понимаешь, ни служебной квартиры, ни служебного автомобиля мы тебе не предоставим. Нет, со временем, если все будет нормально — а парень ты талантливый, — введем тебя в совет директоров со всеми вытекающими, но пока надо потерпеть.

— Ну да. Тогда получается, что фактически меня понизили. И, например, отцу объяснять, что это не так, и я вернулся не потому, что не справился, а по иным причинам, будут наши питерские клиенты?

— Коля, Коля!.. Не надо сарказма! Родители только рады будут, что ты вернешься! Полгодика потерпишь на прежней работе, и мы тебя пристроим в хорошее место. Всю эту лирику — справился, не справился — оставь.

Принесли закуски, но аппетит у Николая пропал.

— Мне же все придется начинать заново... — сказал он.

— Что тебя здесь держит? — Первый заместитель быстро управлялся ножом и вилкой, отправлял еду в рот и говорил, не успев прожевать: — Город тоскливый, люди ленивые, некреативные, всегда их подталкивать надо, работать тяжело. А зазнобу свою с собой заведи — снимешь квартиру, да перевезешь к себе.

Кровь резко прилила к щекам Николая.

— Откуда вы знаете про зазнобу? Андрей Андреевич?

— И не только. — Собеседник уже вытирал губы салфеткой. — Мы постоянно держим руку на пульсе, собираем информацию. А как ты хотел? Тебе такими деньжищами управлять доверено — мы должны быть в курсе всего, что ты делаешь и в офисе, и за его пределами.

— Видеокамеры в квартире, случайно, нет?

— Коля, Коля! Что за шпионские игры? Не Джеймс Бонд, поди, слежку за тобой устанавливать... А зазноба — это хорошо, все лучше, чем по проституткам бегать. Но ты слишком сильно не увлекайся — это может, поверь, помешать работе.

— Каким таким образом?

— Да разным. Думаешь, я мало что в жизни видел? Вот позовешь ты ее в столицу, а она не согласится — что делать будешь?

Николай похолодел.

— Не знаю, — честно ответил он.

— А я знаю. Согласится — так сразу женись. За любимым, как говорится, в огонь и в

воду. Молодец. А не согласится — ну и ладно, проверку на прочность не выдержала. Зачем тебе такая?

Принесли уху. Николай дотронулся было до ложки, но есть так и не стал.

— Но кто ее отпустит — ей же всего восемнадцать лет!

— Ну, Джульетте было меньше, и что она с собой сделала от любви?.. Если серьезно, все у тебя еще впереди. Вся эта любовь-морковь — один год. Ну два. Потом тебя все, даже мелочи, начнет раздражать — тело надоедает, одни и те же разговоры надоедают, родственники, бабушки, сестры, подруги достают... Да и ты станешь раздражать. Ты оставил пепельницу, она, извини, свои грязные трусы на виду в ванной, и понеслось... Ты будешь чаще бухать с друзьями, чтобы попозже приходиться домой, она — таскаться с подружками по кафе, чтобы тебя не видеть, редкий секс будет вас на мгновение сближать, а потом все по-прежнему, пока не расстанетесь, а если духу не хватит, так и будете вместе стареть, скрипя зубами при взгляде друг на друга.

— Ну что вы! Зачем... Вы же ее совсем не знаете!

— Коля, я жизнь знаю. Думаешь, ты у нас первый молодой сотрудник? Или ты первый, с кем я провожу профилактические беседы? Вот не поедет с тобой — что, здесь останешься? В качестве кого? У тебя нет предпринимательской жилки — как управляющий ты хорош, но что-то придумывать самому — как тот новый клиент, которого ты сам привел, — взял в долг судно рыбных консервов, поменял в Америке на ламинат, продал его здесь да еще получил возмещение НДС — смог бы? Устоявшиеся связи, первоначальные средства, свежие идеи? Или пойдешь наниматься к конкурентам за три копейки? Что тебе предложат? Быть младшим помощником младшего менеджера?

— Зачем вы так? Я ничего еще не решил.

— А вот затем все говорю заранее, чтобы как раз что-нибудь не решил. Что-нибудь глупое. Почему не ешь?

— Не хочу, — Николай сделал паузу. — Мне кажется, я должен всю эту информацию обдумать. В одиночестве.

— Да пожалуйста. Не будешь есть, иди. Хотя я думал, станет веселее, мы вечером сходим вместе куда-либо... Ну да ладно. Собирайся с мыслями, в офис можешь не возвращаться. Послезавтра подъедет Сергей Иванович, за пару дней введешь его в курс дел, и со следующей недели ждем тебя в Москве на новом-старом рабочем месте. Андрея Андреевича я у тебя заберу.

— Да понятно, — ответил Николай, поднимаясь со стула.

Олег Станиславович тоже встал, пожал ему руку, сказал на прощание:

— Я еще завтра здесь, смотри, с горя сегодня нигде не потеряйся, — и, встретив взгляд подчиненного, добавил: — Шутка.

Николай вышел на улицу. У него закружилась голова, и, понятно, не от свежего воздуха. Угрозы карьере не было, бедность не грозила. Квартиру он снимет однозначно, и не потому, что привык жить отдельно с родителями, — в разговоре с Анной нужен будет дополнительный аргумент. Ой, блин, с родителями ее надо знакомиться, наверное, предоставлять гарантии финансового благополучия... Потом приехать сюда с отцом, перезнакомить всех друг с другом, ну и... и... сделать предложение? Как там все это делается? И как помолвки эти потом происходят? Нет, он со всем справится, ерунда какая... Лишь бы, лишь бы... А сколько они вообще знакомы? Три недели всего? Эх, еще хотя бы столько! Как все не вовремя! Сергей Иванович, лысый хрен, Николай, понятно, уж и позабыл

о его существовании, вот выплыл из небытия... Ну, ничего, ничего...

Он позвонил Ане, сказал, что нужно срочно увидеться, чем немало ее удивил — для буднего дня было еще очень рано, в рабочее время они еще не встречались.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Ну... — замялся Николай. — Много важной информации, надо вместе обсудить.

— Какого рода информация?

— Я все расскажу, не торопись.

На том и сошлись. Договорились через два часа встретиться в «Ливерпуле», где бывали чаще всего.

Анна приехала на встречу вовремя, была, как всегда, красива, глядя на нее, молодой человек пытался рассмотреть в ней недостатки, которые, по словам первого заместителя, могут его раздражать в будущем, и не нашел ни одного.

— Рассказывай! — усевшись за стол и достав сигарету, сразу произнесла она.

Николай в ее глазах видел только горячее любопытство и ничего более — ни тревоги, ни заботы. Он курил гораздо меньше ее, не считал себя зависимым от табака, но тут вдруг понял, что после разговора с Олегом Станиславовичем смолит одну за другой.

— Блин, с чего начать... Ну, в общем, меня переводят в Москву.

— Вау... — казалось, поначалу до нее полностью не дошел смысл сказанного. — А что это означает? Тебя типа повышают или что-то еще?

— Да не в этом суть! — рассердился Николай. — И не повышают, и не понижают! Дело в том, что я теперь буду работать и жить, понимаешь, жить, в Москве! А ты пока здесь! А я не хочу в Москве жить без тебя! И я тебе предлагаю переехать туда со мной!

— Ой, — Анна выглядела испуганной. — Коль, ты что такое говоришь? Куда ехать? Мне восемнадцать лет. Я в прошлый раз не поступила, теперь готовлюсь на следующий год. И... меня мама никогда не отпустит... Я там никого не знаю, вообще — что я там буду делать?

— Жить, Анечка, жить, как живут женщины вместе с мужчинами. Ты познакомишь меня с родителями, я расскажу, как сильно тебя люблю, они тебя отпустят, мы поженимся, поступишь учиться в столице...

— Стоп, стоп! — Теперь Анна выглядела скорее рассерженной, чем удивленной. — Поженимся? Это что, предложение?

Он быстро перегнулся через стол и поцеловал ее.

— Прости, прости, понимаю, нужно кольцо, соответствующая обстановка, мы мало знакомы, но все так...

— Коля! Я не об обстановке! Коля, мне восемнадцать лет! Куда мне замуж?!

— Не бойся! — Он почувствовал, что его самого сковывает страх. — Люди в разном возрасте женятся. Я считаю, когда застала любовь, тогда и надо жениться.

— Ну да, ну да... — Анна торопливо закурила новую сигарету. — Коля, поверь, ты мне очень нравишься. Очень! Такого со мной еще никогда не было! Но я не знаю, любовь это или еще что-то! Прошло очень мало времени! Я рассчитывала выйти замуж лет так в двадцать пять, даже двадцать семь... Я еще ничего не видела, ничего не знаю, зачем ты меня так торопишь! Я и замуж не хочу, и жить ни с кем пока еще не хочу. Ты хороший, мне с тобой здорово, но при чем тут замужество?

Тяжелая, долгая пауза повисла в воздухе. Анна смотрела в зал за его спину, как будто там происходило что-то интересное, Николай скрестил руки на груди, насупился и сверлил

ее взглядом. Из оцепенения его вывел звонок мобильного. Он посмотрел на дисплей и отключил телефон.

— Так, значит, если бы я остался в Питере, ты все равно не вышла бы за меня замуж?

— Коля! — Голос Анны срывался. — Ну что ты делаешь! Ну зачем ты так! Я встречаюсь только с тобой и хочу встречаться только с тобой, но я не хочу замуж! Вернее, хочу, но не сейчас!

— А ты не думаешь, что «потом» может и не быть?

— Я тебя таким злым еще не видела.

— А каким должен быть мужчина, когда ему отказывают?

— Да не отказываю я тебе! Я прошу тебя подождать!

— Семь лет? То есть ты считаешь, что меня должно хватить на семь лет? Каждую неделю поезд Москва — Санкт-Петербург? «От Питера до Москвы вези меня, тепловоз...» Пятьдесят две недели в году, сто четыре поездки... За семь лет — семьсот двадцать восемь поездок. Не многовато?

Тут Анна улыбнулась:

— Да, смешно. Давай просто чуть-чуть подождем. Давай не ставить никаких ультиматумов и сроков, пойми, что я твоя.

— Но не полностью.

— Ну да. Я еще мамина, папина, друзей, родственников, всего того мира, к которому привыкла и в котором живу.

— И в котором мне нет места.

Она встала, обошла стол, обняла Николая:

— Поехали к тебе.

Внутри него все кипело, но он понял, что если и дальше продолжит в таком духе, если сейчас уйдет один, то это на самом деле будет разрыв. Увидит ли он ее в таком случае еще, Николай не знал, а видеть очень хотел, очень...

В такси он подумал, что, переступив порог, они кинутся раздевать друг друга, чтобы заглушить первую в их жизни ссору бурным сексом, — но нет, ничего подобного. Они спокойно лежали перед телевизором, ели яблоки, к разговору больше не возвращались. Последующая за кинофильмом любовь, конечно, была страстной — ну так она у них всегда была страстной — что тут такого? Попыток уговорить ее остаться до утра он не делал — наоборот, Николаю хотелось, чтобы Анна уехала.

По звонку диспетчера такси они вышли на улицу, но машины еще не было. Они поняли, что у них есть еще пара минут, — все это время Анна тесно прижималась к нему. Когда автомобиль подъехал, Николаю показалось, что в ее глазах стоят слезы. Поднимаясь по лестнице, он решил, что слез не было, — ему действительно показалось.

Сергей Иванович примчался раньше обещанного. Он был весел, оживлен, много шутил и все норовил хлопнуть Николая по плечу. Учитывая обстоятельства, подобное панибратство Николая просто бесило. Удивить чем-то свежим нового руководителя он не мог, поэтому в так называемый курс дел Сергей Иванович вошел довольно быстро, и к вечеру они расстались.

Отец Николая знал, что сын должен скоро приехать, и, как мог, торопил его. Тот же попросил не ждать его до воскресенья — разговор вышел напряженным, они чуть не поссорились.

Время с Анной они проводили так же, как и раньше, только в клубы решили не ходить,

чтобы больше быть наедине.

Три дня пролетели быстро. Николай собрался ехать поездом, чтобы расстаться с Анной как можно позже, — даже такую мелочь он счел важной. На вокзале она всплакнула, причем как-то очень по-детски — шмыгая носиком и вытирая его платочком. Рядом прощалась шумная пьяная компания, визжали девчонки, кто-то что-то запел.

— Коль, я пойду, а то я сейчас разревусь.

— Я примчусь в пятницу. Я в четыре дня уже вылечу, и весь вечер будет наш.

— Я буду ждать.

— Ну иди, а то я сам заплачу. — Он легонько подтолкнул Анну.

Она кивнула, чмокнула его в щеку, заодно ткнувшись в лицо мокрым носом, и почти побежала к дверям вокзала.

Он ей звонил каждый день, перед уик-эндом решил привезти в подарок что-нибудь такое-эдакое, кольцом пугать не стал, ограничился симпатичным браслетом.

В пятницу, прилетев в Пулково, он купил цветы и помчался в «Рэдиссон-Сас», где она уже ждала его в лобби. Этим вечером на улицу они так и не вышли. И ужин, и завтрак на следующий день им приносили в номер. Погода была дрянь, но проветриться было нужно.

Днем они погуляли, поели в кавказском ресторанчике и заскочили на часок в гостиницу — две ночи подряд вне дома она проводить не могла. Когда Анна приехала к нему утром в воскресенье, он уже не спал, но еще валялся в постели. Быстро сбросив одежду, Аня залезла к нему под одеяло — он заорал во весь голос — такая холодная она была. Анна хохотала.

Перед отлетом Николая, будучи в приподнятом настроении, они хорошенько накачались пивом в «Моллиз» на Рубинштейна. Анна захотела ехать вместе с ним в аэропорт, Николай еле ее отговорил.

Возвращаясь, он думал, что ничего, собственно, страшного не происходит, их встречи такие же, как и раньше. Положа руку на сердце, можно сказать, что шансов вырасти в Москве больше, да еще и постоянно находится на виду у руководства. Так что — ну его, этот Питер! «Увы, как скучен этот город / С его туманом и водой, / Куда ни глянешь, красный ворот, / Как шиш, торчит перед тобой».

На очередные субботу-воскресенье Олег Станиславович попросил Николая поучаствовать в «культурной программе с итальянской делегацией», так как среди партнеров с Апеннинского полуострова был его ровесник, которого надо было как-то занять. На это Анна сказала, что это и к лучшему, ибо у нее начались конфликты с родителями по поводу того, как она проводит выходные. Николай пригласил ее приехать в Москву на следующий уик-энд — вместе с праздниками получалось сразу четыре дня. Она ответила, что подумает. Николай в который раз выругал себя за мнительность — в ее голосе во время телефонного приглашения ему почудился испуг.

После совместного ужина представителей двух корпораций самого молодого иностранца отдали на откуп самому молодому россиянину. Николай повел нового знакомого в бар «Шератона», где, несмотря на незнание итальянского, а гостем — английского, понял, что тот живет в Турине. Он стал хвалить Дель Пьеро, Буффона и Недведа, но был встречен бурным негодованием, ибо оказалось, что парень ненавидит «Ювентус» и болеет за «Торино» — есть там и такая команда. Николай пытался выяснить у гостя, что ему в Москве наиболее интересно, но тот поднял большой палец и уверенно произнес: «Путаноне».

Николай счел нужным отвезти его в «Метелицу», ибо из Night Flight, хоть тот и был ближе, иностранец, обалдев от местной красоты, мог не выйти до утра.

В «Метле» Роберто, так звали нового знакомого, освоился довольно быстро, танцевал, угощал девушек, даже тех, которые сидели за столиками и были явно не «путаноне». Но и тех отыскать ему не составило труда. Вскоре одна из них притащила подругу. Две полногрудые девахи с силиконовыми губами стали оживленно торговаться с итальянцем, потом одну Николай отозвал в сторонку, дал ей номер своего мобильного и взял с нее клятвенное обещание позвонить ему перед уходом из отеля, когда она поймет, что Роберто спит и с ним все нормально.

Вскоре он попрощался, сказав иностранцу, что «Милан», «Интер» и «Фиорентина» — фуфло, а «Торино» — круто, и ушел. Глубоко ночью позвонила проститутка, сказала, что Роберто — душка, запал на «светленькую» и обещал жениться. В этом она, конечно, не уверена, но завтрашний вечер обещал провести с ними.

Николай нашел съемную квартиру. Она была небольшой, но очень уютной, с огромным количеством всякой вспомогательной кухонной техники и находилась совсем рядом с офисом. Подписывая договор с хозяевами и агентством недвижимости, он предвкушал, как совсем скоро к нему приедет Анна и он покажет ей лучшие места Москвы. Они долго и вкусно будут любить друг друга на огромной кровати в этой маленькой квартире.

Но Анна не приехала — родители забрали ее на праздники в Выборг. Признаться, и звонить друг другу они стали гораздо реже, и если раньше он перед сном обязательно получал от нее эсэмэску с теплыми словами, то теперь послания приходили через день, а то и два. Несколько раз Николай отмечал, что обращает внимание на симпатичных девушек на улице и на работе. «Природа...» — думалось ему.

Как-то он простудился. Заболел с высокой температурой. Не успев обжиться в новой квартире, вернулся выздоравливать к родителям, где мама поила его горячим молоком, насильно кормила медом, а сам он глотал антибиотики и снотворное, чтобы не мучиться ночью.

До конца не выздоровев, Николай собрался в Питер. Стояли холода, погода была мерзкой. Встретившись с Анной после большого промежутка времени, он поначалу даже засмутился. Николай словно не узнавал ее, она была какой-то не такой. Но вскоре алкоголь сделал свое дело — неловкость прошла. В этот вечер и в последующие два дня все было как раньше, ну или почти как раньше...

Николай звал ее в Москву, говорил, что хорошо бы съездить вместе куда-нибудь на Новый год, ведь до него не так уж и далеко, поэтому необходимо позаботиться о гостинице и билетах на самолет. Анна опять обещала, обещала... Перед отъездом он в очередной, который уже раз, поймал себя на мнительности — ему чудилось, что Анна пытается что-то сказать, но не может начать разговор. Он прогнал эти глупые мысли, но с беспокойным сердцем вернулся домой.

Прошла пара дней. Николай понял, что и на этот раз позвать ее в столицу не удастся, и попытался оговорить детали своего нового приезда. Она отнекивалась, просила сделать это позже. Потом вдруг перестала брать трубку. Он с ума сходил — да и надо было скоро выезжать, — а вдруг он ее не найдет? Где она? Что с ней? А вдруг что-то случилось? Наконец он все-таки дозвонился, но она сказала, что сейчас не может говорить и обязательно перезвонит сама. Он ждал, ждал, Анна не звонила. Измучившись, он снова набрал ее номер. Анна ответила:

— Привет!..

— Привет, любимая! Ну где ты была? Ну что случилось? Я с ума схожу!

— Я... Мне надо тебе кое-что рассказать, но пообещай, что выслушаешь до конца и не будешь перебивать.

— Хорошо...

— Ну, значит, так. У меня до тебя был мальчик...

— Ага! — выдохнул он.

— Ты обещал!

— Ладно.

— Так вот, у меня был мальчик. Мы с ним поругались, и тут я как раз познакомилась с тобой. Поначалу, наверное, хотела ему отомстить, но влюбилась в тебя, а его видеть и слышать не хотела. Специально рассказала ему о тебе, чтобы он отстал. Ну, он и отстал. А потом ты уехал, кто-то из моих подруг, наверное, сказал ему об этом, тебя долго не было...

— Я заболел, у меня температура была под сорок.

— Не перебивай, а то я не смогу закончить! Он пришел с цветами, я букет выбросила, а его прогнала. Он снова явился — то же самое, а в третий... в третий...

— Что, что в третий?

— Я с ним переспала.

— Ну, сука, ну, блядь!..

— Мне было плохо. Очень одиноко. Я все время одна, я все время тебя жду! Я не могу жить в таком режиме, когда ты со мной только по выходным, и то не всегда. У меня своя компания, свои интересы, и они не всегда совпадают с твоими.

— В Москве ты была бы рядом каждый день!

— Ну да, а через год я бы тебе надоела, и ты меня бросил. Я бы осталась одна в чужом городе. Думаешь, я с мамой об этом не разговаривала? Она ответила: «Поезжай, но в случае чего домой можешь не возвращаться. Поматросит и бросит».

— Чушь!

— Чушь, не чушь, что об этом говорить... Я с ним сплю, как ты не можешь понять?! И самое кошмарное, что вы мне оба нравитесь, — это ужас какой-то! В твой последний приезд я хотела тебе все сказать, но увидела тебя — и не смогла. Подумала: пусть на прощание все будет, как раньше. И еще я поняла, что могу спать с вами обоими, поочередно...

— Да ты просто стерва! Дрянь!

— Пусть так, называй, как хочешь, но я не могу тебя обманывать.

— Ты уже обманула. И как обманула!

— Я знаю, знаю и понимаю, что тебе нужна другая, постарше, более образованная. С тобой мы наравне только в постели, а так я тебе словно чужая, нам не о чем говорить, все, что меня волнует, тебе неинтересно.

— И что же именно?

— Не цепляйся к словам. Ты все прекрасно понимаешь. Мы разные люди. И если раньше перед встречей с тобой у меня сердце от волнения готово было выскочить из груди, то сейчас этого нет. Осталось что-то на доньшке, но только чуть-чуть...

— Я знаю, как это называется. С глаз долой — из сердца вон.

— Пусть так. Ты, как всегда, прав. Ты никогда не ошибаешься, да? Ты педант, у тебя все по расписанию, по полочкам, а я так не могу.

— Ага. Захотелось юного романтического длинноволосика.

— Пусть так. Мне с такими проще.

— Все бабы — бляди.

— Да не все... Пусть в твоей жизни я буду последней в таком роде. Ты еще найдешь свое счастье.

— Пустые, пустые, глупые бабские отмазки!

— Знаешь, я желаю, чтобы все у тебя в будущем было хорошо. И о тебе я буду помнить только хорошее. Прощай.

— Как все просто!

— Да не просто! Не просто! Я рыдаю каждый день, но нужно как-то выходить из этой ситуации! Мне что, руки на себя наложить? Вам что — обоим будет легче?

— Да пошла ты... Коза гребаная... — ответил Николай и бросил трубку.

Раньше проявлений мазохизма он за собой не замечал, но сейчас ему захотелось, чтобы она перезвонила. В последний раз услышать ее голос! Но телефон молчал...

Николай долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок, наконец, провалился в беспокойный сон.

Все последующие дни он провел в постоянном самоедстве. Мысли, крутящиеся в голове, сводились к одному: он — дурак, сам виноват, что связался с малолеткой. Восемнадцатилетний организм — молодой, растущий, трахаться нужно каждый день, желательно по нескольку раз, природа требует выполнять репродуктивную функцию, а не сидеть у окна в ожидании любимого, ушедшего в крестовый поход. На том и остановился.

На работу Николай стал приходить раньше всех, уходить — позже. Руководство удивлялось его работоспособности. В кафешке на первом этаже он часто сталкивался с обаятельной толстушкой из соседнего крыла офисного здания, строившей ему глазки. Вскоре он с ней переспал. Девушка старалась, была горячеей, как кипятик, раньше она бы ему понравилась, но не сейчас. Мало того, ему с большим трудом удалось доказать ей свою мужскую состоятельность.

По вечерам Николай сидел дома в одиночестве, курил, тупо переключая кнопки пульта телевизора и перескакивая с канала на канал. На новогоднем корпоративе он напился и выложил все своему коллеге по работе. Тот поделился с другими сотрудниками, и все кинулись его «спасать». За четыре дня в разных компаниях Николая познакомили с четырьмя «временно свободными девушками». Самой симпатичной и вменяемой оказалась некая Тина — белокожая блондинка, поначалу напугавшая его показной сексуальностью и красными «вампирами» ногтями нереальной длины.

Так как он вовремя не позаботился о месте встречи Нового года, праздник Николай отмечал вместе с родителями и родственниками. Смотреть дебильные телепередачи не хотелось, выпить в тесном семейном кругу было нельзя, его охватила жуткая тоска. На кухне тайком он хлопнул водки и стал звонить в Питер Ане, Анечке, девочке, золотцу, красотулечке. Понятное дело, трубку никто не брал. Около часа ночи в квартиру с поздравлениями ввалилась компания друзей Николая. Не долго думая, они прихватили его и увезли веселиться. В машине он оказался рядом с Тиной.

В клубе, явно выпив лишнего, он много и сбивчиво что-то ей рассказывал, она внимательно его слушала и часто-часто восклицала: «Ой!», «Не может быть!», «Неужели!» Он решил, что Тина — единственный человек, который его понимает. Целоваться они принялись прямо за столом, продолжили у него дома. Свои ощущения оценить он верно не мог, так как каждый вечер вместе с толпой друзей отправлялся на очередные танцульки, а утром опохмелялся. У Тины то ли стерлась, то ли стала заедать в банкоматах пластиковая банковская карточка, и она попросила у него «наличных» займы.

Праздники вскоре кончились, наступили рабочие будни. Редкие встречи с Тиной не приносили радости, она была нормальной девушкой, но не более того. Ему же хотелось сердечного взрыва, как с Анной, но куда там! К тому же Тина каждый раз клянчила у него денег, Николаю это надоело — хотелось равных отношений. С Тиной пришлось расстаться.

Шло время, и Николай вдруг понял, что не надо пытаться стереть воспоминания об Анне новой пассией. Пока любовь жива, Анна всегда будет эталоном, и все остальные женщины будут ей проигрывать.

Постепенно он стал успокаиваться, записался в фитнес-клуб, чуть ли не каждый день плавал в бассейне.

Однажды, выйдя из клуба на морозный воздух, Николай подумал: «Боже, как хорошо!» — холодное зимнее солнце слепит глаза, под ногами скрипит снежок, дышится легко и свободно. Сжимавшая сердце ледяная рука наконец разжалась. Тяжелая, ужасная, мешающая существовать любовь оставила его. Она испарилась, исчезла, растаяла как ночной кошмар. Впереди была длинная и счастливая жизнь.

Юность прошла. Он стал взрослым.

Лето после дембеля

Первые восемнадцать лет своей жизни Андрей прожил в маленьком городке Зарайске Московской области. Оттуда и ушел в армию. Служба тяжелой не была, и если не брать в расчет совсем уж мелочи, время пролетело быстро. Вернувшись, неделю выпивал, гулял, отрывался. Когда хмельная пелена, наконец, схлынула с глаз и он смог трезво осмотреться вокруг, понял, что в этом убогом городишке, среди гор грязного мусора, ларьков, гаражей, хрущевок, заплыванных тротуаров, сломанных скамеек делать ему абсолютно нечего. Почти все его школьные друзья подались в охранники или менты. Исключение — работа в автосервисе. Девушки чаще всего оказывались за прилавком. По вечерам в маленьких дворах собирались небольшие компашки, пили пиво, водку. Ребята постарше на личных тачках музыкой приманивали девчонок. Андрей понял, что надо ехать в Москву. Она вроде бы рядом, но в то же время так далеко!

И вот он в Москве...

Дальний родственник порекомендовал его знакомому, и тот взял Андрея на работу в рекламное агентство. Юноша произвел приятное впечатление, ему была обещана должность курьера с перспективой стать менеджером и так далее. Но сначала надо было найти жилье. В ближайшие три месяца на большие заработки он не рассчитывал, а накопленных денег хватало только на комнатку в каком-нибудь спальном районе. Андрей обратился в агентство недвижимости, и после недолгих поисков ему предложили «единственный недорогой вариант, дешевле не будет». Времени съездить посмотреть жилье у него не было, и он сразу согласился. На место встречи он прибыл уже с сумкой. «Вариант» находился у МКАДа — в окно можно было наблюдать растянувшуюся на несколько километров пробку. Агент тараторил о близости Можайки, бесплатных автобусах до «Ашана», железнодорожной станции, от которой якобы всего за двадцать пять минут он мог доехать до Белорусского вокзала.

Комната оказалась убитой, пыльной и неубранной. В шкафах теснились книги, Андрей бросил взгляд на корешки — «Туманность Андромеды», затертая подшивка журнала «Техника — молодежи». Вместо ножек у разложенного дивана были серые кирпичи. На тумбочке стоял телевизор, который, как выяснилось, не работал. Хозяином трехкомнатной квартиры был хмурый неразговорчивый человек лет сорока пяти. В одной из комнат он жил сам, другую сдавал «двум нормальным девчонкам, они днем на работе, а ночью у женихов», третью решил из-за безденежья сдать тоже. Сам он вроде бы проводил дома мало времени, так как его брат строил дачу, и он ближайшему родственнику помогал.

Обшарпанные стены квартиры освещала люстра, висевшая на проводах, кран в ванной протекал, пол на кухне был устлан циновкой, в которой зияли две большие дыры. Но на кухне стояли плита и холодильник, в комнате к стене была прибита вешалка, на тумбочке в коридоре имелся допотопный телефон с круглым диском — что еще нужно для жизни? По словам хозяина, квартира большую часть времени пустовала, поэтому без особых раздумий молодой человек подписал договор и передал деньги.

Но юношеская наивность уничтожалась суровыми жизненными реалиями. До станции оказалось полчаса пешком. Альтернатива — своим ходом через дворы, железнодорожные пути, дыру в заборе на остановку маршрутного такси. В очереди, активно работая локтями, не оглядываясь на женщин и пожилых людей, иначе до обеда никуда не выедешь,

проталкиваешься в «газель». Согнувшись в три погибели, в ужасной духоте, под мат и крики водителя, по пробкам полчаса добираться до метро «Молодежная». Вывалившись из маршрутки, счастливый, покупаешь газету и ныряешь под землю. Еще полчаса — и ты на станции «Александровский сад». Бегом, бегом перемещаешься на «Арбатскую» синей ветки, толпа вдавливая тебя в вагон, и мчишься до «Бауманской». Скорым шагом, чтобы не опоздать, примерно километр пилишь в сторону от центра по Бакунинской улице. И вот ты на месте. Вечером таким же макаром обратно. Но это ведь все ерунда — к этому Андрей был готов. А вот кто его поразил в самое сердце, так это соседи.

Хозяин, получив деньги, запил. Ни на какую дачу он не поехал. Каждый вечер к нему вваливались друзья и подружки, устраивались на кухне, включали на полную громкость отечественную попсу, ежечасно бегали за очередной порцией пойла, хлопали изо всех сил тяжелой металлической дверью. Утихали обычно к четырем утра.

Однажды, по будильнику встав с постели, он направился в туалет и нашел на унитазе голую спящую тетку, которая на просьбы «освободить место» только мычала. На следующее утро на кухне обнаружился курящий гражданин, немедленно попросивший денег на опохмел. Но это были цветочки.

Девушки-соседки Света и Марина днем отсыпались, ночью зарабатывали проституцией. У них был сутенер на автомобиле, к нему по телефону поступали заказы, он забирал путан из дома и развозил по клиентам до утра. Такса была смешная — штука за час. Девушки ежедневно кололись. В ванной на полке постоянно валялись окровавленные шприцы. Однажды Андрей не выдержал, взял шприц и пошел к хозяину ругаться. Тот вместе с вещественным доказательством начал ломиться в дверь к съемщицам. Те, пробудившись, стали на него орать: «Да это ТВОЙ шприц!» Так Андрей выяснил, что арендодатель тоже колется. В один из редких моментов просветления его разума они вместе пили чай, и тот рассказал, что одна половина района сидит на игле, другая пьет. «А как же менты?» — спросил Андрей. «Да менты же наркоту и продают», — последовал ответ.

Неожиданно у Марины появился постоянный любовник, который намеревался вытащить ее из «омута». Глядя на девушек и слушая их рассказы о том, как она «жила с мальчиком, а потом ушла к другому мальчику», Андрей поражался — сутулые, костлявые, ни сиськи, ни письки, ноги кривые, общение — мат через слово. Кому они нужны? Типичный пример — он уже спит, а девицы собираются на романтические встречи, ищут ключи. Одна стоит у двери на выходе, вторая находится в комнате в противоположном конце коридора. «Слышь, пизда, давай ключи! Опаздываем!» — орет Света. «Сама, кобыла, в жопу себе их засунула, а я теперь виновата!» — рявкает в ответ Марина.

Постоянным любовником Марины стал сержант МВД. Днем он патрулировал район, собирал дань с ларечников — кто не мог деньгами, отдавал товаром. Вечером мент притаскивал полные пакеты жратвы, шампанское и Baileys. Музыка, танцы — до утра.

Однажды в сборе дани наступил положенный перерыв — менту было плохо с похмелья. Марина попросила любимого вкрутить какой-то шуруп, он начал рыться в шкафу в поисках отвертки и нашел так называемую «морилку» — средство для полировки древесины. Жидкость была спиртосодержащей, он ее, не долго думая, выжрал. Девушки засуетились, пытались уговорить его искусственно вызвать рвоту, он послал их на хрен и заснул умиротворенно. На другой день, как ни в чем не бывало, сержант отправился на дежурство.

Теперь девушки не мотались по ночам — пришла великая любовь, и Марина, устроившись у телефона прямо напротив двери Андрея, вела часами разговоры со

счастливым избранником: «А ты меня любишь? Гы-гы». Пауза. «И я тебя. Гы-гы». Когда Андрей, вконец измученный отсутствием сна, просил побыстрее закончить, та отвечала: «А я тихо-тихо...» И опять: «Гыгы, гы-гы...»

Шло время. Андрей уже обзванивал предполагаемых клиентов, навязывал услуги и напрашивался на встречи. В основном его посылали куда подальше, но иногда удача улыбалась, и с ним подписывали договор. В начале месяца к зарплате Андрею выписали комиссионные, и он обалдел — такой кучи денег еще никогда не видел! Запинаясь, он попросил забрать их как-нибудь потом — хранить средства ему было абсолютно негде. Андрей понял, что, если будет получать такие деньги, через месяц сможет снять себе отдельную квартиру. Он жил только этой мечтой.

Тем временем к хозяину приехал старший брат, избил его и увез на дачу. Света поехала в Рязань к маме на свидание с ребенком. Марина пошла с ментом в гости к его другу.

Наконец Андрей вздохнул спокойно. Он занялся стиркой, достал из холодильника куриные желудки, промыл их, залил водой и поставил на плиту тушить. Он и раньше пытался готовить, но быстро это занятие прекратил — любые незамороженные продукты пропадали из холодильника молниеносно. А выяснять, чьих рук или, скорее, ртов это дело, ему не хотелось.

Он стал чистить овощи для салата и вдруг понял, что забыл купить томатную пасту. Рядом находился огромный «Седьмой континент» — для нормальных людей, которые по дороге в загородные дома останавливались купить продуктов. Не выключая огонь, чтобы не терять времени, он быстро обулся, взял деньги и побежал в магазин. Давно уже стемнело, но нагревшаяся за день земля не спешила отдавать тепло, воздух был густой, пряный, ни ветерка. Вдоль пешеходной дорожки стояли лавочки. На одной, глядя на небо, курила молодая симпатичная женщина. Рядом с ней стояли два полных продуктовых пакета с логотипом супермаркета и открытая банка коктейля. Андрей покосился на женщину, про себя отметив ее привлекательность. Даже какая-то дрожь пробежала по телу. За все время жизни в Москве он еще не познакомился ни с одной девушкой. Поначалу на работе ему нравилась коллега Наташа, сидевшая за соседним столом. Но как-то во время обеденного перерыва она вынула пластиковую коробку и стала прямо из нее есть столовой ложкой винегрет — было противно.

Андрей быстро заскочил в магазин, сделал покупки и поспешил обратно. К его удивлению, женщина все еще сидела на лавочке.

Мы часто в жизни совершаем необъяснимые поступки. Именно необъяснимые, мгновенные, продиктованные интуицией. Так произошло и сейчас, словно кто-то невидимый сверху дал Андрею увесистый подзатыльник, от которого тот сразу подлетел к женщине и плюхнулся на лавку рядом с ней. Уже усевшись, он спросил:

— Позвольте?

— Да, пожалуйста, — ответила она.

— Очень тихий вечер, — неуверенно произнес Андрей.

— Я очень люблю такую погоду. Вот сижу, наслаждаюсь, а ведь мне надо домой.

— А я думал, вы кого-то ждете.

— Нет. — Женщина повернулась к Андрею и внимательно посмотрела на него. — Мне некого ждать. Просто думаю... А вы куда-то торопились?

— Да, — выдохнул Андрей. — Но увидел вас и остановился. У меня мясо тушится на плите, как бы не сгорело.

— Так что же вы, бегите быстрее. К мясу.

— Вернусь, а вас уже не будет...

— Ну и что? — Женщина удивленно вскинула брови.

— А я... — Андрей перевел дыхание. — Я хотел бы с вами познакомиться. Если можно.

— Отчего ж нельзя? — чуть загадочно уронила она и снова внимательно посмотрела на Андрея. — Лена.

— Андрей.

— Очень приятно.

— И мне.

— Послушайте, выключите свою плиту. Если хотите, я вас подожду.

— Серьезно? — Сердце Андрея ухнуло вниз.

— Надо проверить. Иначе не узнаете, шучу я или нет.

Андрей вскочил, повернулся:

— Вы меня обязательно подождите, я мигом. Мигом! — крикнул он уже на бегу.

В своей комнате он просто бросил пакет на пол, выключил газ под кастрюлей и, не надеясь на лифт, побежал вниз по лестнице. Когда он огляделся на знакомой дорожке, внутри у него все похолодело — женщины на месте не было. И тут вдруг он услышал: «Эй!» — Лена пересела ближе к футбольной площадке — там и вправду было уютнее.

— Хочешь? — Она протянула ему банку с коктейлем.

Он и не заметил, что она легко перешла на «ты».

— Не-ет, — отказался Андрей. — У меня соседи алкоголики. Я на них так насмотрелся, что самого уже не тянет.

— Да ладно... — с укором произнесла Лена. — Это джин-тоник. Хочешь новую банку? — И она достала ее из пакета.

— Спасибо, — Андрей открыл крышку и глотнул пару раз. Понравилось.

— Сигарету?

— Нет-нет. Я спортом по мере сил стараюсь заниматься, не увлекаюсь ни спиртным, ни табаком.

— Заме-е-етно, — протянула Лена, вновь окинув его взглядом с головы до пят. — Что так?

— Да в армии прикипел к этому делу, два месяца всего, как дембельнулся.

В голове у Андрея зашумело, и он вдруг начал рассказывать о своей службе — больше ведь не о чем было. О том, как по тревоге бежали по винтовой лестнице тридцать три этажа под землю, как после первых стрельб «деды» устроили ему «темную» за то, что выбил двадцать девять из тридцати и получил перед строем благодарность комбата. Тогда он понял, что в армии главное — коллектив и выпендриваться нельзя. Как конфликтовал с новым комроты, и тот за неделю до дембеля пытался поставить его «на тумбочку» в наряд по роте, Андрей отказался и получил пять суток губы. Как они, «клопы», то есть связисты, дрались с инженерным батальоном, «унитазниками», как отмечали его день рождения, съев ночью колбасу, вареную курицу, арбуз, торт и выпив водку и коньяк. Как потом всех рвало во время утреннего кросса, от которого нельзя было «отскочить», так как проводил его лично комбат...

Лена сначала явно скучала, но потом заинтересовалась, стала задавать вопросы, пару раз засмеялась.

— А как вы, солдаты, встречались с девушками? Расскажи. Вот у тебя была девушка?

— Нет, — честно ответил Андрей, смутившись.

— Как? — искренне удивилась она. — Совсем-совсем не было?

— Часть режимная, ни увольнительных, ни отпусков. Так что ни одной не было. Ни разу.

Лена на минуточку задумалась.

— А как там твое мясо? — вдруг спросила она.

— На полпути.

— Хочешь, покормлю? — спросила она и склонила голову набок.

Андрея опять пробила дрожь.

— Хочу, — сказал он. — А ты одна живешь?

— Ну почему одна, — спокойно ответила Лена. — С семьей. Просто дочь сейчас у свекрови, мама на даче, а муж... А муж сидит.

— Да? — Андрей растерянно почесал себе затылок.

— Еще четыре года осталось. Ну так идем?

— Конечно, — поспешил заверить Андрей и схватил пакеты.

— Проходим очень, очень тихо, — предупредила она около подъезда. — Не шурши пакетами! — добавила уже на лестничной площадке.

Лена провела его на кухню и, разобрав принесенные продукты и помыв руки, стала ловко манипулировать ножами-ложками-половниками-сковородками-кастрюлями.

Она ничего больше о себе не рассказывала, только расспрашивала Андрея. Он, воодушевленный ее вниманием и алкоголем — хозяйка положила в высокий бокал лед и постоянно подливала туда джин-тоник, — с жаром продолжал свои рассказы. Наконец она вытерла руки о полотенце:

— Все, готово. Я в душ, а то вспотела у плиты. Без меня не ешь.

— Ну что ты.

На пороге Лена остановилась, погладила его по щеке, вдруг наклонилась и коротко, но очень сладко поцеловала в губы.

— Я быстро, — сказала она и упорхнула.

Андрею в происходящее не верилось. Он понял, что захмелел, подошел к раковине и долго плескал себе холодной водой в лицо.

Лена вернулась в легком коротком халатике. У нее были белые, совсем не загорелые, несмотря на лето, ноги. Она проворно разложила еду по тарелкам. Сама ела совсем чуть-чуть, он же уплетал за обе щеки.

— Не подумай, что мне жалко, — вдруг произнесла она. — Но не объедайся. Ты меня понимаешь?

— Есть, понял, — ответил он и отложил в сторону вилку и нож.

— Ну раз понимаешь, то пошли. — Она встала, взяла его за руку и повела за собой из кухни. В комнате горел неяркий свет и была расстелена — когда только успела? — двуспальная кровать.

— Нет, я тоже в душ, — Андрей уже еле сдерживал возбуждение.

Когда он вернулся, Лена лежала голая поверх одеяла.

— Нравлюсь? — спросила она.

— Оч-чень, — заикаясь, ответил Андрей.

Он мгновенно скинул одежду и шагнул вперед, чтобы улечься рядом, но она его остановила:

— Подожди! Дай-ка я на тебя посмотрю. Ты так в армии накачался?

— Да, — не без удовольствия ответил Андрей. — Плюс десять килограммов мышечной массы. Не зря старался?

— Нет, не зря, — хихикнула Лена. — Ну иди ко мне...

Они занимались любовью до самого утра. Андрей словно мстил за вырванные из жизни годы, комроты и комчасти, зимнему ветру на плацу, обмороженным пальцам ног, маршброскам и мастурбации на боевом дежурстве. Он был с женщиной! И какой женщиной! Сейчас Андрей старался выплеснуть всю свою накопленную энергию.

Лена стонала, извивалась, кусала его, царапала, он был сверху, сзади, сбоку, снизу... После каждого раза он, чуть отдохнув, предлагал еще. «Конечно!» — отвечала она, и все продолжалось вновь и вновь.

— Что-то странное, — удивился Андрей уже под утро. — По-моему, у меня ЭТО было за ночь восемь раз.

— Да, — потянувшись, ответила Лена. — А у меня пятнадцать!

— Как это? — уставился на нее с неподдельным удивлением Андрей.

— А ты что, не знал, что у женщин оргазм бывает чаще, один за другим? Эх, маленький мой, иди ко мне, иди, я тебя поцелую...

Надо было собираться на работу. Андрей боялся, что если заснет хотя бы на тридцать минут, то проснуться вовремя уже не сможет. Она была только «за» — в предрассветный час имелось меньше шансов у подъезда наткнуться на соседей. Договорились встретиться на следующий день, время она не знала — свекровь должна была привезти дочь.

После обеда, ближе к трем, он ей позвонил — телефон не отвечал. Андрей набирал ее номер несколько раз, ответила Лена только около шести. Встречу она назначила в сквере у МКАДа в девять часов. Место было абсолютно безлюдное, так что Андрей все понял.

Ровно в двадцать один ноль-ноль он, словно тополь на Плющихе, возвышался среди пышных кустов. Лена опоздала всего на десять минут.

— Я весь день, весь день вспоминала тебя, — затараторила она. — С ума свел, сорванец. Я уж думала в сауну тебя повезти, но какая тут, блин, сауна...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Андрей.

— А то, что где сауна, там и уголовные элементы. Мой муж очень известный человек в нашем районе. Если кто-нибудь из его друзей о тебе узнает — в лучшем случае до полусмерти изобьют, в худшем — уши отрежут, а в совсем плохом... Ну, ты понимаешь...

Андрей не обратил на ее слова внимания.

— Иди сюда... — сказал он и прижал ее к дереву. После того, как они чуть не откусили друг другу губы, спросил: — И что мы будем делать дальше?

— Как что? — удивилась Лена и провела язычком по губам. — Ты думаешь, почему я в юбке пришла? — Она повернулась к нему спиной, наклонилась, плечом уперлась в дерево и левой рукой задрала юбку. — Давай!

Дрожащими от возбуждения пальцами он натянул презерватив, осторожно отодвинул полоску трусиков и вошел в нее. У Лены была тонкая талия и крупный плотный зад. Одной рукой он схватил ее за ягодицу, другую положил на спину, как бы притягивая к себе. На каждое его движение она отвечала коротким стоном, кофточка из-за наклона сползла ей на плечи. Почувствовав, что он кончает, Лена закричала:

— Не останавливайся!..

Андрей договорился о рекламе с одной организацией, которая, как оказалось, была

дочерней фирмой МПС. Договор был рассчитан на полгода, и денег им заплатили столько, что на личную беседу его вызвал генеральный директор. В трудовой книжке Андрею сделали запись: «Переведен на должность заместителя директора клиентского сервиса», изготовили пачку соответствующих визиток, а главное, выплатили огромную, как он посчитал, сумму.

В тот же день он обзвонил несколько агентств недвижимости и нашел однокомнатную квартиру через дорогу от офиса — сталинский дом, второй этаж, кухня четырнадцать квадратных метров. Сказать, что он был счастлив, — значило ничего не сказать. Он заплатил за три месяца вперед, чтобы все это время о деньгах не думать вовсе, и с поющим от счастья сердцем поехал в свою тьмутаракань забирать вещи.

На кухне сидел пьяный хозяин, пил «Черный русский». Судя по валявшимся на полу трем пустым банкам, ему уже было хорошо, но до привычного финала надо было еще штуки три.

— Ай-яй-яй! — заорал он, увидев вошедшего. — Андрюха, два с половиной уха! Наш пострел везде поспел! Андрюха, признайся, только честно, ты не еврей?!

— Я уже тысячу раз говорил: нет.

— А зря-а... Евреи, они, бля, умные... Продали, жида, Россию...

— Кому продали?

— А жидам и продали! Не согласен? Всю Россию продали, суки, жида и новые русские... Я всю жизнь работал, вот этими руками, деньги отличные получал, а что сейчас? Нет, что сейчас? Ты скажи!

— Не бухал бы и сейчас мог деньги получать. Извини, мне собираться нужно.

— Эт-та куда собираться?!

— Все, переезжаю. — Андрей был уже в комнате, раскрыл спортивную сумку и начал аккуратно складывать в нее вещи.

— А деньги?! — взвился хозяин.

— Какие деньги? У меня еще за две недели вперед заплачено.

— Тогда займы, — мгновенно сник незадачливый арендодатель.

— Хуй тебе, — ответил Андрей. — Все равно все в унитаза уйдет.

— Правильно, правильно, — опять вспыхнул хозяин. — Уматывай, коли жизнь дорога! Тебя тут ребята с Ромкиной женой в парке видели, а ведь Ромка — авторитет, весь район держал...

— У вас тут каждый второй — авторитет, особенно после пол-литра.

— Не скажи... Сидит-то он за убийство... Мокруха... Да вроде как по неосторожности, но кто там знает, сколько судье денег дали, чтоб статью поменять... Так что правильно: вали. Отрежут яйца, как жить будешь?

— Но ты же ведь живешь и без яиц, и без члена.

— Я?! — снова взвился хозяин. — Да я в твои годы ни одной юбки не пропускал! Я мотню даже не застегивал — все время хуй приходилось доставать!

— Верю, верю... Только не мешай... — Андрей попытался запихнуть в боковой карман сумки пакет с умывальными принадлежностями. Получилось.

— Андрюх... — жалобно простонал хозяин. — Дай штуку...

— Ну, друг. — Андрей обулся, постучал подошвами по полу, поднял поклажу, перекинул ее через плечо. — Прощай. Завязывай бухать, а то сдохнешь. — И вышел за дверь.

— Сука! — заорал «друг». — Жмот, еврей, жид пархатый! Штуку сраную зажал, чмо! Я его в свой дом впустил, все мое — все твое, ешь, пей, живи... Говно! Жид!

Андрей знал заранее, что сумка будет тяжелой, тащить ее на себе не было никакого желания, поэтому еще до того, как зайти в дом, он вызвал такси. У подъезда он сразу увидел «шевроле» с номером телефона диспетчера на дверце. Сумку он бросил на заднее сиденье, сам уселся на переднее. Отъезжая, обратил внимание на трех коротко стриженных здоровяков, скорым шагом заскочивших в подъезд. Раньше он их здесь не встречал. Через минут пять завибрировал телефон — ему пришла эсэмэска. Он с удивлением прочитал: «Если ты дома, немедленно УХОДИ! Друзья мужа пошли к тебе разбираться — они знают, где ты живешь». Андрей засмеялся. Таксист с удивлением покосился на него. Андрей набрал телефон Лены.

— Я перезвоню сама, не могу сейчас говорить! — нервно сказала она в трубку и отключилась.

Поздно вечером раздался звонок.

— Что было, что было... Но я твой адрес не сказала — сами узнали... Я так понимаю, с тобой все в порядке?

— Лучше не бывает. А что ты так переживаешь? Ну что они могли бы сделать?

— Ты дурак?! Избили бы обрезками труб, и все! Калекой бы сделали!

— Муть какая-то. Я уже далеко, при всем желании не найдут. Когда я тебя увижу? У меня теперь своя квартира, когда в гости приедешь?

— Ты что, совсем глупый? Не поеду я к тебе! Если с тобой что случится, я же себе до конца жизни не прощу! Не будем мы с тобой больше встречаться!

— Да ты что!!! Как не будем?!

— Ну, не сейчас... Может, как-нибудь потом...

— Когда потом?! Я же только о тебе и думаю!

— Андрюшенька, я тоже думаю, но что нас, кроме секса, связывает? Да ничего! Андрюшенька, я старше тебя на восемь лет! На восемь! Зачем я тебе? До свидания, мой мальчик, спасибо тебе за эти несколько дней, но — прости...

— Позвонишь?

— Может быть... Не скоро... Прощай...

— Прощай.

Спустя неделю он отправился с коллегой в суши-бар. Там они познакомились с симпатичными девчонками Юлей и Ларисой. Юля обоим понравилась больше, так что друзья на какое-то время стали соперниками. Андрей оказался настойчивее, ребята пригласили девушек в «Гауди Арену», те согласились. Ночью у стойки, когда пили по счету пятую кружку пива, Андрей признался Юле, что хочет ее «украсть». Девушка была не против.

Через месяц они уже жили вместе.

Лену он больше не встречал.

Никогда.

Нельзя сказать, что Семен Степанович боялся летать самолетами. Не любил — да, но не боялся. С какой стати — чему быть... За рубеж — даже нравилось.

Как-то ему пришлось отправиться в Париж. Семен Степанович летел первым классом на «боинге». Сидя в широком кожаном синем кресле, он обсуждал с коллегой достоинства нового «мерседеса-МЛ», описанные в журнале, взятом в дорогу, пил «Джонни уокер-блю лэйбл» и украдкой наблюдал за ныне покойным Чингизом Айтматовым, который был с ним в одном салоне, — он тогда являлся послом Киргизии в Люксембурге. Писатель тоже пил виски. Стюардесса после взлета с улыбкой на пол-лица подошла к нему и спросила: «Простите, вы Чингиз Айтматов?» и, услышав утвердительный ответ, подала ему на подносе бокал: «Примите, пожалуйста, от экипажа».

Однажды, сразу после Нового года, он летел эконом-классом в Пекин в самолете, битком набитом китайцами. Те, сняв обувь, бегали туда-сюда по салону, распространяя непонятные чужие запахи, галдели. В свою очередь, на них кричали похмельные стюардессы, и так продолжалось более восьми часов.

А еще припоминались внутренние рейсы на ЯК-42. Зима, по два кресла рядом. Усядется с тобой толстая тетка в шубе — ни повернуться, ни поспать, ни поработать за ноутбуком. Самолет маленький, его постоянно трясет, вечные воздушные ямы — добрался до пункта назначения — слава тебе, господи!

Есть, конечно, и другие маленькие самолеты. Как-то срочно вылетел в Лион из Базеля, так это вообще уникальное путешествие — ни таможни, ни полиции, — собрались небольшой группкой у выхода на поле да пошли. В воздухе провели меньше времени, чем он добирался каждый день на работу. Но Череповец, Челябинск и прочие места обитания — ни фиги не Базель. Поэтому лучше поездом.

А что? Покупаешь место в СВ, берешь верную подругу-бутылку, свежий «Джи кью» или «Эсквайр», засыпаешь — на следующий день уже на месте. А если еще и попутчик нормальный попадет, разговоришься — время пролетит совершенно незаметно.

По молодости лет Семен Степанович мечтал оказаться в одном купе с хорошенькой женщиной, но судьба над ним зло подшутила. Будучи женатым всего три месяца, он отправился в очередную командировку, и его попутчицей оказалась двадцатилетняя «почти модель», которую срочно из Москвы в Харьков вызвал муж. Супруг отправился туда на деловые переговоры, но его затащили на рыбалку, а он ничего не поймал и стал предметом насмешек. Но он-то бывалый рыбак, у него дома имеются какие-то супер-удочки, и вот теперь бедняжка везла их в Украину. Дама чертыхалась, кляла благоверного на чем свет стоит, выпила четыре бутылки пива, любезно предложенные Семеном Степановичем, съела оливки и стала выражать ему симпатию. Но Степаныч — кремень, постоянно выбегал в тамбур курить, а больше — проветриться и протрезветь. После одного из таких выходов соседка, наконец, заснула, и он возблагодарил небеса за то, что уберется от соблазна. Как выяснилось, очень даже зря, так как всего через полгода по взаимному согласию со своей суженой он расстался.

Конечно, ему попадались разные попутчики, но больше люди нормальные, а иногда и полезные. Как-то раз ехал с представителем Свердловской области в Москве, разговорились, обменялись телефонами, так завязалось хорошее деловое знакомство.

Сегодня Семен Степанович, как обычно, пришел к поезду заранее, удобно устроился, разрезал на маленькие дольки пару яблок, достал походный набор — серебряную фляжку с коньяком и двумя стаканчиками, налил, сделал глоток, развернул «Коммерсант дейли» — красота! Через мгновение в дверь постучали, в купе вошел крепкого вида мужчина примерно одного с ним возраста. После взаимных приветствий он устроился напротив и кивнул на коньяк:

— Ну тогда у вас, наверное, нет салями!

Степаныч улыбнулся:

— Да, у меня нет салями. Извиняюсь за неправильный отзыв.

— Ерунда, — сказал здоровяк. — Но у меня кое-что есть. — Тут он достал из большого портфеля бутылку и поставил ее на столик. — «Хеннеси ви эс». Пойдет?

— Справимся.

— Домой?

— В командировку.

— А-а, понятно... — несколько разочарованно протянул спутник. — А я домой. Все, задолбала ваша Москва. Три дня на ногах, сил никаких нет. Все бегом, бегом, все равно ничего не успеваешь. Столько раз зарекался сюда ездить, но как помощников пошлешь — ничего не сделают, только время потеряешь.

— Свой бизнес? — Семен Степанович вложил в голос как можно больше участия.

— Свой, ну его к черту!

— И чем занимаетесь?

Крепыш погрузился:

— Давайте как-нибудь потом, не хочу про дела. Мне бы выпить, да чуток расслабиться.

— Да кто ж мешает? — Степаныч налил коньяк во второй стаканчик. Раза в два больше, чем себе.

— Петр, — протянул руку попутчик.

— Семен.

— За знакомство.

— За него, — согласился Семен Степанович.

Здоровяк выпил, крикнул от удовольствия, повертел в руках стаканчик, почмокал губами.

— Как называется?

— «Эй и дор».

— Не слышал.

— Да нет, достаточно распространенный и точно не хуже известных брендов.

— Места знать надо?

— Точно.

— Ну нам, провинции, куда...

— Зато у вас спокойнее, душевнее.

Крепыш мотнул головой:

— Херня все это. Не перевариваю разговоры об особой русской душе и необыкновенной простоте и сердечности людей в провинции. Россия — страна победившего, нет, не социализма, — пролетариата. Везде грязь, убожество и скотство. Сколько людей ни воспитывай, все равно из каждого прет Клим Чугункин. Я Москву за ее ритм не люблю, слишком все быстро, остановишься — сожрут или растопчут. Что до людей, так сюда все не

только худшие, но и лучшие стремятся.

— Грязи и здесь хватает.

— Верно. Зато честно. Ты — мне, я — тебе. Никакой сраной душевности. А у нас все поют о чистоте души, а сами ближнему за тысячу рублей глотку перегрызут.

— А разве где не так?

— Так, только лицемерия меньше. Давай на «ты»?

— Давай. Еще по маленькой?

— Да запросто. — Петр снял пиджак, повесил его на плечики, закатал рукава рубашки, резко двумя ладонями провел назад по волосам, взял стаканчик: — За нас!

— Желаю, чтобы все! — ответил ему Семен Степанович.

— Я ведь жил, — продолжил попугчик, хрустнув яблочком, — и за границей, и в Москве чуть-чуть, в Питере второе образование получал. В начале девяностых с Украины на север сахар и гречку возил — везде был, все видел. Кругом грязь и скотство, скотство и грязь. Народошлыбы в позапрошлом веке тот же народ хотели переделать, тот, который сейчас по улицам бродит и бросает банки из-под пива на асфальт, находясь в трех метрах от урны, или в общественном транспорте в окружении детей матом рассказывает друзьям интересные истории. Чеховские мужики, пришедшие к инженеру требовать компенсацию за поправку и получившие ведро водки, и поныне нисколько не изменились.

— Ну я как-то, извини, далек от всего этого...

— Правильно. Вращаешься в определенном кругу. Работа, друзья — одни и те же лица. Ходишь в магазины с безупречным сервисом, передвигаешься на автомобиле, в метро не толкаешься, шансы хамство встретить — только если на гаишника нарвешься. Да и то, денег дашь — отвалит. У меня же производство, контингент такой — ого-го! Любой так называемый представитель из народа считает, что ему всегда кто-то что-то должен — раньше советская власть, в смысле государство, теперь — треклятые «скплататоры». Целей в профессиональной деятельности три — дернуть что-нибудь, что плохо лежит, пораньше слинять домой и крепко нажраться после работы.

— Ну выпить, право, и я люблю.

— Выпить все любят. Только у пролетариев часто от этой любви рождается нежелательный ребенок — запой.

— От человека все зависит. Если человек захочет из подобной среды вырваться — кто ему помешает?

— Ха! А зачем ему вырваться? Дядя Вася к пятнице обещал на халяву трехлитровую банку самогона подогнать — вот быстрее бы неделя прошла!

— Однако вы не любите пролетариат!

— Нет, не люблю. Псевдоуголовная романтика, «тыканье» незнакомым людям, а то в мягкотелости заподозрят. «Хто», «хде», вместо «класть» — «ложить», вместо «положить» — «покласть». В книжном магазине, а человек, пришедший в такое место, по идее должен обладать каким-то интеллектом, слышу: «Поменяйте книгу — она у вас порватая»!

— Извини, конечно, но неужели тебя такие мелочи волнуют? Давай еще по полрюмочки?

— Это для тебя мелочи, потому что — экзотика. А я с этим каждый день сталкиваюсь. Как-то моя жена уехала — не помню куда — с младшеньким, ну а мы с дочкой пошли «тусоваться». Кино детское посмотрели, в парке на уточек в пруду полюбовались, ей захотелось кушать. В каких только супер-заведениях мы с ней не побывали, но для ребенка

«Макдоналдс», этот ужас, — самое лучшее. Горячий пирожок, ванильный коктейль и игрушка — вот она, жизнь! Тем более, супруга ее туда не водит, потому что вредно, и правильно, но отцовское сердце от просьбы дочки сразу тает... Ну вот, оставил я ее одну за столом буквально на полминуты — руки помыть. Возвращаюсь — сидят рядом с ней два парня лет по двадцать пять, у каждого в руках — по алкогольному коктейлю «Ягуар». Я им — ребята, вы что это без разрешения за чужой стол сели? Они, причем в полной уверенности в своей правоте: «Да мы от девочки далеко сидим, че ты волнуешься, а других мест нет, вот мы и присели, че ты, прям, ну, блядь!» Я как мат услышал, вот была в руке трубочка для коктейля, еще в бумаге, по лбу его и треснул. Не больно, но ему обидно. Он взвился:

— Мужик, ты че, мы же ничё не делаем!

Дочка:

— Папа, пошли пересядем.

Я вижу, что ребенок просто боится, был бы сын, конечно, я провел бы им урок. А так...

— Ну давай, девочка моя, надо же спокойно поесть...

Пересели, она уже повеселела, повидлом из пирожка капнула себе на кофточку, оба смеемся, я достал влажные салфетки, вытер заодно и губки, взялись за руки, пошли на выход.

У дверей «обиженный», не вставая из-за стола, находясь ко мне спиной, хватает меня за рукав:

— Братан, послушай...

При ребенке! Уроды... Ну, рукав я высвободил, одновременно вывернув ему руку — как учили, — держу хаму кисть двумя пальцами, большим и средним, следующим действием должно быть: своей левой ладонью надавливаю ему на предплечье, и либо делаю ему вывих руки, либо ломаю кисть. Потом, для порядка, можно и головой о стол приложить. Но я же со своей лапочкой! Она же не поймет это, как «папа сильный, это хорошо», она просто перепугается до колик! Так что руку его я отпустил да пошел. А ребята, наверное, сидели, радовались: напугали мужика, ух, какие мы! Была бы моя воля, собрал в стране всех молодых людей в возрасте от двадцати до двадцати восьми лет и отправил в особые пункты по месту жительства. Для пятиминутного разговора. Тема — любая. Если в речи парня слышны слова «чисто», «типа», «короче», «слышь, ты», «звбонишь», «реально», «братан» — сразу в газовую камеру. Как же генофонд улучшится! — И добавил после паузы: — Ух, надоело же все как! Давай еще по полрюмочки.

Чокнулись, выпили.

— Ну так поменяй жизнь, — предложил Семен Степанович и сам испугался наглости своего предложения.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Петр. — Я ни жизнь, ни бизнес не выбирал — они меня выбрали. Я теперь в своей работе все знаю, все понимаю — как тут что поменять? Недавно разговорился на одном званом обеде с совсем еще молодой женщиной. Она меня спрашивает: «Петр Алексеевич, а какое у вас хобби?» — и, наверное, ждет, что я ей что-нибудь про рыбок начну рассказывать или, ввиду моей комплекции, про пивные пробки. Но понятно же, что мое хобби — это людям вовремя зарплату платить. Но ей же это будет неинтересно! Поэтому отвечаю: «Путешествия». «Ай, — говорит дамочка, — как увлекательно...»

Семен Степанович, стараясь направить ход мыслей собеседника в другую сторону, решил проявить свои дипломатические способности. Он спросил:

— Но ведь есть в твоей жизни и что-то хорошее?

Лицо Петра сразу посветлело:

— Конечно, есть! Дети! Ради них и живу.

— Семья, — сразу подстроился Семен Степанович, — это главное!

— Нет, какая там семья... Именно дети. С женой мы давно общего языка не находим.

Бродит такое чудовище по квартире — «Гав-гав!» Смотришь иногда и думаешь — и как мы сошлись? Что нас объединило? Вроде бы что-то вспоминаешь — встречи, одиночество, радость от свиданий... Когда дочка родилась, мы по выходным на даче гуляли по лесным дорожкам. В «кенгуренке» на груди болтается моя крошка, в руке — банка сидра, идем рядом с супругой, говорим о чем-то... И все было интересно, и казалось, лучшее — впереди... А сейчас — чужой человек. И все-то теперь замечаешь — и сальные волосы, хотя она часто моет голову, и что при улыбке обнажаются десны, и трапециевидную фигуру, что смотрит дурацкие сериалы, обсуждает наряды Жанны Фриске, постоянно напоминает, что чей-то муж купил жене машину, а теще построил дом, нытье по поводу и без повода. Так хочется иногда послать все к черту! Но вдруг подбежит дочка и скажет: «Папа, папа, сейчас по «Энимал плэнет» передача идет про лемуров! Они такие милые! Я их так люблю!» Или подлетит сынишка, выменявший очередную игрушку: «Папа! Смотри! Это же крутой трансформер!» — и все, оттаял, думаешь — да пусть все идет, как идет... Сочиняю детям сказки, рассказываю на ночь, причем с продолжением. Сейчас у нас Спанч Боб превратился в Колобка, женился на эфиопской принцессе, родились коричневые дети-колобки, а государство ведет войну с захватчиками — пукательными великанами...

— Жуть какая! — засмеялся Семен Степанович.

— Да детям, кстати, нравится пурга всякая. Недавно дочка без запинки пропела песню Максим. Я поразился — где смогла услышать? А она так спокойно: «У девочки в школе через «Блютус» на телефон скачала».

— Ну это все-таки лучше, чем «Катя, возьми телефон — это он».

— Я тут недавно клип с отечественными рэперами видел. Песня, естественно, про любовь и прекрасную девушку. «Мы с тобой неразлучны столько лет, как мотор и мопед...»

Семен Степанович захохотал. Поезд, дернувшись, тронулся. Звякнули стаканчики, свет в купе стал светлее.

— Не частим? — спросил он, показывая на коньяк.

— А мы по чуть-чуть. Наливай.

Чокнулись, выпили. Взяли по дольке яблока.

— И где же ты такие суперклипы высматриваешь?

— По утрам собираемся все вместе, дочка — в школу, сын — в садик, я — на работу. Новости ненавижу, поэтому включаю в телевизоре музыкальные каналы — они особо никого не раздражают. Но песни-песнями, больше всего я смеюсь над текстами эсэмэсок, которые сменяют друг друга в нижней части экрана: «Паша, прости измену — мы с дочурой ждем тебя домой», «Крутее Свиблова не-е-ет!», «Эмка ищет эмо», «Уфа рулит», «Пишите, сургутЯнки. Надоело одЕночество», «Родионова, буТЬ моей женой», «Арам, я тебя обожаю! Твоя Оля-ля!» — сразу вспоминается степанцовское: «Вдруг приходит телеграмма: «Я теперь люблю Гурама!»

— Ну, — ответил Степаныч, — любовь зла...

— Любовь, любовь, — потускнел Петр. — Белена, яд, дурман. Жрет, жрет тебя, очнулся — зачем все это было?

— Ну сейчас-то, может быть, и да. Но по юности лет каждый должен чувство

испытать...

— По юности? Да у меня одна связь, с позволения сказать, шестнадцать лет продолжалась. Иногда сам под окнами стоял, а иногда молил — отпусти, зараза, не могу больше! Хочешь, расскажу? Времени у нас достаточно...

— Почему нет? — ничуть не удивился Семен Степанович.

За время путешествий чего только он не наслушался. Например, узнал историю трех поколений одного семейства, представители которых сидели не менее десяти лет. Узнал, как собственными руками построить яхту, как «правильно» ходить на кабана, а как — на лося. Со всеми подробностями ознакомился с сутью учения Бхагават-Гиты и тонкостями реставрации картин... Даже проводницы — и те с ним делились, как правильно «разводить» пассажиров на шампанское. Ему пели песни, читали стихи — ну все это по пьяной лавочке, конечно. А уж любовных историй он наслушался — не счесть.

Петр устремил свой взгляд в окно — в темноте освещались яркими огнями стройки, одна за другой.

— Значит, так, — начал он. — Познакомились мы на дне рождения моего друга, с которым я служил в армии. Летом он поступил в институт и пригласил однокурсников на свой праздник, а был он в октябре. Она мне понравилась необычайно. Красавица, вот не соврать, каких свет не видывал. Лицо, правда, круглое, как блин, но это ее не портило. Губы пухлые, большие, ресницы — длиннее некуда, щечки — аж укусить хочется. Долго занималась танцами, поэтому осанка соответствующая. Талия тонкая, ноги длинные. Еще мне очень нравились ее руки, именно не кисти, не пальцы, именно руки — очень изящные. Она была похожа на Орнеллу Мути, и каждый считал своей обязанностью сказать об этом, что надоело ей чрезвычайно. Поразила еще ее способность быть на одной волне со всеми, готовность веселиться и дурачиться. Я был тогда молод и находился во власти предрассудков — кто-то из старших товарищей напел мне, что красивые девушки плохо занимаются сексом, им незачем стараться, ведь и так все на них обращают внимание. Ну я и принялся ухаживать за ее бесцветной подружкой, но уже через час приоритеты поменялись — ничего не мог с собой поделаться. Все толпой шли курить на балкон — она оказывалась рядом, я произносил тост — она громче всех смеялась. Я разошелся, схватил гитару, принялся петь — было ли так на самом деле, не знаю, но она показалась мне самой внимательной слушательницей. Под конец вечера, когда все потихоньку начали расходиться, я, находясь с ней вдвоем на балконе, попросил телефончик. Она шепотом, чтобы никто не слышал, продиктовала мне номер, но я, захмелевший, не запомнил и, когда она уже вошла в комнату, громко переспросил. Все захохотали, кто-то, очевидно, от зависти, заулюлюкал, девушка очень смутилась. Ни на следующий день, ни через неделю я ей звонить не стал — напомним о предрассудках, тем более у меня тогда была женщина, завуч по воспитательной работе средней школы, на девять лет старше, настоящая секс-машина. Сил после ночевки у нее ни на что не оставалось. В то же время я познакомился с худенькой блондинкой и почему-то стал убеждать себя, что она мне нравится. У меня был товарищ, одноклассник, который уже успел жениться и жил с супругой в частном доме, имея в то же время очень уютную однокомнатную квартиру. Это было такое укромное любовное гнездышко — все наши друзья постоянно спорили, кто на выходные его займет. Наконец настала и моя очередь. Я заранее договорился со своей блондинкой, купил угощение... Слушай, чем я собирался по тем бедным временам ее порадовать. Яблоки — раз. Фанта — два. Медицинский спирт — три.

— Жуть, — откликнулся Семен Степанович. — Это ж какой год был?

— Девяностый.

— Ну, у нас-то есть кое-что получше. Откроем твою бутылку?

— Конечно, разливай.

Выпили. Петр заметил:

— Да, тогда и спирт был в радость, а сейчас и «Хеннеси» не лезет. Я продолжаю. Блондинка, естественно, в последний момент передумала — струсила, наверное. Так как потом мне своей очереди на квартиру пришлось бы ждать еще очень долго, я лихорадочно бросился искать ей замену. Как назло, все мои знакомые девушки дома отсутствовали, и тут я в записной книжке наткнулся на телефон круглолицей прелестницы. Подумал: «Чем черт не шутит?» и набрал ее номер. Ответила она сразу. Звонку была вроде рада, но встретиться со мной отказалась, так как должна была идти к какой-то родственнице на очередной день рождения или крестины-именины, уже не помню. Ноябрь, колотун, я звонил ей по телефону-автомату, прикрепленному к стене здания, без будки. Мимо проходил приятель, услышав мой страстный монолог, он даже остановился. Я уговаривал ее минут двадцать. О, каких высот достигало мое красноречие! Пытался убедить ее, что посиделки с родными — бесцветная скука будней, а вот я могу обыденность, тоску и монотонность жизни превратить в яркий фонтан новых впечатлений... Какой чепухи только не нес, но цели достиг — уговорил. Она пообещала сходить на праздник, отметить и тихонько уйти. В назначенное время я стоял на автобусной остановке. Она опоздала на полчаса, но я даже не помню, успел ли я на это рассердиться, — когда увидел ее, я не просто потерял дар речи, у меня помутился рассудок! Представь, девяностый год, серая забитая страна, серые забитые люди, серый провинциальный город, серый ноябрь — и тут вечером, из темноты выходит девятнадцатилетняя Орнелла Мути в красном клетчатом пальто и красной широкополой шляпе! Если бы я упал навзничь или растаял в воздухе, никто бы из стоявших на остановке людей не удивился бы — каждый сверлил взглядом только ее. Ну и я был ого-го. Пузо еще не появилось, на мне был гэдээрровский плащ защитного цвета, строгий такой. Мы обмолвились парой фраз и поехали к однокласснику на такси. Смущался я страшно. В квартире мы сняли верхнюю одежду, уселись в кресла перед низеньким столиком, и я принялся девушку развлекать. Она спросила чаю, но у меня же была цель ее напоить, и я ей предложил лонг-дринк. Это я так назвал, как ты, наверное, уже догадался, спирт, разведенный фантой. После двух бокалов Маша — так ее звали — опьянела, и я полез целоваться. О, что у нее были за губы! Мягкие, нежные, влажные, сочные... Тщетные попытки дотронуться до груди она пресекала, обнять за талию или коснуться попы — тоже. Я уж было потерял надежду, но тут вдруг она сказала: «Я должна пойти в ванную». Не представляешь, я был на седьмом небе от счастья! Как только она вышла из комнаты, я быстро разделся и юркнул под одеяло. Лежу я, совершенно голый, пять минут, десять, и тут заходит она. В пальто! В шляпе! И говорит: «Проводи меня домой, мне пора».

— Облом, — улыбнулся Семен Степанович.

— Не то слово! Облом обломом, но какой позор — я-то уже в постели. Быстро оделся, не уговаривая, понимал — бесполезно, мы вышли на улицу, поймали машину, и тут опять — пойми этих женщин, мне показалось, что своим настойчивым намеком на секс я ее обидел, — принялись целоваться. Я довез ее до подъезда и вернулся домой с распухшими от поцелуев губами. Надо сказать, что той осенью я поступил на подготовительное отделение института. Вообще-то жил в другом городе, и у себя бывал редкими наездами. Так что развивать роман, по сути, не получалось. Нет, конечно, я ей звонил — эти заранее

оговоренные сеансы связи, телефон-телеграф, жетоны, заказ межгорода — сейчас смешно даже. Или обидно. А может быть, просто зависть к нынешнему поколению. Ну да ладно. В общем, встретились мы только на Новый год. Меня пригласил приятель, бурно ухаживающий за своей подругой, у него был товарищ, «бесхозный», без девушки, я попросил Машу взять подругу, то есть нас оказалось шестеро. В принципе было весело. Правда, третий товарищ напился и стал приставать сразу ко всем трем девицам, пришлось его выгнать. Машина сокурсница почувствовала себя лишней и вежливо так, неслышно исчезла. Хозяин утащил свою любовь в спальню. Ух, думал я, сейчас ЭТО произойдет! Не тут-то было. Мы опять целовались до посинения, до рассвета — больше ничего она не позволила. На первом автобусе я проводил ее домой. Скажем так, вся паховая область, а не только нужные части тела от напряжения болели у меня страшно. Потом она куда-то на время исчезла, я вернулся к учебе, начались звонки — постепенно мы стали отдаляться. Памяти не прикажешь — наверняка до лета мы встречались еще, но — не отложилось. Зато отчетливо помню июньскую встречу. Мой старший брат купил видеомагнитофон, и я пригласил красавицу на просмотр видеofilmа. По тем временам это было круто. Маму я предупредил, что в гости придет приличная девушка, за которой я ухаживаю, она приготовила кучу бутербродов, мы пили чай, смотрели кино — все отлично. Неожиданно позвонил мой бывший одноклассник, сказал, что родители уехали на дачу и у него — тусовка, или как там раньше это называлось? Мы помчались к нему. На улице разразился ливень, я оставил Орнеллу у подъезда, без зонта побежал к проезжей части, с огромным трудом поймал «запорожец», вернулся за ней, и тут, в машине, она ка-а-к поцелует меня! Поджилки, да что там поджилки, все, что у меня было, затряслось. Компания у друга собралась большая, но к ночи почти все разошлись, остался только он со своей будущей женой и мы. В первый раз мне удалось ее раздеть — но ты не смейся, мне было двадцать, ей девятнадцать — только до трусиков. Нет, что я вру, до юбки. Просто потом я ее задрал. Мы лежа целовались, обнимались, гладили друг друга, каждую ее клеточку я поцеловал, облизал и обласкал, и так — до рассвета. Мы не спали вообще! Если бы я был постарше и обладал большим опытом, то, конечно, догадался, что она девственница и всего боится. Естественно, она не хотела невинности лишиться на кровати родителей моего одноклассника в его присутствии за стеной, но я-то решил, что она водит меня за нос, и обиделся. Потом, спустя несколько лет, красавица сказала, что если бы тогда я нашел укромное место для встречи на следующий день, то она бы мне отдалась, но я вечером уехал. Да, злость прошла, я написал ей нежное письмо, но опять-таки, вместо того, чтобы напрямую признаться в любви, я ходил вокруг да около. В середине лета меня зачислили в институт. Все время, что не посвящал учебному заведению, проработал экспедитором и, как мне казалось, заработал уйму денег. В августе я приехал домой — на свадьбу еще к одному другу. Машу я предупредил заранее, и мы договорились пойти в гости вместе. В день торжества я позвонил ей с утра пораньше. Маша долго мялась, запинаясь, а потом сказала, что в июне была на раскопках — она училась на историческом факультете, и каждое лето студенты должны были ездить на городище ковыряться в земле. Там полюбила однокурсника, он ее позвал замуж, и она теперь с ним встречается. Ну, то есть спит. Я был вне себя от ярости, но виду не подал, ответил, что, если бы все время был рядом, этого бы не случилось. Она согласилась, на том и распрощались.

Долго я не горевал. Вечером попал на свадьбу и поучаствовал в грандиозной драке — а что за свадьба в провинции без драки? Только самая скучная. У нас же веселье было со сломанными руками, разбитыми о головы стаканами, все поливали друг друга газом из

модных в то время баллончиков. Красота! Ну и познакомился я с подружкой невесты Вероникой — такой крепкозадой брюнетистой деревенской красавицей. Дженнифер Лопес, Сальма Хайек и Ева Мендес отдыхают. Ну, мы отправились ко мне, родители как раз оказались на даче, и она старательно помогла забыть мою неудавшуюся любовь. Два года мы с Машей не виделись, не общались, не созванивались. В августе девяносто третьего я проводил каникулы в своем городке. Однажды раздался телефонный звонок — меня разыскала моя старая знакомая. По стечению обстоятельств она училась с Машкой на одном курсе. Взволнованно она сообщила, что Маше будто бы «очень-очень» надо со мною поговорить. К тому времени я начал прилично зарабатывать и уже привык к тому, что все «важные» разговоры означали, что у меня будут просить денег. Но, по моим сведениям, Машин друг продавал в ларьке разливное пиво. Помнишь, раньше такое было? Выстраивалась очередь с трехлитровыми банками и прочей тарой, и туда наливали мочу, иное слово не подберешь.

— Помню, конечно.

— Ну, там недолив, долив водичкой, не знаю — продавцы пива недостатка в средствах не испытывали. Поэтому я удивился, и у меня затеплилась надежда на... на... сам не знаю на что. На встречу я пришел взволнованным и полным хороших предчувствий. Я ждал ее в беседке во дворе. Появившаяся Маша была чудо как хороша — выпирающие груди пытались разорвать черную футболку, короткая черная юбочка с голубыми цветами открывала дивные ножки! Но на лице ее читалось видимое неудовольствие, и, подойдя и коротко поздоровавшись, она сразу поинтересовалась:

— Ну и что такого важного ты мне хотел сказать?

Нелепость ситуации дошла до меня не сразу, и я удивился:

— Так это ты пригласила меня на встречу! Именно ты хотела сказать что-то важное!

Она внимательно посмотрела на меня и вдруг расхохоталась:

— Ах, Ирка, ах, сука!

Мы оба догадались, что это ее подруга решила нас вновь соединить, — видимо, нынешний Машин жених ей не очень нравился. Мы потрепались с полчаса, я ничего не предлагал, она дала понять, что в жизни ее все устраивает. Общение получилось довольно милым, я проводил ее на автобус, даже поцеловал в щечку. Но зерно сомнения было посеяно в мое сердце! Как-то в сентябре мы собрались с друзьями. Выпили, и всем захотелось женской ласки. Находясь под хорошей мухой, все тем не менее сели в автомобиль и умчались за своими красавицами, неосмотрительно оставив меня одного с полторалитровой бутылкой водки, — знаешь, тогда как раз вошли в моду такие, с ручкой? Выпив рюмку, вторую и третью, я поймал тоску-печаль и вдруг решил позвонить Маше. Она оказалась дома, и мы проболтали около часа. Говорили обо всем, явно соскучившись по общению. Завершал я беседу уже лежа на спине на полу. Закусывать, как ты понимаешь, при трубке у уха сложно, а вот выпить — пожалуйста! Довольный, я вырубился. Да так, что приехавшие друзья не смогли ни дозвониться, ни достучаться — пришлось выбивать дверь. Как меня не убили, не знаю. Звонки Маше стали постоянными. Я говорил с ней строго два-три раза в неделю. Так прошли октябрь, ноябрь, декабрь. После Нового года мне нужно было срочно приехать домой, я ей позвонил, предложил встретиться. Она согласилась.

Я прекрасно помнил, что Маша спокойно относилась к приглашениям на квартиры, поэтому решил сразу брать быка за рога. Я обратился к одному золотому парню, прекрасному человеку, который жил один, попросил его переночевать у родителей, мол,

очень нужна крыша на ближайшую ночь. Друг согласился, но поставил условие, что уйдет только после того, как увидит даму, — что это за фея такая, что я так о встрече хлопочу? Действительность, надо сказать, превзошла все его ожидания. По обыкновению я принес спиртное, но это, конечно, был не медицинский спирт, а приличное вино и качественная водка, закуски. Когда девушка переступила порог его дома, челюсть у парня отвисла до пола. Он хлопнул с нами пару стопок и засобирался уходить. У дверей, оставшись со мной с глазу на глаз, долго тряс мне руку — поздравляю, мол, женщина — совершенство, идеал. Такой груди, а надо заметить, декольте у Маши было очень откровенное, он никогда не видел. А ноги! А улыбка!.. Мы с Машей после его ухода вскоре оказались в постели. Я, конечно, видел, что Маша очень красива, но то, что она окажется столь сексуальна, явилось для меня приятным сюрпризом. Кожа — а эту деталь я уже успел забыть — нежная, шелковистая, ни единого волоска. Все она любила делать медленно, кончить мне долго не давала и, в конце концов, довела до полного иступления.

Был мягок шелк ее волос

И завивался, точно хмель.

Она была душистей роз,

Та, что постлала мне постель...

Петр замолчал, погрузившись в воспоминания. Они выпили по полстаканчика, и рассказ плавно потек дальше.

— Я не сдержался и выразил ей свое восхищение, на что она ответила, что это или талант, или мамины гены. Паша, это ее парень, в первый раз не мог поверить, что она девственница, — такой страстной она оказалась. Так у нас и повелось с того дня — редкие встречи, тайны от Паши. Паша то, Паша се... Может быть, она ждала от меня каких-нибудь решительных действий, но меня напрягало пыжиться из-за какого-то ларечника. Вот я, вот он — выбирай! Однако выбора не было, и продолжалась херня эта довольно долго. Может, и не любовь, может, только секс. Но это был изумительный секс! Встречались мы обычно на квартире у ее подруги Ирки, когда отец той уходил в ночную смену. Диванчик был узкий, неудобный, так что мы ложились на пол, расстилали на нем два одеяла, одно на другом, и — вперед. Настало лето. Я учился и работал, каникул у меня, по сути, не было. Маша со своим приятелем постоянно ссорилась. По ее словам — думаю, что врала, — она с ним уже давно не спала, но все ей не хватало духу объявить Пашке об окончательном разрыве. Со мной она, не прячась, часто появлялась на людях. Как-то классно оттянулись на свадьбе у моего отличного друга, мужики кивали в сторону Маши и показывали мне большой палец. Отец подруги перешел на другой режим работы, наше гнездышко пропало. Однажды мы отправились в гости к ее бывшей однокласснице, меня, что называется, «перло». Мы шли теплым вечером по аллее, я читал стихи, она смеялась... В гостях мы хорошенько выпили, и я принялся ее дразнить. То по колену проведу ладонью под столом, то, проходя мимо, коснусь пальцами шеи. Захмелев, предложил ей вместе закрыться в ванной. Маша возмутилась, я дразнил, что она нерешительная, трусиха, в общем.

Было поздно, мы засобирались. Дом оказался старый, без лифта, всего три этажа. На лестничном пролете она прижала меня к стене и стала жарко целовать. «Это я нерешительная?» — и давай стаскивать с меня штаны. Сексом занимались стоя, при электрическом свете, с криками... Какой-то мужик, сосед, наверное, по лестнице поднимался — мы даже не среагировали. Такой вот момент, до сих пор не забыть. Да... А потом мы поссорились. Из-за ерунды, но все к тому шло. Понимаешь, мне всегда казалось,

что она меня недостаточно сильно любила. И так долго у нее все тянулось с Пашей... В общем, у нее был день рождения. Пришла она в той самой короткой юбке с цветами, что свела меня с ума. Отмечали мы в единственном в ту пору приличном заведении, которое было в городе. После букета и коньяка поехали к моему знакомому — тот согласился пару часиков погулять. Конечно, нам времени оказалось мало. Выйдя из квартиры, мы побрели в кусты. Она присела на корточки, штаны у меня спущены, волшебный минет, задницу кусают комары... Романтика! Потом с трудом в три часа ночи поймали машину, таксист оказался злой как черт, улицу ремонтировали, дорога перерыта, к самому подъезду подъехать нельзя. Надо пройти через двор, а водитель, рожа, говорит, ждать не буду, чтобы обратно парня везти. А она — ну и ладно. Я — как это ладно? Я ведь потом машину не поймаю, нет никого, мне что, пешком пилить? Пройди через двор одна — тут пятьдесят метров. Она — как это одна?! А вдруг со мной что случится?! Я ей — пусто, нет никого, вон твой подъезд виден. Она — ах так, езжай, а со мной — все. Я и поехал. На следующий день раз позвонил, другой — не хочет со мною разговаривать. Я думаю — ну и хрен с тобой. Да кто ты такая? Нефертити, тоже мне! На свидания все время опаздывает — однажды два часа ее ждал! С красными розами! В мороз, снег валит, как снеговик стал! «Стрелки» переносит, дергает меня постоянно рассказами о том, как к ней клеятся на предмет познакомиться, — смотри, мол, я, если что, одна не останусь! Так до зимы и не виделись. А потом то ли я позвонил первый, то ли она — честно, не помню. В общем, в январе мы встретились. Но как! Мы договорились снять номер в гостинице, но ее... не пустил дедушка! Поздним зимним вечером мы обнимались в подъезде — она целовала меня в ухо, а я мял и тискал ее под шубой. Конечно, спать мы потом спали, но — не то. Острота ощущений пропала. Я был молодой, горячий, зарабатывал деньги, снимал приличную квартиру, шатался по дискотекам и таскал домой девок. Ну и как раз в этот период я познакомился со своей будущей женой. Вот она-то, уж правда, вцепилась в меня, как клещами, не вырвешься.

— Еще за одной бежать не придется? — Семен Степанович показал на бутылку.

— Да нет, скоро закончу. Так почти год прошел, встречались редко. У Машки появился парень, мне об этом доброжелатели сообщили, конечно. И тут вдруг у меня наступила полная жопа. Я во всем был сам виноват, но гордыня обуяла — все отношения разорвал, ни с кем из старого окружения не общался, работы не было, денег тоже... И тут вдруг она ночью позвонила — хочешь, говорит, приеду в гости? Я — давай. Приехала, денег ни на что нет, сводил ее только в клубы пару раз. Даже есть нечего. А она простудилась, заболела, причем сильно. Аспирин, анальгин, да капустный лист на лобик — все. Я по утрам на вещевой рынок, то чайник продам, то компакт-диски. Чтобы ей обратный билет купить, золотую цепочку в ломбард отнес. Но до отъезда в общей сложности она провела у меня двадцать шесть дней! А что без денег делать? Сидели дома, смотрели телевизор и трахались, трахались трахались... Утром — разок обязательно. Днем — по настроению. Вечером — два-три раза непременно. Уезжая, слезу пустила, я тоже. Потом летом заявила на два дня, сказала — возвращайся, а то я так долго не могу быть одна. Меня к ней любовь с головой накрыла. Какие письма я писал — шедевры эпистолярного творчества! Наконец поумнел, дела мои пришли в норму, вроде живи да радуйся. Но я так себя уже против нее настроил — ага, ждать не хочешь, «не можешь быть одна», — что при первой же встрече на малой родине сначала ей вручил охапку цветов, а потом напился и обозвал шлюхой. Она в слезах убежала. Я на следующее утро пришел мириться, а она мне те цветы с балкона — на тебе! В мое отсутствие за ней ухаживал видный кавалер — начальник по борьбе с коррупцией

местного МВД, учил ее ездить, не смеяся, на своей вишневой «десятке»... Понятно, что имел тот начальник жену и двоих детей, но все это позже выяснилось, а вот года полтора он у нас с Машкой украл. Я же переживал, мучился, страдал, писал письма. То представлял себе, как мы будем жить вместе, то — как и с каким наслаждением я переломаю ей кости... В общем, башню снесло... Наконец очередным летом я решил — пора принимать экстренные меры. Купил кольцо с бриллиантом, набор косметики «Нина Риччи», духи, браслет «звено белого золота — звено желтого золота», тогда такие украшения были популярны. Прямоком с поезда отправился на рынок и приобрел сто одну розу красного цвета. Заранее оплатил и сто одну розу чайного цвета — пообещал забрать завтра. План был хитрый, я не хотел бросаться на амбразуру в тот же день. Я попросил одного товарища, и тот занес Маше домой первую охапку. Звонить я не стал. Назавтра он же доставил ей второй букет. Через полчаса я позвонил, предложил вечером встретиться. Конечно, Машка опоздала, и намного, но как же в тот день она была красива! Высокая, волосы длинные, в синих широких брюках со стрелками, спина обнажена, каблучками — цок-цок, мужики оглядываются... Преподнес я ей браслет и косметику. Поломалась она чуть-чуть — подарки дорогие, не хочу себя ничем обязывать... Но взяла. Пошли мы в модное заведение, народу полно, дым коромыслом, тесно, говорю — давай в немодное. Давай — отвечает. Заходим, по сути, в соседний ресторан — никого. Абсолютно пустой зал, только на сцене человек за клавишами — орет какой-то шансон. Подошел я к нему, дал денег, чтобы он испарился, не мешал общаться. Уселись за столик, коньячок, то-се. Как в фильме «Однажды в Америке», вдвоем во всем заведении, только официанты суетятся... Закусили, выпили, думаю — пора. Достал коробочку, длинную-длинную речь сказал о том, как ее люблю, как буду всю жизнь заботиться о ней, в общем, так и так, будь моей женой. Она руки к лицу поднесла, и у нее, как у клоуна в цирке, две такие струи слез из-под ладоней ка-а-ак брызнут! С места вскочила, понеслась в туалет. Вернулась через пятнадцать минут, лицо красное, опухшее, коньяк себе сама из графина налила, разом сто грамм махнула и говорит: «Ты знаешь, нет. Прости». И все! Только «прости». Доковыряли мы икру в молчании, вышли на улицу, стал я ей ловить машину, а она — нет, тут можно пешком через парк, давай пройдемся. Положила мою руку себе на талию, мы и пошли. По-моему, уже у подъезда — все-таки были крепко выпивши — стали целоваться, тут она сказала что-то про «быть друзьями», и я пошел прочь. Она кричала, кричала вслед, я, не оборачиваясь, помахал ей рукой. После я не видел ее три года, в моей жизни произошло много перемен. Потом, так совпало, она гостила в одном городе у подруги, а я приехал туда в командировку. Кто-то из добрых друзей поставил ее в известность, мы встретились и... переспали. В уютной гостинице, с большим удовольствием. Так несколько лет и встречались — когда раз в полгода, когда — каждый вечер в течение недели. Я был женат, у нее менялись приятели — ничто не мешало. В разных городах, короткие встречи, подарки, ругань, слезы, пьяные признания — все было. Ну а когда я вернулся насовсем в родной город, мы с ней виделись только один раз. Я перестал брать трубку, когда она звонила, — неинтересно, скучно. Красавица Маша превратилась в банальную толстозадую тетку с двойным подбородком, постоянно жалующуюся на жизнь. Стала накладывать дурацкие зеленые тени на веки, но по-прежнему изображала маленькую девочку...

— У истории есть конец? — спросил Семен Степанович.

— Есть. Вот и повод выпить по последней.

Чокнулись, выпили.

— У меня недавно был день рождения. Звонки весь день, и тут смотрю — ее номер определился. Ай, думаю, не буду с тобой разговаривать! Перезванивает раз, другой, потом присылает эсмэску — не хочешь, мол, отвечать, но я все равно тебя поздравляю. Ну, думаю, и фиг с тобой. Вечер, меня все в кабаке уже ждут, а мне кровь из носу нужно до одного вредного гражданина доехать. У него последний день перед отпуском, не успею с ним с глазу на глаз переговорить — кранты одному проекту. Парковка у его офиса — никакая, пять машин встало — все. Чтобы было быстрее, я своему водителю говорю — высади меня на остановке, я пробегу тридцать метров, ты пока развернешься, я через переход вернусь, и мы сразу обратно. Только подъезжаю к остановке, выхожу — Маша! Чуть лбами не столкнулись. Она давай хохотать — и не может остановиться. Ошалел и я. «Петенька! — говорит. — Поздравляю тебя с днем рождения! Никуда ты от меня не скроешься! Это — судьба!» А я ей: «Отпусти же меня, зараза!» Посмеялись, поболтали десять минут, подъехали ее подруги в корейском «запорожце», оглядели меня с головы до ног, она села в машину и помахала ручкой. Все. Остались только воспоминания.

Мелькают дни, идут года,

Цветы цветут, метет метель.

Но не забуду никогда,

Ту, что постлала мне постель.

— Я буду спать.

— Да, конечно. А я еще почитаю. Свет не будет мешать?

— Нет, — зевая, ответил Петр и стал раздеваться.

Спустя несколько минут он уже похрапывал.

Семен Степанович смотрел на спящего здорового мужика и думал о том, как же все-таки причудлива жизнь. Петр вроде не нищий, не больной, есть семья, друзья, наверное... Но никогда еще он не видел такого несчастного человека.

Романтика и деньги

В отделе кредитования физических лиц Данила был лучшим сотрудником. Он знал это, и все знали — никакого бахвальства, все объективно. У него самое большое количество клиентов за день, самая высокая зарплата, самый высокий бонус и оплаченные поездки в Турцию. Но лучшее — враг хорошего. Если кто-то не мог тянуть ляжку, его переводили в другой отдел, человек получал шанс, раскрывался — и получал должность гораздо интереснее, да что там интереснее — денежнее. Хотя интеллектуальный аспект также имел место — Даниле, с его блестящим образованием, ежедневно приходилось общаться с толпой, из которой только десять процентов можно было назвать условно нормальными, знающими, куда они пришли и зачем. У остальных — обычная жажда срубить денег на халяву, непонимание, что деньги надо возвращать, а если возникнет малейшее сомнение в твоей кредитоспособности, вообще вежливо пошлют куда подальше... Данила уже столько времени провел на этом месте, что легко, на глазок, даже не просматривая документы, мог определить, получит человек кредит или нет. Все предельно ясно: если ты приличный человек, достойный член общества, у тебя высокооплачиваемая постоянная работа, квартира в собственности, дача, земельный участок, иностранный автомобиль — пожалуйста! Если же ты заваливаешься в банк с дырявой авоськой и в грязной обуви и начинаешь жалко лепетать, что плохие «Русский стандарт» или «Русфинанс» подсунули тебе карточку, ты ее активировал, а теперь проценты слишком большие, и тебе нужен новый хороший кредит, чтобы погасить старый плохой кредит (рефинансирование это называется, идиоты), — так кто же тебе даст? Конечно, у Тарико некрасивая схема, но она направлена на извлечение прибыли. Изучи предложение, прежде чем хапать деньги. У нас вон гораздо выгоднее. Пришел бы раньше, без долгов, может быть, тебе бы и дали. Что, лень было ножками двигать? Единственной извилиной не хотелось пошевелить?

Но что толку видеть — Данила не имел права самостоятельно отказывать. Если у заемщика собраны все документы, ты его обязан оформить. Только денег это не приносило и было пустыми хлопотами. А какие персонажи к ним попадали иногда! Три миллиона на развитие бизнеса при том, что никакого бизнеса в природе не было, только в мыслях. Или пятьсот тысяч с подтвержденным ежемесячным доходом в девять или под залог квартиры в доме, для которого даже котлован еще не вырыли! А двадцатилетний мальчик, проигравший в казино сто тысяч чужих рублей и пришедший за деньгами? Служба безопасности позвонила его родителям и спросила, в курсе ли они, что сын хочет оформить кредит? Ох и горела задница у парня, наверное, в тот вечер!

В общем, Даниле все это надоело. Единственное, что его держало, — это возможность убедить вменяемого клиента, что он может что-то решить. На самом деле, естественно, ничего он не решал. Определить по документам, что человеку точно не откажут, во внерабочее время позвонить, убедить в своих возможностях и по результату получить откат — но сие было так сложно! Один неверный шаг — и карьере конец. Это когда ты от Рязанского проспекта в пробках через центр пробираешься в Коньково, Москва кажется тебе большой, что же касается информационного пространства — совсем маленькая, один раз обгадился — все. Возможность трудиться в банках быстро испарится. Поэтому Данила использовал возможность дополнительного заработка чрезвычайно редко, и только тогда, когда чувствовал полное доверие к клиенту.

Учитывая эти обстоятельства, Данила давно уже просился в отдел кредитования юридических лиц или просто в отдел по работе с юридическими лицами — хотелось общаться с грамотными людьми и подниматься по карьерной лестнице. Ему обещали, обещали, обещали... Наконец его все достало до такой степени, что он поставил ультиматум: или перевод, или он увольняется. За неделю до этого он с помощью лучшего друга пустил «утку», как бы его хочет переманить банк из первой десятки, и понимал, что руководству этот слух уже донесли.

Нынче вечером он должен был встретиться с начальниками двух отделов и услышать от них решение руководства. Данила все для себя решил, поэтому был спокоен. Лучший друг Леха несколько раз за день забежал попить кофейку, но на самом деле пытался подбодрить. Когда до окончания рабочего дня оставалось пятнадцать минут, его позвали в переговорную.

— Кофе? — спросил первый начальник.

— Из ушей льется, — ответил Данила. — Давайте сразу к делу.

— Шеф предлагает тебе еще полгода поработать на старой должности. В качестве моральной компенсации — пять тысяч рублей к зарплате... — сказал второй.

— Ребята! — вскочил Данила. — Вы издеваетесь? Я «Татнефть» начал в двухтысячном году покупать, когда она сорок три цента стоила! Я тратил на нее весь свой доход, ни квартиры, ни машины не было! Я в отпуск в первый раз за границу в две тысячи пятом году съездил! Автомобиль только год назад купил, и то чмошную «хонду»! Сейчас одна акция стоит четыре с половиной доллара! Вы понимаете, сколько у меня денег? На хрен мне ваши пять тысяч? Я расти хочу, я младше каждого из вас всего на год! Я сдохну здесь, каждый день общаясь с колхозниками!

— Дань, — постучал по столу ручкой первый. — Сядь. Я всегда ходил к руководству за тебя просить, я все про тебя знаю, твои возможности мне прекрасно известны. Потерпи.

— Пожалуйста, — сказал второй. — Шеф упертый, на фиг ему твои ультиматумы. Так вообще ничего не добьешься.

— Давай ты заболеешь на два дня, — продолжил первый. — Потом будут два выходных, побухаешь, отойдешь. Нет, ну что же. Хотя я надеюсь, ты откиснешь, и все будет в норме.

— Впереди, — добавил второй, — до-о-олгая и счастливая жизнь. А один просер на фондовом рынке — и жрать будет не на что. Мало мы тут игроков повидали...

— Да знаю все, — ответил Данила. — Не первый день на белом свете. Давайте до понедельника.

Обменявшись рукопожатиями, они покинули переговорную. У дверей переминался с ноги на ногу верный Леха. Увидев кислое лицо друга, он все понял. Зашли в комнату, Данила стал собирать портфель.

— Жопа? — спросил Алексей.

— Она... — протянул Данила.

Вышли на парковку, сели в машину.

— Может, поехали, в бильярд поиграем? Хреново что-то.

Приличный бильярдный зал был в «Корстоне», бывшей гостинице «Орленок», — туда и отправились. Им повезло — не надо было ждать очереди, стол нашелся сразу.

Данила разбил пирамиду, и пошло-поехало. «Перескок», «толчок», «свояк», «волчок» — друзья в игре находили большое удовольствие. Подошла официантка, предложила выпить.

— Наверное, надо... — вопросительно поднял глаза Данила.

— Если пить, так пить. Сразу настройся на то, что машину оставишь на стоянке. Я тебя

нетрезвого за руль не пущу.

— Согласен, — ответил неудавшийся карьерист и попросил виски.

В закромах бара был Glenfiddich, что весьма их обрадовало. После первых же глотков напряжение ушло.

— Ну их на хрен, — после очередного забитого шара сказал Данила. — Мозги себе плавить не буду. Не рассыплюсь я за полгода. А уйти всегда успею.

— Правильно, — кивнул Алексей. — Я уж думал, уговаривать тебя придется.

— А тебя они об этом, что ли, просили?

— Дурак ты, — ответил тот, расставляя шары для новой партии. — Мне же без тебя работать будет тяжелее.

— Ну да, — рассмеялся Данила.

За соседним столом играли серьезные ребята с красно-коричневыми кулаками и перебитыми носами. Рядом вертелась умопомрачительной красоты женщина с превосходной фигурой. Данила поинтересовался:

— Лех, а ты не знаешь, почему у бондиков всегда такие классные телки? А с нами, интеллектуалами-банкирами, никого? Один — в галстукe Hermes и с часами Ebel, другой — в галстукe Richad James Savile Row и с часами Ulysse Nardin, и — ноль внимания? Что за хрень?

— Ну, часы, предположим, у них тоже неплохие. А вообще — девушки любят романтику, — ответил Леха и, ударив, промазал. — Я недавно был в Крылатском в байкерском клубе. Они же постоянно на мотоциклах, нечесаные, невымытые, бензином-маслом от них воняет... Но телки у них — это что-то. Как в клипах ZZ-Top про тех же байкеров.

— Романтика... А бабки им не нужны?

— Бабки там нужны, — кивнул Алексей в сторону стриптиз-клуба «911». — Прихватил с собой пачечку — и на два часа самый любимый.

— Мы туда, я чувствую, еще дойдем, — допивая виски, заметил Данила.

— Только пожрать надо обязательно, — запротестовал друг. — Сначала осьминоги у греков на втором этаже, потом бабы. Хлеб прежде зрелищ.

— А пошли прямо сейчас. Пожрем и выпьем.

— Пошли. — Леха с готовностью отложил кий в сторону.

Они расплатились и двинулись через зал к лестнице. Помимо осьминогов, съели мусаки и лаханодолмадес, а также выпили водки. Затем, не спеша, направились в «911».

Размалеванные полуголые девицы на входе встретили их с радостью. Ребята прошли мимо охраны и сразу поднялись на самый верх. На сцене вокруг шеста в свете ярких лучей извивалась девушка. На нее пялились сидящие в креслах командировочные в мятых пиджаках. Они курили сигары. Рядом с ними пристроились хихикающие девушки. В дальнем углу яростно жестикулировали четверо кавказцев. Было не слишкомлюдно — они пришли довольно рано. Уселись на диван.

— Вмажем, — предложил Данила.

— Вмажем, — согласился Алексей.

Подошла официантка, они заказали виски. К ним тут же подскочили две девицы. Одна, признаться, никакая, другая — очень даже симпатичная.

— Коктейлем угостите? — спросила та, что была привлекательнее.

— Станцуй сначала, — указал Данила на сцену.

— Не моя очередь, — наморщила носик девушка.

— А так? — Данила вынул из кошелька пятьсот рублей.

— Маловато будет...

— А ты красиво станцуй — получишь еще.

— Разорю... — пообещала та, вырвала из рук купюру и тут же ушла за сцену.

Музыка кончилась. Стриптизерша спустилась в зал, ей вяло поаплодировали. На сцене возникла любительница коктейлей и принялась двигаться. Данила постоянно шатался по стриптиз-клубам и мог отличить профессиональных танцовщиц от простых красивых любительниц. Эта девушка была профессионалкой. Когда она стала обнажаться, он поразился сначала совершенной форме ее груди, затем — форме всего остального. Девушка во время танца смотрела прямо ему в глаза. Она немного покружилась вокруг шеста, стала раздеваться дальше, оставшись в одних трусиках, жестом пригласила Данилу подойти. Он встал, засунул ей за резинку на ноге еще пятьсот рублей. Она повернулась спиной, наклонилась и медленно стянула трусики. Даже те немногие, кто был в зале, взревели так, что от потолка и стен резонировало эхо.

Через несколько минут она подошла к столику уже одетая.

— Какой будешь коктейль? — спросил Данила.

— Честно говоря, я бы виски выпила.

— Какой сорт?

— Не бойся, разводить на бабки не буду. Любой. Просто хочу выпить.

Данила заказал Chivas.

— Как зовут? — спросил он.

— Меня же объявляли.

— Нет, на самом деле.

— Вика.

— Откуда приехала?

— Из Саратова.

— Там так плохо?

— Там хорошо. Я заработаю бабок и вернусь домой.

— Много получается?

— Что?

— Зарабатывать?

Девушка недовольно пожала плечами:

— Когда как...

Данила пригубил виски:

— Давно ты здесь?

— Месяц.

— Со мной поедешь?

— Спрашиваешь, — улыбнулась Вика во все тридцать два белоснежных зуба. — Иди только с начальницей договорись.

Данила отправился за ширму. Там за столом сидела худосочная немолодая тетка, сжимавшая во рту сигарету, с которой вот-вот должен был упасть пепел, и пересчитывала деньги.

— Я Вику заберу? — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал он.

— Пятьсот евро, — не моргнув глазом, сквозь зубы ответила «мамочка».

— Грабеж! Было пятьсот долларов.

— Доллар падает.

— Уже растет, следите за финансовой ситуацией.

— Тогда просто пятьсот евро.

— Ладно, — пожал плечами Данила и вынул из бумажника сиреневую бумажку.

Дамочка положила ее в ящик стола.

— Вика! — заорала она.

Девушка возникла перед ней, как из-под земли.

— Собирайся!

— Десять минут, — кивнула стриптизерша разгоряченному джентльмену и скрылась за дверью.

Он вернулся за столик.

— Телка — отпад. Где таких берут, ума не приложу, — сказал Леха, оставшийся один. Видимо, отправил подальше свою страшенькую пассию. — Слушай, тебе надо ехать на такси.

— Не-а, — хмыкнул Данила, — я сегодня отдыхаю.

— Дурак, права отберут!

— Не отберут, я волшебное слово знаю.

— Какое?

— Пятьсот евро.

— А пару штук не хочешь?

— Пускай. Да и не пьяный я.

— А с чего пьянеть — две порции виски, две рюмки водки.

— Ну вот видишь.

— Сам смотри. Как поедешь?

— Да как обычно. По Косыгина до Мосфильмовской, там на Третье кольцо, на Звенигородское и с него на Краснопресненскую. Тебя подвезти?

— Нет, я сам, но учти, перед Мосфильмовской будут гаишники.

— Ну и ладно. Не доставай!

К ним подошла Вика в скромном плащике, если бы не яркий макияж — не подумаешь, что девушка легкого поведения...

Вышли на улицу. На прощание Леха поинтересовался — стоит ли ему завтра подъехать после работы? Данила выразил уверенность, что будет сидеть дома и никуда не пойдет.

Пожали друг другу руки и разошлись.

Вика уселась в машину, привычно громко хлопнув дверью. Данила тронулся, у шлагбаума заплатил за стоянку. Выехал на Косыгина, развернулся, включил проигрыватель:

— Muse нравится?

— Да, — ответила Вика и засмеялась: — А что это?

— Слушай, — сказал Данила и поставил Absolution.

Весь путь проделали молча. Гаишников не было. Двор, как обычно, был заставлен машинами. Данила попросил Вику заранее выйти и еле-еле притерся правой стороной к забору. Поднялись на лифте, вошли в квартиру.

— Ванная вон там, — показал Данила рукой.

— Угу, — согласно кивнула Вика. — Полотенце дай.

Пока она плескалась, он вынул из холодильника виноград, апельсины, яблоки. Помыл,

разрезал яблоки пополам, вырезал сердцевину. В гостиной поставил блюдо с фруктами на стол. Принес бокалы для вина на всякий случай и два стакана для виски. Вернулся на кухню, долго вертел в руках Bowmore повышенной крепости, но решил не рисковать, ограничился обычным Johnny Walker. На деревянной подставке пылились бутылки с вином, он усмехнулся — когда-нибудь и до них дойдет очередь. В комнате включил VH-1. Сигнал от тарелки сначала проходил через тюнер, потом через усилитель, пространство наполнилось музыкой. На экране в новом клипе кривлялись Madcon, Данила удовлетворенно хмыкнул. Достал спички, зажег толстые зеленые и красные свечи, расставленные специально для таких случаев на полках, выключил электрическое освещение.

Он уселся за стол и пригубил виски. Вошла Вика, обернутая большим белым полотенцем. Большое-то оно большое, но едва прикрывало соски, а внизу... Можно сказать, внизу было в самый раз. Белое на фоне смуглой кожи, в мерцающем свете свечей... Это что-то...

— Виски, вино? — спросил Данила.

— Виски.

— А не напьешься?

— Не-е-ет, — заверила она. — Я чуть-чуть, для настроения.

Данила налил. Выпили. Вика взяла с блюда виноград, и так по яголке, по яголке съела целую гроздь. Он с удовольствием за нею наблюдал. Девушка принялась за яблоки. стакан свой быстро допила, Данила подлил еще.

— В первый раз такое, — сказала Вика.

— Что именно?

— Ну, выпивка, фрукты, свечи... Обычно только порог переступишь, сразу — давай, давай, тащат в постель. А того и не понимают, что иногда во рту за весь день, кроме членов, ничего и не было.

— Фу, грубо как...

— Ну извини. А вообще мне такой антураж нравится. Понимаешь, что не по-настоящему, но кажется, что за тобой пусть и немного, но ухаживают.

— Мы как раз с другом сегодня обсуждали, что женщинам важнее — деньги или романтика.

— Ну, деньги обязательно. — Яблоко Вика ела смешно, выедавая мякоть и оставляя кожуру со следами зубов. — А если к ним еще и романтика, и приличное отношение — вообще супер... А я знала, что ты меня забереешь. Девки сказали, что, когда я на сцену вышла, у тебя глазки заблестели ярко-ярко...

— Ну почему нет? Ты там самая красивая.

— Спасибо за комплимент.

Данила поднялся:

— Пойду я тоже в душ...

Выйдя из ванной, он зашел в спальню, вынул из пиджака кошелек, достал из него купюру в сто долларов. Вернулся в гостиную. Вика сидела на диване, поджав под себя ноги, в руке держала пульт и переключала телевизор с программы на программу.

— На, — протянул он девушке деньги. — Чтобы любила крепче.

— Спасибо. — Вика вскочила и побежала прятать хрустящую бумажку в сумочку. Вернувшись, сказала: — Я бы тебя и так любила...

Данила обнял ее, прижал к себе. Она с готовностью сделала несколько круговых

движений тазом, потершись о него, и приоткрыла губы — как бы подставляя их для поцелуя.

Он удивился:

— Проститутки в губы не целуются.

— А я только с тобой.

Данила прижал ее еще сильнее и долго-долго, крепко-крепко целовал. Наконец оторвался:

— Станцуешь для меня?

— А то! — с готовностью, даже будто обрадовавшись такой возможности, ответила Вика. — Садись, смотри.

Он включил музыкальный канал. Девушка выбежала из комнаты и с началом новой песни вошла в гостиную. Это был танец с полотенцем. Данила и представить себе не мог, что с обычным куском ткани можно вытворять такое. Она набрасывала полотенце на плечи, водила вокруг бедер, между ног. Оставшись голой, опустилась на пол и стала изображать кошку или, скорее, гибкую изящную пантеру. Фигура у нее была изумительная. Не вставая, она подобралась к нему, рывком распахнула его халат и, высунув язык, по-кошачьи принялась облизывать все, до чего смогла добраться. Данила вскочил, схватил девушку за руку и потащил ее в спальню.

Секс был хорош. Данила весь вспотел, а когда все закончилось, без сил упал с Викой рядом.

— Перекусим и — еще? — спросила та.

Данила сходил на кухню. Он нашел в холодильнике рыбу, салат, отнес все это в комнату, они снова выпили. Не теряя времени, вернулись в спальню. Теперь все было медленнее, нежнее. От ласки Вика иногда мурлыкала.

— Ты всегда изображаешь кошку? — спросил он.

— Наверное, я была ею в прошлой жизни.

Когда все закончилось, Данила понял, что смертельно хочет спать. Вика взяла телефон, набрала какой-то номер и попросила ее забрать.

— Дверь захлопнешь? — спросил Данила, с трудом поднимая слипающиеся веки. Получив утвердительный ответ, добавил: — Телефончик оставь, — и мгновенно погрузился в сон.

Утро было недобрым. Помотав головой, он поднялся, вышел из спальни. В холле на висящем на стене зеркале губной помадой крупно были выведены десять цифр и имя «Вика». «Как тебя зовут, я бы не забыл», — подумал Данила.

Был велик соблазн опохмелиться, но накопилось много мелких дел — химчистка, ремонт обуви, надо было купить скатерть. Пользуясь будним днем, заехать на Горбушку приобрести новые DVD и CD, чтобы не толкаться там в субботу или воскресенье. Пьянку он оставил на вечер. После обеда решил, что Вика уже, наверное, выспалась, и позвонил ей. Он сразу пригласил ее еще раз, но девушка сказала, что с удовольствием с ним встретится в индивидуальном порядке в свой ближайший выходной, а пока он может вечером опять заплатить за нее и забрать с собою. Даниле стало неприятно, и он решил подумать.

На исходе дня Данила пешком отправился в Киноцентр. Там давно шел фильм, который он все не мог посмотреть. Перед фильмом, во время фильма и после фильма он пил пиво. Настроение было лучше некуда, и если днем Данила по телефону сказал Лехе, что проведет вечер в одиночестве, то сейчас позвонил ему и предложил развлечься. Друг был в Селезневских банях, откуда собирался домой на Дмитровку, поэтому вежливо отказался.

Данила, ища приключений, поднялся на последний этаж Киноцентра в стриптиз. Так как он жил рядом, то бывал в этом месте очень часто и многих знал. Скоро ему стало скучно, он вышел, поймал такси и поехал в «911» за Викой. Народу было — битком, он сразу направился к стайке девиц, спросил, здесь ли Вика, и попросил ее позвать. Девушка, согласившаяся поискать его ночную подругу, сообщила, что у той приват-танец. Данила скрипнул зубами и уселся на диван ждать. На сцену поочередно выходили танцовщицы, но они ему были неинтересны — он представлял на их месте Вику и злился.

Через двадцать минут пробежавшая мимо девушка бросила ему, что она скоро появится. Данила заерзал в нетерпении и тут же неожиданно увидел свою красавицу, одетую и с сумкой, направляющуюся к выходу в компании то ли кавказца, то ли араба. Тот по-хозяйски положил ей руку на плечи и властно вел за собой.

— Вика! — окликнул ее Данила.

Девушка обернулась, заметила его, на ее лице мелькнул испуг, и она зашагала к выходу еще быстрее.

Данила зашел за ширму. Вчерашняя женщина сидела в той же позе и с такой же сигаретой, приклеившейся к нижней губе.

«Чисто Бельмондо, только что не мужик», — подумал Данила.

— Кто это Вику забрал? — спросил он.

— А я знаю? — недовольно, со скрипом, как железом по стеклу, произнесла «мамаша». — Клиент! А что, понравилась?

— Понравилась.

— Да... — Женщина даже улыбнулась. — Она у нас такая, ее все любят...

Данила чуть не сплюнул, повернулся и пошел прочь.

В понедельник он на работу не явился — взял неделю за свой счет, решил, что отдохнет. Вике звонить не стал — каждый раз, когда он пытался ее вспомнить, в памяти всплывал горбатый длинный нос и сросшиеся брови «клиента».

Пока его не было, в банк приперся старый заемщик — привел знакомого. Расстроился, узнав, что Данилы нет, и предложил парню, принимавшему у него документы, старую схему — товарищ только распишется, а все остальное вы сделайте сами, как Данила. Клиент же после получения денег даст вам, как обычно, десять процентов от суммы. Ошалевший парень с открытым ртом побежал к руководству стучать.

Через два дня Данилу уволили, на профессиональном жаргоне — с черной меткой. Никакого «по собственному желанию». Сколько веревочке ни виться... Еще через неделю грянул давно назревавший финансовый кризис. Данила помчался к своему брокеру, тот его заверил, что все обязательно вернется на круги своя, как после девяносто восьмого года, предложил не дергаться, затянуть поясочек и подождать.

Посчитав, сколько у него наличных и на карточке, Данила пришел к выводу, что может себе позволить тратиться только на еду и на бензин. Никаких развлечений, никаких стриптиз-клубов... Больше проституток он не покупал. Вика оказалась последней.

Дача, лето...

Бревенчатый дом, постриженный кусками неровный газон. Посередине лужайки вырыт пруд, там плавают рыбы. Вокруг разбиты клумбы, на них растут красивые цветы — хозяйка, Люда, знатный флорист. Ее муж Юра пошел топить баню. Мы в удобных креслах-качелях прячемся под тентом от солнца. На пластиковом столе — остатки позднего завтрака. Мы любим чаепития и собираемся за столом очень часто. Около нас бродит здоровенная овчарка Макс и тычется носом в колени моей девушки Инны. Наш общий друг Игорек бросает мяч в баскетбольное кольцо на маленькой площадке. На летней кухне Юрина теща маринует мясо для шашлыка на вечер. Ей помогает подруга Инны — Лариса. В воздухе вьется мошкара — тоже ищет тень. Участок окружен соснами огромной высоты, они колышутся, хотя, кажется, никакого ветра нет. Желанные облака в небе не появляются, только высоко-высоко фрагментами разбросаны белоснежные облачные перья.

Жарко, меня клонит в сон. Я говорю Инне, что подремлю часок, и иду в дом. Захожу в комнату, в которую определили меня с подругой, и неожиданно нахожу там Ваню.

Ваня лежит на кровати, уткнувшись головой в подушку, и глухо стонет. Его худенькое тело содрогается от рыданий.

Подхожу, тихонько трогаю за плечо:

— Ваня, что с тобой?

— Уйди, никого не хочу видеть!

— Вань, скажи, что случилось?!

— Я опять один... — не поворачиваясь ко мне, мычит он в подушку. — Меня Таня бросила...

— Не верю! — восклицаю я, искренне удивленный. — Вы же все время вместе!

— Были, — с сильным ударением на это слово говорит Ваня. — Она сказала, что мы должны расстаться. Она меня не любит...

— У вас был серьезный разговор?

— Да! Целый час говорили. Оказывается, ей давно нравится Костя.

— Я его знаю? — спрашиваю я.

— Может, и видел.

— Нашел, из-за кого убиваться. Раз она предпочла его тебе, значит, ты в ней сильно ошибался. Найдешь себе другую, парень ты видный.

— Да ты что! — Ваня вскакивает с постели, слезы от злости высыхают. — Мы же с ней идеально подходим друг другу! Смотри! — Он хватает со стола книжку, в ней штук десять фотографий, сует их мне.

Я поочередно просматриваю:

— Признаю, замечательная пара. Но будь мужчиной! Тебя оставили из-за другого! Стисни зубы и терпи! Скоро боль пройдет, и ты ее забудешь!

— Молчи! — кричит Ваня. — Молчи! Но почему меня никто не понимает! Иди отсюда! — Он снова падает на постель и впивается пальцами в подушку. — Я не хочу жить, — говорит он не мне, а, скорее, подушке. — Не хочу жить...

Я осторожно выхожу за дверь и иду за Юрой. Думаю, в этой ситуации без него не обойтись. Эх, любовь, любовь! Что ты делаешь с людьми!

Ване восемь лет. Этой осенью он пойдет в третий класс. Ваня — сын Юры.

Первокурсник Слава мечтал о постоянной девушке. За первые месяцы учебы многие однокашники уже обзавелись парами, а он все был один. Наверное, ему не хватало здоровой наглости, однако Слава не считал себя стеснительным. Юность, проживание в общежитии, постоянные праздники и веселые пьянки вовсе не способствовали целомудрию — какие-то интрижки у него случались постоянно. Но хотелось, как там ее, чистой и сильной любви. Она же все не приходила...

Поначалу ему очень нравилась Лена. До их учебного заведения она успела поучиться в физкультурном институте. Фигура у нее была сумасшедшая, но пока он ходил с ней за ручку в кино и на прогулки в парк, на ее жизненном пути повстречался второкурсник Витя на «мерседесе», и Славик не смог отстоять свои и без того слабые позиции. Самая красивая девушка на курсе, азербайджанка Лола, и вовсе была недостижимой мечтой. Она любила ходить в кожаном берете с красной звездочкой. Высокая, длинноволосая, стройная Лола приковывала к себе мужские взгляды, но рядом с ней обычно располагался отряд соплеменников, свято берегущих ее девичью честь. А жаль...

Азербайджанской дороги длинней
Зулейкины черные косы,
А под рубашкой у ней
Два абрикоса.
И вся она — ва!
Как халва!
Много в ней всякого такого...
Только любит она не меня — ва!
Другого...

Девушка волшебной красоты Катя крепостью оказалась неприступной. Как к ней подступиться, Слава вовсе не представлял. Однажды группой они отправились на экскурсию. Возвращались на метро, было тесно, и Катя попросила разрешения держаться не за поручень, а за его руку. Остолбеневший Слава был в смятении, а его рука горела все эти шесть станций.

Через день толпой собрались в общежитии на очередной вечеринке. Катя тоже заехала в гости, их стулья оказались рядом, и выпивший Славик запустил ладонь ей под свитер. Он долго гладил ей спинку, но когда на следующий день пригласил в кино, она сослалась на занятость, а месяца через три и вовсе вышла замуж.

Те девушки, которым, в свою очередь, нравился он, его не волновали. Особенно усердствовала некая Света. Казалось, она поставила себе целью затащить Славика в постель. Обладая она должным опытом, наверное, во время очередной попойки схватила бы под столом его за ногу — и все, но откуда ему было взяться, опыту? Поэтому Света только вздыхала, во время совместных посиделок сверлила его взглядом, аплодировала выступлениям на семинарах, угощала пирогами собственного изготовления и жаловалась соседкам на неразделенную любовь.

Однажды Славик по неосторожности переспал с третьекурсницей, которую подруги подвергли за это обструкции — как, тебе своих мало? — но та повадилась по поводу и без повода его навещать. Жил Слава в комнате с соседями, законы у них были «морскими» — кто в комнате первый с девушкой закрылся, того эта комната на ближайший вечер. Но совесть тоже надо было иметь. Как-то третьекурсница зашла «поболтать», села на кровать, на которой Славик читал книжку, и будто невзначай, не прерывая разговора, расстегнула ему ширинку и запустила руку «куда хотелось». Он принялся ерзать, пытаясь высвободиться. В этот момент в комнату заглянула Света. Увидев соперницу, она вытаращила глаза и задыхалась так часто, словно ей не хватало воздуха. Через несколько секунд Светлана овладела собой и не своим голосом попросила «сахарку». Закрывшись книжкой, он пробормотал, что сахар отсутствует, Света, изо всех сил хлопнув дверью о кривой косяк, исчезла. Последнюю попытку она предприняла на своем дне рождения. Светлана отправилась провожать напившегося Славика в его комнату и, раздев, быстро легла рядом, но он позорно заснул. Обида оказалась смертельной, Светка оставила его в покое.

Остальные девушки, попадающие в круг его внимания, были явно неадекватны. Обладательница неземной груди Оля Стрельникова на мальчиков не смотрела вовсе, все свое время посвящая учебе. Ирина Губанова, полностью оправдывавшая свою фамилию, с «лохами» не общалась, а красавице Тоне нравились все подряд, она не отказывала даже самому завалыщему «ботанику», поэтому на роль постоянной подруги не подходила.

Слава стал поглядывать на девушек с других факультетов. Особенно ему нравилась одна прелестница, носившая высокие каблочки, но каждый раз, когда оказывался рядом, он впадал в невероятный ступор. Славик дрожал, бледнел и не мог вымолвить ни слова. Когда же, наконец, решился объяснить, то встретил ее в столовой, в очереди за холодными попнувшими сосисками и заветренным капустным салатом, обнимающуюся с невероятным уродом — у парня были квадратная голова, квадратный нос на квадратном лице и квадратное тело — казалось, толкни его, только посильнее, и он покатится как кубик.

Зарождающееся чувство умерло, не родившись.

Славе приглянулась еще одна девчонка. У него был земляк, крутивший любовь с некой Настей. У Насти имелась подруга — не разлей вода — Анжела. У Анжелы был дружок Саша. Так вот, Анжела была очень даже симпатичная. Не бог весть какая красавица, но уж точно не страшная, а главное, так сильно переживала за своих друзей, так старалась им всем помочь, что справедливо заслужила прозвище Гринпис. С Сашей у них была вроде бы любовь, но тот вступил в секту евангелистов, и у него поехала крыша. Настя с негодованием рассказывала Славе, как Шурик пару раз поднимал на Анжелку руку и как та безуспешно пытается его вытащить из «болота». В этом, конечно, содержался скрытый намек — давай, мол, спасать саму Анжелу, подружись с ней, и у нас будет своя отличная компания. Слава намек понял.

Как-то он бежал из института и столкнулся лицом к лицу с Анжелой. Они поговорили, над чем-то посмеялись, делясь новостями, она смешно била его ладошкой по груди, а после обычных «пока-пока» подставила щеку для поцелуя. Девчонки, у них всегда так, с поцелуйчиками, здоровались и прощались. Неожиданно для себя Славик вдруг лизнул ее в шею. Глаза девушки округлились, она опустила голову и молча побрела к учебному корпусу. Слава и сам не понял, что это такое и, главное, зачем он сделал.

Через день земляк зазвал его на прогулку по воде — по Москве-реке пустили смешной катер, на котором каждый вечер играли джаз. Разумеется, с ним были подружки «не разлей

вода». Джаз оказался замечательным. По фольге, которой были обклеены все столбы и стены довольно большого катера, бегали лучи маленьких прожекторов, все сверкало. Они выпили чего-то крепкого, повеселели и отправились на палубу целоваться. Земляк с подружкой не стеснялись вовсе, а Славик сначала действовал осторожно. Правда, вскоре они с Анжелой разошлись — пиявками впились друг в друга. Она обнимала его за плечи, он пытался достать до всего, до чего мог дотянуться. Девушка сказала, что после того, как он ее поцеловал в шею (ого! А он-то думал, что просто ее лизнул!), она «ни на минуту не может забыть это мгновение». Подружки жили рядом, провожали их поочередно. Настю отвели домой первой, потом Слава у подъезда долго с Анжелой целовался, а земляк, чтобы не смущать их, переминался с ноги на ногу за гаражами.

Так начался первый в жизни Славки настоящий роман. Он постарался закрепить успех — уговорил одногруппника дать ему ключи от своей комнаты. Парень успевал учиться и работать, командировки у него случались почти каждую неделю.

Анжела примчалась по первому зову, и после пятнадцати минут, для приличия отведенных для чаепития, они оказались в постели. Секс был нежный и стыдливый. Она призналась, что он у нее второй после Саши, Славик тоже не был супермастером. Теперь почти каждый день они старательно учились этому интересному занятию, причем в любом месте, которое с большой натяжкой можно было бы назвать безлюдным. Чаще всего у Славика в общежитии, но настолько часто, что через пару недель на совете комнаты общим голосованием двумя голосами против одного «морской» закон был отменен.

Вопрос «где?» являлся для них наиважнейшим и был серьезнее тех вопросов, которые им задавали на зачетах и экзаменах мудрые преподаватели.

Неожиданно трудяга-одногоруппник сообщил, что купил квартиру в аварийном доме рядом с институтом — это отличное вложение денег, будут сносить, получит новую, и предложил там пожить, раз уж так «негде». Только предупредил, что квартира грязная, надо сделать хотя бы косметический ремонт, и что она без мебели.

Счастливый Слава за три дня с помощницами Анжелой и Настей поклеил обои, отчистил ванну и вымыл окна. Земляк от подобных обязанностей был освобожден, так как каждый вечер за свои деньги приобретал выпивку и закуску. Из общежития были украдены два матраца, одеяло и подушки, холодильник пришлось покупать. Обшарпанный стол и четыре неудобные табуретки на кухне все-таки имелись. «Отходную» соседям по общаге сделать хотелось, но Слава справедливо посчитал, что ее следует объединить с новосельем. Обижать никого не рекомендовалось, в однокомнатную квартиру набилось человек двадцать. Свежепоклеенные обои залили пивом, а до блеска начищенные ванну и унитаз заблевали. Орали, танцевали, бесились. Так Слава познакомился с соседями. Но горевал он не долго — в конце концов, он же пригласил студентов на водку, а не старушек на чай.

Описать его с Анжелой последующее времяпровождение, наверное, можно одной фразой — «они не вставали с матраца». Конечно, не потому, что было лень.

Да, они таскались на выставки, ходили на недорогие места в «Сатирикон», пили водку в «Гнезде глухаря» и пиво в студенческом театре. Вообще, везде, где можно было, пили пиво и гуляли за ручку в парках. Но в основном сидели дома. Бывали драгоценные моменты — Анжела уговаривала маму отпустить ее ночевать «к подруге» и оставалась у него. Они шутливо толкались у плиты, готовили ужин, пили, что бог послал, вместе валялись в ванне, благо ее размеры позволяли, ну а потом старательно приводили в негодность матрац.

Однажды, вернувшись домой после учебы, Славик с удивлением увидел на лестничной

площадке взволнованную Анжелу — в тот день встречаться они не договаривались.

— Что-то случилось? — испугался он.

— Случилось, — ответила она. — Безумно тебя хочу, не могу до завтра ждать!

Едва переступив порог, принялись срывать друг с друга одежду и — привет, приятель матрац!

На одной студенческой тусовке в общежитии, где хозяином был поклонник эзотерических учений, спавший на циновке, а гостей заставлявший сидеть на маленьких подушках на полу, после нескольких рюмок Анжела горячо шепнула Славе на ухо, покусывая мочку:

— Минет... Минет... Немедленно минет...

Он пожал плечами — поехали, мол, ко мне.

— Нет... — продолжала шептать Анжела. — Здесь... Сейчас...

В разбитой душевой в блоке дверь на шпингалет не закрывалась, и во время действия Слава держал ручку дрожащими пальцами.

Как-то один добрый приятель то ли в шутку, то ли всерьез спросил у него:

— С Анжелкой-то свадьба скоро? Давно мы курсом на свадьбе не гуляли!

Слава задумался. Он-то поступил в институт, отслужив в армии, ему был двадцать один год, но Анжела — совсем девчонка, год назад она еще в школе училась! С другой стороны, а встретит ли он еще такую искреннюю, отзывчивую, честную, бескорыстную и — да-да! — сексуальную девушку? Мелькнула мысль: «А как готовит! Как готовит!» Да и зачем кого-то еще «встречать»? Да, бывали у них минутные размолвки, но после каждой, в общем-то, мелочной ссоры он тащил ее в постель, и все возвращалось на круги своя. Он был уже представлен матери Анжелы — конечно, не в качестве жениха, а в толпе прочих, — ни он маме, ни она ему не понравились. Почувствовала, наверное, — сердце матери не обманешь. Как обойти это очевидное препятствие, Славик не знал. Погруженный в размышления, день ходил сам не свой. Вечером отправился за советом к земляку. Тот обозвал его трижды дураком, сказал, что в таком возрасте жениться не следует, да еще против воли матери. Отца у них не было. Захочет ли Анжела потерять доверие единственного родного человека? И все это ради студентика с парой штанов, живущего на стипендию и родительские поправки?

Что справедливо, то справедливо, белое не станет черным, и наоборот. Славка закомплексовал, и во время прогулки по Воробьевым горам ни за что ни про что на Анжелу наорал. Не понимая, в чем дело, та хлопала длинными ресницами и вытирала слезы, а потом повернулась и пошла прочь.

В ближайшем баре он выпил подряд три стопки водки — не помогло. Когда он вышел из лифта на своем этаже, то увидел сидящую на ступеньках лестницы Анжелу. Он бросился к ней, обнял, стал целовать лоб, глаза, щеки, губы, повторяя:

— Если бы ты знала, как я тебя люблю, как сильно я тебя люблю... Прости меня, дурака, прости, я никогда тебя не обижу...

Анжела позвонила маме и поставила ее перед фактом, что домой сегодня не приедет, хоть заранее и не отпрашивалась. Ночью им было очень хорошо.

Но мать Анжелы решила принять меры. Целую неделю Слава свою девушку не видел. Ее мама преподавала в их же институте. Демократкой не слыла. Предмет назывался «Русский как иностранный». Учила гостей из развивающихся стран общаться не только с помощью мата, который они заучивали перво-наперво без помощи преподавателя, но и многому другому, полезному. После работы она теперь забирала дочку домой. Слава все понимал,

дров ломать не соби́рался. Поэтому по окончании занятий он приезжал к дому Анжелы, та на полчаса выходила якобы в магазин, и они бежали в лесопосадку целоваться. Через несколько дней мама остыла, и они по-прежнему по полдня проводили у него — главное, чтобы Анжела к десяти вечера была дома.

Наступил август. Как-то они пошли в киношку. Фильм оказался так себе, они молча спустились в метро. Анжела была грустна и задумчива. У Славы же было прекрасное настроение, он шутил, пытаясь развеселить подружку. Но почему-то не получалось. Неожиданно она сама завела разговор, но в самом неподходящем месте. Слава так и не понял, почему он должен был услышать это в грохочущем вагоне метро. Анжела сказала, что ее маме предложили работу в Америке, в университете штата Айова, естественно, с американской преподавательской зарплатой. Мама такой шанс упускать была не намерена и хотела, чтобы дочь поехала с нею. Из института исключать Анжелу не будут — через год, даже скорее через два семестра, а это меньше девяти месяцев, ее восстановят. Маме выпал шанс. Профессия Анжелы — английский язык, поэтому провести столько времени в нужной языковой среде просто необходимо. Мама сказала, что без нее не поедет, но, если Слава ее не отпустит, она поссорится с мамой и останется дома.

Слава обалдел. У каменных истуканов, наверное, и то бы нашлось больше эмоций. Славка же тупо смотрел в одну точку — точка эта была где-то в подземном туннеле за стеклом вагона.

— Значит, ты боишься сама принять решение? — зло поинтересовался он. — То есть не знаешь, нужен ли я тебе и стоит ли ругаться из-за меня с мамой? Боишься упустить шанс выучить язык и не дать матери заработать? Ты серьезно считаешь, что она сможет без тебя уехать? Или ты перед взлетом успеешь выпрыгнуть из самолета? А потом мне всю жизнь придется слышать, что я вам жизнь сломал и не дал мечтам воплотиться?

Анжела побледнела. Она не стала отвечать на вопросы, произнесла только:

— Если ты скажешь — оставайся, я останусь. Если скажешь — уезжай, я уеду.

— Я скажу — поступай, как считаешь нужным. Твоя жизнь, твое решение.

Они проехали его станцию, стали подъезжать к ее. Оба молчали.

— Не надо меня провожать — я хочу побыть одна, — уронила Анжела. — Мне надо подумать.

— Думай, — пожал плечами Слава и даже не попытался хотя бы чмокнуть ее в щеку.

Домой не хотелось. Он позвонил земляку, тот предложил встретиться в незатейливой, но с очень вкусной едой грузинской забегаловке. Сидя с ним за столиком, Славка выложил все, как на духу.

— Может, ты и прав, — сказал земляк. — Хотя мне кажется, что просто струсил. Ты — мужчина, ты — старше, она ждала от тебя помощи, а ты отвернулся. Дурак.

— А мне кажется, что она именно это хотела от меня услышать. И я не дурак, а умный. Если бы я сказал: «Оставайся», а мама все равно бы настояла на своем и увезла — какая цена моему мнению и моему слову? Никакая. И кто я? Никто. Наши дальнейшие отношения стали бы невозможны — независимо от желаний, предпочтений и мыслей, что посещают ее хорошенькую головку. А так у нас еще есть шанс — ведь она вернется. А я ее дождусь.

— Ой ли!

— Конечно, дождусь. И тогда я скажу маме: «Ради вас я жертву принес, теперь ваша очередь». И никуда Анжела от меня не денется.

— Спорить не буду. Дай бог. Бухнем?

— Повод есть. И какой! — ответил Слава, и они принялись за дело.

— А ты не боишься, — спросил земляк через некоторое время, отложив вилку, — что ей там понравится какой-нибудь капитан университетской команды по футболу, Джейсон или Патрик, с широкими плечами и улыбкой — гордостью местного стоматолога?

Слава скривился:

— Значит, судьба. Считай, что я фаталист. Полюбит другого — я не буду убиваться.

— Смотри... — протянул земляк и чокнулся с ним.

На следующий день Слава встретился с Анжелой. Она объявила, что решила ехать. Пусть это будет для них испытанием, а то слишком гладко все до этого получалось. Слава не спорил. Время до отъезда они старались проводить, как раньше, но это редко удавалось — тень предстоящего расставания витала над ними.

Проводить себя Анжела не разрешила — сказала, что, если он приедет в аэропорт, она просто не сможет улететь. Прозвучало красиво, но он подумал, что Анжела наверняка стесняется матери.

Последний вечер они провели в его квартире, Анжела любила его с такой иступленной страстью, что у Славы мелькнула мысль — она все делает как в последний раз...

Провожать до подъезда она также не позволила — захотела проститься на остановке. Они пропустили три троллейбуса, она тихонько всхлипывала у него на груди и все приговаривала: «Милый, милый»...

Потом начались письма...

Они писали друг другу по электронке чуть ли не каждый день. В свои письма она вставляла фирменную шапку: «Department of Russian, 235 Jessup Hall, Iowa City» — что его поначалу забавляло, а потом стало бесить. Писала, как скучает без него, как ей тяжело и тоскливо, смешно описывала тупость и привычки аборигенов. Он делился с ней новостями, рассказывал об общих знакомых. Когда хотел услышать ее голос, то рано утром бежал в учебную часть. За небольшую взятку уборщица открывала ему кабинет, и он со служебного телефона звонил Анжеле — в Айове как раз было около десяти вечера. Однажды его чуть не застукали, и он этот смелый опыт прекратил.

Тем временем жизнь шла своим чередом. Хозяин квартиры как-то сообщил Славе, что будет жилплощадь продавать — когда дом снесут, неизвестно, а цены на жилье выросли в полтора раза. Чтобы Слава не злился, тут же предложил ему работу — одноклассника пригласили в солидную фирму и разрешили самому набрать команду.

— А как же учеба? — вслух подумал Слава.

— А что, на лекции кто-то ходит? — последовал встречный вопрос. — На сессию буду отпускать под свою ответственность. Закончишь как-нибудь. Будет трудно — переведешься на заочный. Люди для чего учатся? Чтобы получить приличную работу! А тебе уже ее предлагают — что тут тормозить?

Доводы были убедительными, и он согласился.

Через месяц Славу было не узнать — он купил костюм, галстук, постриг свои длинные волосы. Теперь он вечно спешил — в институт влетал в развевающимся плаще — на «подъемные» работодатели не скупилась. Учеба стала заключаться в том, чтобы в нужное время и в нужном месте преподнести преподавателям-мужчинам дорогой коньяк, а женщинам — вино, цветы, конфеты в коробках метр на метр. Когда же кто-то из них проявлял принципиальность, тащился вечером в библиотеку и зубрил.

Однажды, стоя в растянувшейся очереди за книгами, Славик заметил девушку с

исключительно стройными ножками. Зная об этом своем достоинстве, она подчеркнула его, надев юбку минимальной длины, словно на куклу. Вдруг она повернулась к нему и что-то спросила. Славик невпопад ответил, она засмеялась, завязался разговор. Незнакомка рассказала, что ездила кататься на горных лыжах в Швейцарию, о летнем тусере с родителями в Ницце, расспрашивала, какие московские клубы ему нравятся, и, услышав, что он нигде не бывает, предложила себя в качестве экскурсовода. Слава хотел отказаться, но язык почему-то прилип к небу. Новая знакомая оставила телефончик и взяла с него обещание позвонить в ближайшее время.

Настроение, которое у Славика и так было не «фонтан», совершенно испортилось. Ему показалось, что жизнь проходит мимо, воздержание стало его тяготить.

Стали появляться деньги, он снял квартиру на Осеннем бульваре в шестнадцатиэтажном муравейнике. Часто звонил Анжеле, но в «Русском доме» то ее не могли найти, то она уже спала, когда же Анжела брала трубку, говорила как-то вяло и ни о чем:

— Как ты?

— Нормально.

— А ты?

— И я нормально.

Коллеги по работе взяли над «младшеньким» своеобразное шефство и таскали его за собой по всем значным местам. Почти каждый выходной — клубы, казино, гастрономические и тусовочные рестораны и везде — бабы, бабы и еще раз бабы. Ноги, груди, губы, попы... В общагу к друзьям он приезжал нагруженный пакетами с едой и выпивкой. По коридорам бегали новые первокурсницы, симпатичные обезьянки пялились на него с явным интересом.

На работе за глаза его поначалу называли «пионером», но после того, как большинство клиентов стали выстраиваться к нему в очередь, отношение изменилось. Однокурсник предложил не совсем легальную схему дополнительного заработка. Славка, никогда не боявшийся увольнения, так как не собирался всю жизнь существовать в образе «офисного планктона», с легкостью согласился. Денег стало еще больше, клиенты ежедневно притаскивали дорогие виски и коньяк. Ему стало казаться, что он слишком много пьет. Спасение от рутины Слава искал в письмах. Сам писал длинно, занудно, Анжела отвечала коротко — мол, извини, совсем нет на письма времени. Славка скрипел зубами и представлял, как она в команде поддержки с другими девушками танцует перед футбольным матчем, а Джейсон (или Патрик), глядя на нее, поглаживает кубики пресса на животе и довольно улыбается.

В середине декабря коллега пригласил его в клуб отметить день рождения. Было много народу, в том числе и девчонок. Слава, вроде прилично зарабатывающий, с удивлением тарасился, как легко сослуживцы пьют коньяк по тридцать долларов за порцию. Было понятно, что ему по служебной лестнице карабкаться еще долго... Поздравить новорожденного пришла его двоюродная сестра Лиза, очень красивая девушка с собранными в пучок волосами. На ней была невообразимая кофточка, одновременно открывающая плечи, спину и живот. Как эта кофточка на ней держалась — непонятно. Желających танцевать было мало, в основном пили, курили и разговаривали, ругая начальство, власти и финмониторинг. Вдруг зазвучала медленная музыка, Лиза прокричала:

— Дамы приглашают кавалеров! — подошла к Славику и потащила его танцевать.

Танцевала она своеобразно, прильнув к партнеру всем своим гибким телом. Грудь,

упругие, как резиновые мячики, с каждым мгновением все сильнее прижимались к кавалеру. Слава опустил глаза — ее соски набухли и выпирали сквозь кофточку. Он еле дотерпел до конца мелодии — дальше «танцевать» было невыносимо.

Но снова зазвучала медленная песня, Лиза опять подняла Славу с места. Обняв его за шею, она прошептала ему на ухо:

— Ну что ты как неживой!

— Смущаюсь, — ответил он. — Дело в том, что у меня есть девушка. Она далеко, и я очень боюсь, что мне в ее отсутствие может кто-нибудь понравиться.

— И где же она? — поинтересовалась Лиза.

— Учится в Америке. Приедет в мае. Я ее жду.

— Вот как? Ну ты кремень! — засмеялась его партнерша. — Я привыкла, что, если обращаю внимание, мужчина в долгу не остается. Конечно, я желаю вам с любимой удачи, но номер телефона тебе чиркну — мало ли, вдруг пригодится?

Больше она на танец его не приглашала, но когда все начали расходиться и он, накинув пальто, пошел к выходу, Лиза сунула ему в руки визитку. На обратной стороне ручкой был выведен номер мобильного телефона, а рядом стоял отпечаток губ.

Спал Слава плохо...

Новый год Славик встречал в компании земляка и друзей с его факультета. Они по духу были ближе, чем коллеги по работе, и Слава постепенно все свое свободное время стал проводить с ними. Один из ребят жил в собственной квартире буквально через дорогу от института, посиделки с бутылками происходили у него чуть ли не ежедневно.

Миновал январь, подходил к концу февраль. В марте у Анжелы был день рождения, и Слава придумал сумасшедший подарок — он стал снимать на видеокамеру поздравления в ее адрес от всех людей, кто был мало-мальски с ней знаком. Он снял ее однокурсников, бывших одноклассников, соседей по дому и двоюродно-троюродных родственников. Всех Слава просил сохранить его визит в секрете — иначе сюрприз не получился бы. Последним он снял свое поздравление и переписывал его несколько раз — ему не понравилось свое смущение перед объективом. Наконец он закончил «монтаж». Файл никак не хотел грузиться, и Слава решил отправить диск почтой. Гораздо приятнее на день рождения получить бандероль, перевязанную красивой ленточкой, чем безуспешно пытаться открыть файл.

Анжела тут же позвонила ему — и это был первый звонок с ее стороны, она там отчаянно сэкономила. Ее переполнял восторг, они наговорили друг другу много приятного. Прежние чувства нахлынули на него бурей, ураганом. Он начал считать дни до ее прилета и вновь стал часто ей звонить. Но Анжела совсем не интересовалась его жизнью, не хотела знать, как идут у него дела, продвигается карьера, и ничего не говорила о своих чувствах — только постоянные расспросы об однокурсниках, друзьях и подружках. Во время очередного звонка Славик вспылил и заявил, что его бесит такое пристальное внимание к друзьям и безразличие к нему. Он ей пишет, звонит, от нее же — ни слуху, ни духу. Когда же им удастся поговорить, все разговоры идут не об их отношениях и совместном будущем, а о Коле-Оле-Наде-Свете-Игоре-Даше-Саше-Глаше.

— Ты понимаешь, что, кроме меня, ты здесь никому не нужна! — как-то проорал он в трубку.

— Скотина! — сразу заплакала она. — Как у тебя язык повернулся?! Я только тем и живу, что жду возвращения! Как это — я никому не нужна? — И швырнула трубку.

Больше не было ни строчки. К телефону поначалу вовсе не подходила, несколько позже стала отвечать, но разговаривала сухо и неприветливо.

Настал долгожданный май. Анжела назвала дату прилета, но в самой категоричной форме попросила ее не встречать, пообещала, что обязательно увидится с ним на следующий же день.

К встрече Слава готовился старательно. Купил чудесный кулончик, обзвонил всех ее друзей и договорился с парнем, который жил рядом с институтом, провести у него сабантуй по поводу возвращения Анжелки. За день до приезда притащил гору выпивки и закусок, приготовил разные блюда.

В назначенный час человек пятнадцать собрались в квартире. Стол получился что надо. Слава, сгорая от нетерпения, помчался к метро встречать любимую. В руках он нес букет роз, шипы кололи руки, он не обращал на это внимания.

Скоро появилась Анжела в компании с Настей. Слава кинулся к ней с объятиями, но та решительно отстранилась. Недоумевая, он уставился на девушку, отмечая, как сильно она изменилась. Анжела пополнела, на лице появились прыщики. Обулась она в какие-то смешные кроссовки, оделась в пузатую куртку — то есть явно ни на какой праздник не собиралась. Она взяла его за руку и сказала:

— Давай-ка отойдем, поговорим.

Речь ее была словно отрететированная, она не сбилась с мысли ни разу. Анжела рассуждала о том, что одиночество помогло ей познать себя и жизнь, что его невнимание к ее проблемам и забота только о своих чувствах подчеркивают его ужасный эгоизм, что она, в противоположность Славе, всегда жертвовала собой ради друзей и близких. Итог — они разные люди и не будут друг с другом счастливы... тра-та-та, тра-та-та...

Настя топталась невдалеке и недобро поглядывала на Славу — видимо, подружки уже обсудили ситуацию. Славка ничего не понимал, смысл сказанного доходил до него с трудом.

— Но там ребята сидят... — вяло лепетал он. — Там море водки, вина...

— У меня температура, — ответила на это Анжела. — У меня акклиматизация и разница часовых поясов. Я явилась только затем, чтобы все это тебе сказать. Еще увидимся, я пошла.

Она взяла подругу под руку, и они скрылись в подземном переходе.

Опустив плечи, Слава уныло поплелся обратно. В кармане он нащупал коробочку с кулоном, открыл, повертел его в руках и зло, изо всех сил, швырнул в лужу.

Когда он вошел в квартиру, ребята сначала подумали, что он прячет Анжелу за дверью.

— А где наша лягушка-путешественница?! — закричал земляк.

Слава вяло улыбнулся и виновато развел руками:

— Она сказала, что мы разные люди, что мы не пара, что я ее не понимаю, и... и...

Народ недоуменно переглядывался. Повисла неловкая пауза. Тут вскочил хозяин, хлопнул Славика по плечу и закричал:

— Не ты первый, не ты последний! Мужики, накатите соточку очередной жертве женской предвзятости!

Гости загалдели, ему налили здоровую стопку. Не снимая плаща, он выпил. Ребята подходили, говорили что-то ободряющее. Кто-то закричал:

— Я звоню девчонкам! Кто против?

— Звони, звони! — ответили сразу несколько голосов.

После третьей или четвертой рюмки Слава услышал:

— Как в «Калине красной»! «Мил человек, а что празднуем-то?» — «Да просто деньги ляжку жгут!»

«И пусть», — подумал он.

Подъезжали какие-то люди, все было как в тумане. Слава слишком быстро опьянел, его отнесли в соседнюю комнату. Засыпал он под оглушительную музыку и девичий визг.

Прошло четыре дня. Воодушевленный раскованной обстановкой этого места, земляк решил отметить свой день рождения в той же квартире. Гостей предполагалось еще больше, у соседей взяли дополнительные столы. Все эти четыре дня Слава пил. Как только трезвел, сердце его начинало рваться на куски, и он срочно наливал себе очередную рюмку. Однокурсник-начальник был в курсе, что Слава «заболел». В квартире запасов спиртного брошенного возлюбленного хватило бы месяца на два, поэтому утром в день торжества друзья потащили Славку в баню. Там он и пришел в себя.

Так получилось, что земляк пригласил Настю, а та пришла с лучшей подругой. Анжела была необыкновенно хороша. Десятисантиметровые каблуки, волосы до плеч, открытые шея, грудь... Она выглядела точь-в-точь, как на фотографии, которую дала Славе перед отъездом. Этот снимок в рамке стоял у него на рабочем столе. Добрые приятели, считающие, что милые бранятся — только тешатся, как бы «случайно» усадили их за стол рядом. Для этого была применена хитрость — Славика вызвали под каким-то предлогом на кухню, а когда он возвратился, свободным оказалось только одно место — возле Анжелы. Та и бровью не повела, не стушевалась, вела себя как обычно. Она даже стала ухаживать за ним: «А подать ли тебе вилочку? А будешь ли ты вот этот салатик?» После третьего тоста она коснулась коленкой его ноги. Кусок встал у Славки в горле, ему показалось, что он расплывается прямо за столом. Он вскочил и, наступая на ноги присутствующим, стал выбираться из-за стола. В самый последний момент Слава успел забежать в ванную, его вывернуло наизнанку.

Умывшись под краном холодной водой и успокоившись, он вызвал земляка в коридор, извинился и уехал домой.

Шли дни, но сердечная боль не оставляла его, она ела его изнутри. На работе Славе становилось легче, он как-то отвлекался, но когда возвращался домой, не находил себе места. Он ложился на кровать и стонал. Сон был прерывистый, снились кошмары — то ли бесы, то ли другая нечисть душили его. Он частенько выпивал, вечер пролетал быстрее, но утром к душевной тоске добавлялась похмельная муть, становилось совсем неважно. На все приглашения он отвечал отказом, нигде, кроме работы, не появлялся.

Однажды раздался телефонный звонок — коллеги интересовались, дома ли он. Услышав утвердительный ответ, попросили никуда не выходить.

Через полчаса позвонили в дверь. На пороге стояла сногшибательная сексуальная штучка.

— Привет! — произнесла она. — Мне сказали, что я — твоё лекарство. Лечиться будешь?

Славка решил, что это выход. Для храбрости он предложил коньяк, и минут за десять махнул добрых грамм триста. Они легли в постель, но толку не было. Проститутка долго не могла добиться у Славика мало-мальской эрекции, когда же та появилась, оказалось, что никакого результата быть не может. После часового минета изможденная женщина покачала головой:

— Все — я пас. Я умираю, я больше не могу... Дай отдохнуть. Хотя у тебя все равно не получится...

Славка с ней согласился и отпустил домой.

Надо было что-то делать. Он ругал себя за то, что тряпка, что опустился, не может держать удар. Сделал вывод, что так дальше продолжаться не может. Он позвонил Лизе и предложил встретиться. Сказать, что Лиза удивилась, значит не сказать ничего. Она ответила, что, вообще-то, у нее другие планы, но раз он так настаивает, то почему бы и нет...

Встречу назначили в «Гудмане» на Новинском — Лиза рядом жила, а куда-то ехать, застревая в пробках, желания у нее не было. Слава постарался выглядеть бодро, но, судя по лицу Лизы, это удалось ему плохо.

— Извини, конечно, — сказала ему Лиза, когда он уселся за стол. — Но что-то ты устало выглядишь.

— Работы много, — мгновенно ответил он первое, что пришло в голову.

— Я выпью чуть вина и съем стейк, — сказала она.

— Бутылку на двоих?

— Нет, бокальчик. И воды.

— Ну а я буду стейк и водку.

Лиза приподняла бровки:

— Отличный выбор! Не напьешься?

— Нет, напиваюсь я только дома.

— Бытовой алкоголизм?

— Нет охоты выглядеть глупо. Так что я пока — чуть-чуть.

Сначала разговор шел вяло. Лиза говорила о брате и товарищах по работе. Принесли водку, Слава уже привычным жестом опрокинул в себя стопку.

Лиза иронично отметила:

— Оля-ля!.. — и слегка пригубила свой бокал.

Разговор продолжился о погоде, о планах на лето, беседа чахла на глазах, но тут подали стейки. Слава был голоден и довольно быстро со своим разделался, Лиза же смогла осилить только половину порции.

— Ну как, — неожиданно спросила она, отложив салфетку, — дождался ты свою девушку?

— Конечно, — ответил он. — Только она сказала, что мы с ней разные люди, а разлука помогла ей это понять.

— Нет, все-таки правильно говорят, что бабы — дуры, — усмехнулась Лиза. — Тебя на выставке надо показывать. Вот я бы твое ожидание оценила...

— Давай не будем об этом, — сказал Слава. — Может, пойдем теперь в «Черный октябрь»? Ты же любишь танцевать?

— Ты смеешься! — воскликнула она. — Вот мне нечего делать — толкаться среди малолеток!

— Да я и сам не особо взрослый, — возразил Слава.

Она положила свою ладонь на его руку, посмотрела в глаза:

— Поехали сразу к тебе.

— Да?.. — замялся он.

— Ну а что время тянуть? Ты — привлекателен, я — чертовски привлекательна... — И Лиза засмеялась.

— Да поехали...

Попросили счет. Молча дождались, пока принесут. Слава расплатился, вышли на улицу.

Она порылась в сумочке, достала ключи. Пикнула сигнализация, Лиза направилась к черному BMW-тройке. Устроилась за рулем, он сел рядом, поерзал, отодвинул назад кресло.

— Где ты живешь? — спросила Лиза.

— В Крылатском.

— Недалеко. На Кутузовский, значит.

Выехав с бульвара на проспект, она резко прибавила скорость, объезжая другие машины то справа, то слева, то притормаживая, то давя на газ, ловко управляясь с рычагом коробки скоростей.

— А я думал, — сказал Слава, — что девушки только на «автомате» умеют ездить.

— Издеваешься? — возмутилась Лиза. — Я — не обычная девушка. Я очень координированная! Я же инструктор по фитнесу — три группы веду. Я всем спортсменкам спортсменка. У тебя еще будет шанс в этом убедиться. — И она включила громкую музыку. Стрелой выскочили на Рублевку, и через семь минут были на Осеннем бульваре. Слава подсказывал, как и куда ехать. Во дворе Лиза стала озираться по сторонам:

— Блин, понаставили... Хрен припаркуешься, — и с прыжком въехала на низкий тротуар.

— А как же пешеходы? — спросил Славка.

— Их проблемы. Выходи.

Они поднялись на нужный этаж.

В квартире Лиза грациозно плюхнулась в кресло.

— Чайку? — полюбопытствовал Слава.

— Ну если ты меня не попросишь из дому через полчаса, тогда лучше тащи вино. Красное итальянское или испанское есть?

— Конечно. Что ты, как я могу тебя прогнать?

На кухне он открыл бутылку вина, поставил на поднос коньяк, преподнесенный клиентом, бокалы, и подал Лизе. Включил приемник, забренчала музыка. Лиза жестом показала, что пьет за него, пригубила, тут же подняла бокал на свет, удивленно вскинув брови:

— Вино — супер! Молодец!

— Я в нем не разбираюсь. Это клиенты несут.

Она отставила бокал:

— Да что это мы — вино, кино... Где твои губы...

Он наклонился, стали целоваться, она пыталась прильнуть к нему, было неудобно. Лиза поднялась из кресла, толкнув столик, бутылки звякнули, она на мгновение остановилась, посмотрела через плечо, убедилась, что ничего не разлилось, и опять прильнула к нему. Слава почувствовал давно забытый жар и начал стаскивать с нее одежду. Она ему с готовностью помогала.

— Ну давай, кабальеро, — прошептала Лиза, на мгновение оторвавшись от его губ, — покажи, на что ты способен!

Половину ночи он играл в гандбол ее тугими мячиками, и, надо признать, Лиза тоже оказалась отличным полусредним. Как и положено в этом виде спорта, было забито множество голов, но счет оказался равным.

Утром он проснулся от шороха. С трудом открыв тяжелые веки, Славик увидел, что Лиза уже обувается в коридоре.

— Ты что, уходишь? — недовольно промычал он.

— Послушай, дорогой! — она вошла в комнату. — У меня три любовника — два в возрасте и один молодой. Сейчас — восемь утра. Сейчас могу любому позвонить, — Лиза для пущей наглядности достала мобильный телефон, — и каждый прилетит сюда пулей. Ты мне очень нравишься! Но почему я, красивая молодая женщина с тремя любовниками, а если захочу, так их будет тридцать три, должна слушать, как меня в порыве страсти называют Анжелой? Ой, ошибся, перепутал! Нет, кому это понравится? Разве что найдешь еще одну Анжелу. Меня зовут Лиза! Вырвешь из сердца свою занозу — звони. У тебя есть еще один шанс. Но сейчас — извини! — И она хлопнула дверью.

«Что ж ты ночью разборку не устроила...» — вяло подумал Слава и вновь заснул.

Встреча с Лизой, надо заметить, подействовала на него самым положительным образом — на душе стало намного легче. По вечерам он начал с коллегами играть в баскетбол, после физической нагрузки они парились, пили пиво. Дома к обширной винной коллекции он не притрагивался, пьяные любовные страдания остались в прошлом. Как-то ему повстречался двоюродный брат Лизы, который передал от нее привет и поинтересовался — вынул ли он занозу?

— Ответ — почти вынул. Я ей позвоню.

Лиза ему нравилась. Жестковата, правда, в общении, но с волками жить... Кто знает, что в ее жизни было... Да и где они сейчас, такие девушки, как в «Морозко» или в «Аленьком цветочке»? Правильно, в Караганде.

Тем временем снова земляк собрал теплую компанию, отправились в кафешку, была и Анжела. Прошло два месяца, как они не виделись, и хотя выглядела она великолепно, никаких особых чувств у Славы не вызвала. Он даже сам поразился своему спокойствию, хотя и отметил, чему удивляться — столько времени прошло.

Анжела почему-то вела себя неестественно, суежилась, хихикала над любой глупой шуткой, пила больше обыкновенного, всех перебивала, короче, всячески старалась обратить на себя внимание. В разгар торжества он вышел на минуточку проветриться, Анжела тут же вылетела следом, почему-то схватила за руку и потащила за угол дома.

— Извини, но мне очень нужно кое-что тебе объяснить. — Грудь ее вздымалась от волнения. — Все, что я тебе сказала, неправда. Я была обижена, зла и на тебя, и на себя за то, что уехала в эту чертову Америку, а ты меня отпустил, но прости меня! Я дура, дура, дура! Убей меня, если хочешь! Но я не могу без тебя, я умираю без тебя, ты мне нужен! Ну не сердись, прости, я больше никогда тебя не подведу, я всегда буду за тебя, все, что ты скажешь и сделаешь, — правильно! Прости, прости!.. — И она попыталась его поцеловать. Он отступил назад, не зная, как себя вести и что говорить.

— Поехали к тебе, а? — продолжала скороговоркой Анжела. — Давай все будет так, как раньше?! И я, как прежде, без остатка буду твоей! Делай со мной, что хочешь, только не говори «нет»! Пойми: я существую только для тебя! Люблю, люблю и всегда любила только тебя одного! — Она повисла у него на шее.

Червь сомнения закрался было к нему в душу, но Слава подумал, что сбылась его мечта, и не надо отказом наказывать ее, ведь так он накажет и себя...

Он махнул рукой:

— Поехали!

Решили уйти по-английски, ни с кем не прощаясь. Поймали такси, сели на заднее сиденье, по-пионерски держась за руки и переглядываясь.

Не успев переступить порог квартиры, сразу прыгнули в постель. Пытались повторить

прошное, но Слава поймал себя на мысли, что сердечко не заходится в беспамятстве, как раньше. Все он делает машинально, механически, как Анжела ни старается. Ночью, глядя на спящую подругу с разметавшимися по подушке волосами, такую родную и до боли знакомую, он подумал, что скоро злость на нее пройдет, и все будет, как прежде.

Они провели вместе три дня — днем заехали за вещами Анжелы к ней домой и отправились обратно развлекаться. Пыталась дозвониться мать Анжелы, но та просто сбрасывала звонки. Оставлять его одного девушка явно не собиралась. Как-то толпой завалились в ресторанчик, она опять много пила, лезла с поцелуйчиками, то ущипнет, то пощекочет, ему надоело ее одергивать. Между тем ее постоянное присутствие стало Славу тяготить.

В какой-то вечер он остался один и решил спокойно полежать с книжкой, но не тут-то было. Около полуночи позвонила Анжелка — я нахожусь там-то, приезжай за мной. Слава недовольно ответил, что уже собирается спать, и если ей надо, пусть добирается одна. Вскоре раздался звонок в дверь, и прямо с порога Анжелка с криком вlepила ему пощечину: «Я ведь девушка, за мной надо ухаживать, а ты заставил меня ночью добираться одну, а вдруг меня бы изнасиловали?!»

— Тебя пытались изнасиловать?

— Нет, но всякое может случиться!..

Он ее еле-еле успокоил, но на душе было муторно.

На следующий день позвонил земляк и предложил встретиться за обедом — у него появилось деловое предложение. Дело быстро обсудили, и Слава деликатно поинтересовался мнением товарища по поводу зигзагов в поведении Анжелы.

— Не подумай, что я что-то знаю, — ответил земляк. — Настя со мной про подруг не сплетничает, я скажу, что думаю. У меня был умный преподаватель, который любил повторять: «В мире нет ничего нового — все уже было, было... Читайте книги — там все написано». Вот что я тебе скажу: в Америке Анжелке было плохо, тоскливо. Друзей нет, любимого нет, чужая среда, чужой язык, чужие люди, она одна... Тут вдруг появляется какой-нибудь Джейсон...

— Или Патрик, — вставил Слава.

— Или Патрик, — согласился земляк. — И начинает нашу бедняжку утешать. Сначала он — просто друг, потом раз! — и неожиданно трахнулись. Джейсон-Патрик стал лучшим на свете, а ты ее никогда не понимал, ей плохо, а ты еще со своими претензиями. Ситуация меняется — она возвращается в Россию. Теперь Джейсон-Патрик со своими бицепсами далеко, а звонить в Москву для него дорого. Зато рядом Слава. Ты, конечно, девушку сильно обидел, но трахаться тоже хочется. Прощай, Джейсон, ты козел! Здравствуй, Слава, я была не права!

— Все это как-то примитивно, — погрустнел Славик.

— А ты не ищи сложностей там, где их нет. А еще подумай, что будет дальше, когда она начнет строить планы. Ты кто, вот особенно для ее мамы, кто? Региональный лох. Успехами пока ни на каком поприще не блещешь. А девушке надо определиться, пока молода и красива, чтобы подороже себя продать. Это она здесь такая же, как все, а в тамошней Айове, уверен, первая красавица на деревне. Да и мама еще ничего — зачем им вообще родина сдалась? Вот увидишь — скоро опять начнут собираться.

После разговора остался тяжелый осадок, хотелось в словах товарища найти неправоту или даже предвзятость — не получалось.

Анжела постоянно устраивала скандалы — по ее мнению, он не был к ней так внимателен, как раньше. А откуда ему взяться, этому вниманию? Однажды ему в голову пришла гениальная по своей простоте мысль — да ведь он сам, по своему желанию убил любовь! Два месяца мучился нестерпимо и сознательно эту любовь уничтожал, чтобы она оставила его, дала свободно дышать и жить! И теперь, когда Анжела к нему вернулась, он эту любовь уже прикончил — оставалось только достойно похоронить. Все! Все! То, что он пытался вернуть прошлое, было вовсе не проявлением любви, а обычной ностальгией, когда человек, вспоминая прошедший день, сознательно забывает плохое, а хорошее помнит. Так и получается, что трава была зеленее, а небо голубее...

Сам не зная как, Слава во время очередной телефонной беседы с Анжелой ляпнул ей, что уезжает в командировку. Хотелось спокойно посмотреть кино, в бассейн сходить, поиграть с ребятами в баскетбол, без всех этих душераздирающих выяснений отношений — кто кого обидел, подставил, отпустил, запустил и подвел.

На некоторое время вздохнул свободно.

Как-то на службе, торопясь передать документы в другой отдел, Слава в коридоре столкнулся с Лизой. Ему показалась, что у той на щеках вспыхнул румянец.

— Какими судьбами? — удивился он.

— К братику заскочила. Как твои дела?

— Нормально. Кстати, хорошо выглядишь.

— А ты — просто отлично... Ну что молчишь, говори что-нибудь!

— А... Что говорить?

— Ну, например, Лиза, я так рад, что тебя вижу, я давно собирался тебе позвонить и пригласить куда-нибудь, да стеснялся, но благодаря этой неожиданной встрече у меня появилась возможность сказать, что все время после нашего последнего свидания я хотел увидеть тебя...

— Ты шутишь, а я ведь и вправду хотел...

— Да неужели? — явно обрадовалась она.

— Да. Думал позвонить. Например, сегодня ночью.

Лиза засмеялась, хлопнула его рукой по плечу:

— Котяра!.. — и пошла к лестнице. Неожиданно повернулась и крикнула: — Позвони мне, кабальеро!

Но со звонком Слава решил повременить — не хотелось одновременно крутить два романа. Вскоре он должен был «вернуться из командировки». Разговора, будет ли Анжела продолжать учебу в Америке, у них пока не было, но оба понимали, что это случится неизбежно. Шло время. Они изредка встречались, и она сообщила о дате отъезда. В этот раз Анжела настаивала, чтобы Слава ее проводил в аэропорт, но он отказался — не видел смысла в лишних соплях.

Когда он понял, что она действительно улетела, ему стало хорошо и спокойно.

Через три дня в ящике на mail.ru он нашел ее письмо — по сравнению с прежними просто огромное. Тут было все — и «ты имел полное право возненавидеть меня», и «делай, что хочешь, только позволь мне по возвращении быть рядом с тобой», и «когда ты сказал, что не поедешь в аэропорт меня провожать, я поняла, что это — все», и разное другое. Пока он собирался ответить, пришло второе послание, примерно такого же содержания. Когда появилось третье, он подумал и... удалил, не читая. Ее звонки на мобильный сбрасывал.

Лиза отдыхала с подругами в Италии, приехала шоколадная от загара. Слава предложил

пойти в кафе, но они отправились к ней домой, пили вино, и после в постели она взяла инициативу в свои руки: «Подожди, дай мне самой потащиться...»

Характер у нее был сложный, она старалась доминировать во всем. Уже через неделю, наорав друг на друга, они расстались «навсегда», но на следующий день опять спали вместе. Маршрут Пресня — Крылатское был изучен, как пять пальцев. В его шкафу «на всякий случай» висели Лизины вещи, в ее — обязательные Славины джинсы, чистые футболки и рубашки. На каком-то корпоративном празднике, куда Лиза пришла уже не в качестве двоюродной сестры своего брата, а как Славина подруга, она заметила, что Слава, выпив лишнего, чересчур увлеченно болтает с какой-то красавицей. Она утащила его в сторонку и свирепо пообещала оторвать член, а ей — выдрать волосы. В Correas она вдруг, отодвинув тарелку, с горечью произнесла:

— Славик, ну какой же ты дебил!

— Почему? — поперхнулся тот.

— Ну что тебе стоит сказать: «Лиза, мы взрослые люди, я вижу, ты устала кататься туда-сюда. Мне без тебя скучно, давай жить вместе!» Ну почему я всегда тебя направляю в нужное русло и все подсказываю?

— Лиза! — Он нарочно нахмурился. — Мне надоело кататься туда-сюда. Давай жить у тебя.

— Делов-то! — заулыбалась Лиза.

Она познакомила его с родителями, пригласив для первого раза своего двоюродного брата, коллегу Славика. Мать осторожничала, папа, весьма солидного вида, хлопнув принесенный Славой коньяк, вежливо намекнул — если что не так, то... Слава согласно кивнул.

Совместная жизнь оказалась обремененной множеством обязательств, в частности, постоянным посещением многочисленных родственников, подруг и приятелей. Свободно нельзя было и шагу шагнуть. Крепкие спиртные напитки были исключены. На вино Слава уже просто не мог смотреть. Ссорились еженедельно, если не чаще. Вскоре он пожалел, что не оставил себе на всякий случай съемную квартиру. После очередного «у всех люди, как люди, а у меня...» он плюнул, встал и ушел. Неделю в беспробудном пьянстве провел у земляка, пока ему подыскивали квартиру. Район, где они жили с Лизой, ему очень нравился, Слава решил здесь и остаться. По поводу цены найденной квартиры не торговался. Лиза иногда звонила, была шелковая. Однажды, добираясь с работы на такси, оказался у ее дома. «Судьба!» — подумал он и позвонил в ее дверь. Ничего друг другу не объясняя, не доказывая и ни в чем не обвиняя, завалились в постель. Отметив, что ежедневно смотреть на «морды» друг друга тяжело, решили «встречаться». Друзья крутили пальцами у виска. Времени он у нее проводил больше, чем у себя, но периодически «сваливал». Лиза у него в квартире нашла банку из-под кока-колы со следами губной помады. Уверения, что заезжал товарищ с подругой, не подействовали, и две недели Слава ее не видел. На работе к нему подошел ее брат и отчитал: «Что ты с бедной Лизой делаешь, ревет каждый день, смотреть на нее страшно». Слава купил цветы и поехал мириться.

Скоро они опять сошлись, но съемную квартиру он оставил, и она об этом знала. Квартира была «сдерживающим фактором», как ядерное оружие у стран-антагонистов.

На следующий год летом Слава случайно встретил однокурсника Анжелы, и тот рассказал, что она прилетала на каникулы, сильно растолстела, что постоянно вставляет жаргонные словечки на английском, а fuck у нее вообще в каждой фразе. Мамаша вышла

замуж за инженера, и живут они в его доме. Мать преподает, Анжела учится и подрабатывает, чтобы иметь карманные деньги.

Вечером он ужинал дома с Лизой, и когда она вышла из кухни поболтать с подругой по телефону, достал из заначки бутылку водки, налил в чайную чашку и выпил. Чашку ополоснул под струей воды и поставил на место. Но не «схватило». Вновь достал бутылку, тут зашла Лиза.

— Что ты делаешь? — шипя от злости, спросила она.

— Поминаю, — ответил он.

— Кто-то умер? — Лиза испуганно схватилась за сердце.

— Да.

— Кто?

— Ты не знаешь.

— Ну ладно, — замялась она. — Пойду телевизор посмотрю.

Кто же умер в этот день? Умер он, Слава, но не нынешний, а тот, молодой, беззаботный, веселый, живущий на одну стипендию и не имеющий никаких обязательств. Слава, который горячо любил и был любимым... И кораблик с джаз-бендом по Москве-реке теперь не ходит, и дешевая грузинская забегаловка превратилась в дорожный ресторан... И кого раньше волновали пробки, если передвигаться все равно приходилось на метро?.. Провести хорошо выходные — это поехать с Анжелой и Настей в Коломенское, прихватить «Зубровку» и пластиковые стаканчики, посидеть на крутом склоне, полюбоваться на маленькие кораблики вдалеке и дышать раннеосенним воздухом, а не ехать в Moscow Country Club, якобы из душного города. А как зимой радовались они батарее в ее подъезде, к которой, прибежав с мороза, поочередно прислонялись попами во время поцелуев! Как, лежа в сухой листве, целовались в маленьком овраге на Воробьевых горах, как целовались в троллейбусе и между гаражами! Как стучали в дверь общаги соседи по комнате, намекая, что пора заканчивать... Все проходит.

Видимо, правда — раньше трава была зеленее, а небо — голубее.

Все проходит...

Правда с кулаками

В этой жизни доброжелатели всегда найдутся. В самый неподходящий момент возникает человек, считающий, что именно ему известны правила поведения, и постоянно вмешивается, чтобы все было «как надо».

Сергея Леший гнал по Третьему кольцу, не разбирая дороги. Он не был дорожным хулиганом, просто сегодня злился, как никогда, к тому же было темно, как известно где и у кого, а мокрый снег залеплял стекло. Мелькающие перед глазами «дворники», работая на износ, все равно не успевали его счищать, да и разметку черта с два разберешь. Леший спешил, вдавливал в пол чувствительную педальку газа, и благодарный двигатель, привыкший к московским пробкам и работающий в рваном режиме «дыр-пыр», радовался, что, наконец, вспомнили о его трех литрах и шести цилиндрах, и разгонял тяжелое авто как ракету. «Сейчас какой-нибудь дедушка на «копейке» поднимется с набережной, — подумал Сергей, — не поглядит налево, и мы с ним, уже на одной скорости, отправимся — я под землю, а он на небо. Надо придержать лошадей».

Двести сорок две лошадиные силы послушно замедлили бег.

«Сука, сука, тридцать три раза сука!..» — иногда рычал Сергей и бил ладонью о руль. Суку, то есть девушку, звали Диана. Они встречались четыре месяца, и все это время голова Сергея шла кругом — красота Дианы, ум, отзывчивость, внимание к его проблемам, а особенно сиськи сводили его с ума. О, сиськи! О, ну эти сиськи! За свои двадцать восемь лет он впервые встретил такие грудь, попу, ноги и все остальное. Серёгу Алешина, которого за фамилию, но также за крутой нрав и взрывной характер друзья прозвали Лешим, Диана в пику им называла Лешиком, но чаще — котенком. Да, такой своеобразный котенок с немигающим стальным взглядом, квадратной челюстью, стриженный наголо и состоящий из восьмидесяти двух килограммов сплошных мускулов. Правда, при ней это чудище лесное, болотное превращалось в мягкое, пушистое создание и стелилось ковриком, чтобы ей было удобно ступать изящными ножками.

Сегодня об этот коврик вытерли сапоги. Где-то на улице ноги, обутые в сапожки, вступили в собачье дерьмо. Это был большой пес, не иначе водолаз, дерьма оказалось много, и все оно теперь осталось на коврике.

Леший вынужденно притормозил — менты в антидождевых плащиках «семафорили» подручными средствами. Двое у заграждения справа доездились — у одного вздыбился гармошкой капот, а фары, не говоря о бампере, просто отсутствовали, у второго лопнули стойки, и одна дверца валялась на мокром асфальте. Вокруг были разбросаны мелкие обломки. «Бедные ребята... А ты-то сам куда летишь, дурак? Спокойнее, спокойнее, успеем, обязательно успеем...» — сказал Сергей самому себе.

Уже недели две, а то и три они с Дианой стали гораздо меньше времени проводить вместе. То, что раньше общению не мешало — учеба в университете и встречи с мамой и подругами, — вдруг приобрело та-а-акую значимость... У него вот тоже работы — выше крыши, но он везде успевает...

А сейчас все и выяснилось... Позвонил некий «друг», доброжелатель, так сказать, и спросил:

— Ты что, слепой, совсем ничего не видишь?

Блин, как же это произошло? Нет, ну почему сама не позвонила — прийти лично,

конечно, побоялась бы. Сказала бы — так и так, ты мне не подходишь, у меня другой... Разве стал бы он ее выслеживать, искать встречи, объясняться? Ну уж нет, не такой он человек. Да, было бы больно, но он сохранил эту боль в себе, а ей бы сказал: «Пошла ты туда-то...» и вычеркнул из жизни. А что сейчас? Позвонил дебил, сказал:

— Я в клубе «N», тут твоя Дианка с девками...

Да знаем, знаем, Светка и Дашка, однокурсницы, лучшие подруги, шлюшки завистливые!

— ...и тремя пацанами зажигают. Я тебе скажу, упакованы пацаны по полной, зашибись упакованы. Реально с нереальными бабками! Пьют че-то непонятное, ну, крутые, короче... И Дианка с одним из них так зажимается, ну, в открытую, типа, это любовь у них, трандец-мандец, нешутейная. Я так смотрю — ща под стол ему минет ползет делать. Ты не ори, бля буду, минет. Ну я те друг, я честно все говорю. Ну я в непонятках, а моя мне — да они тут постоянно ошиваются, ты че? Я — а почему молчала?! А она — я в чужую жизнь никогда не лезу, хуже нет, как языки попусту чесать. Я — бля, какой нам Леший чужой, ты че? Ну и выбежал те в коридор звонить...

Сергея тут и вылетел из квартиры в чем был — футболке да джинсах, куртку только накинул. Теперь, наверное, в клубе хренов фэйс-контроль не пройдешь... Леший знал клуб «N», был там пару раз, но не любил его — чересчур помпезный. Не то чтобы денег жалко, но там такая публика собиралась... У него самого с ребятами имелся автосервис. Не крутой, не в системе, но был круг постоянных клиентов, едущих на иномарках, которые вроде еще ничего, но в фирменные сервисы отправлять их действительно дорого. Плюс вкалывали они с утра до вечера — так что бедным он не был, но так швыряться деньгами, как тамошние посетители!..

«Лишь бы людей было немного, — думал Сергей, — тогда этот фэйс-контроль владельцам по фигу — прибыль прежде имиджа». А зачем и куда он так летит по мокрой дороге? Не проще было бы просто выставить Дианкины вещи на лестничную площадку, да и дело с концом? Но этот минет, блин... Типа товарищу с пьяных глаз, конечно, могло привидеться и то, чего нет, но минет — это же ее любимая фенька. Секс в неожиданных местах и в ночных заведениях. Она таким образом его пару раз одаривала как высшим проявлением своей любви, как полным подчинением ему. И что, сейчас она это делает другому? «Нет, милые, я вам такого подарка не дам...»

Чтобы не терять времени, Сергей аккуратно парковаться не стал — бросил машину у дороги метрах в ста от клуба, кинулся к входу. Внутри попал без проблем. Быстро отправил куртку в гардероб и чуть ли не бегом метнулся в зал. Свою благоверную увидел сразу. Веселая компания расположилась за одним из лучших столиков клуба. В центре, что твои жених с невестой, сидела парочка — его любимая и какой-то супермачо — смазливый брюнет с длинными жесткими волосами, узкими бакенбардами и густым пушком на подбородке. У Дианы были открыты плечи, ее роскошная грудь чуть ли не вываливалась из красного корсета. Она хохотала, потому что спутник, повернувшись к ней, шептал ей какую-то хрень на ухо. Стол накрывала длинная, плотная черная скатерть, но не нужно было быть Штирлицем, чтобы по позам догадаться, что его рука щупает сквозь тонкие чулки ее плотную ляжку, а может быть, и лезет под трусики. Слева от Дианы ее подруга Светка взасос целовалась с каким-то кабаном — то ли протеиновым качком, то ли всамделишным подарком природы. Тот мял ее левую грудь. С другого края стола худощавый, на вид младше остальных, юноша величаво обнимал Дашку за плечи и поглядывал по сторонам. Стол

ломился от напитков, преимущественно шампанского, фруктов и ягод.

Существует ряд штампов для описания психологического состояния человека. Пожалуйста, вот один из них: «Глаза налились у него кровью, как у быка». Твердым шагом Серега направился к столику. В голове крутились мутные фразы с многочисленным повтором основных терминов: «шлюхи» и почему-то «пидорасы», но когда он остановился в полуметре от них, сказал буквально следующее:

— Диана, ну это же пиздец! Меня ты променяла на напомаженного чмошника? На эту пародию на человека?

У Дианки был узкий разрез глаз. Нет, не китайско-японский, но она подводила их таким образом, что превращала в раскосые, кошачьи. Когда же Дианка пьянела, глаза у нее округлялись и получались такие глазки-монетки. Сейчас она была пьяна, удивлена и раздосадована, поэтому округление произошло, но вместо монет на Лешего смотрели два круглых револьверных дула.

Повисла пауза.

Первым нашелся кавалер Дианы:

— Послушай, — обратился он к ней. — Кто этот лох? Ты из какой грязи вылез, бомжати́на? — повернулся он к Сергею. — Полезай обратно в свой подвал!

Все, кроме Дианы, заржали.

— Ах вы, пидоры! Ах ты, шлюха распоследняя! На хуя я только с тобой связался! — не выдержал Леший.

— А про пидоров ты зря... — И Светкин человек-гора стал подниматься с дивана.

— Во козел вонючий! — добавил худощавый и тоже потащил зад по дивану.

Пока мужская часть компании выбиралась из-за стола, взорвалась Диана.

— Зачем?! — закричала она. — Какого черта ты пришел сюда?! Зачем этот позор?!

— Я — позор? — спокойно переспросил Сергей.

— Нет, не ты! Но зачем ты все это делаешь?

— Я? — с деланным удивлением протянул он. — Я еще ничего не делаю. — И хрустнув пальцами, шагнул назад.

Трое модных встали рядом с ним. Естественно, двое — по бокам от Лешего, главный — напротив.

— Через минуту, срань, — сказал мачо, — ты будешь здесь на коленях ползать и у нас прощения просить. — Он сжал кулаки и поднял их на уровень груди.

Леший понял: через секунду троица бросится на него.

— Ребята, ребята... — примирительной скороговоркой начал он, успокаивающе поднимая перед собой ладони. — Я все понял... Извините, уже ухожу. — И он чуть повернулся, как будто действительно хотел уйти. Прием был старый, как мир, но он сработал. Троица на миг расслабилась, главарь опустил руки и даже улыбнулся. Поворачиваясь вправо, Леший тем самым как можно дальше занес руку для удара.

Это был лучший правый боковой в его жизни. И страсть, и слезы, и любовь, и годы тренировок вложил он в этот удар. Пока ребята глазами поздравляли друг друга с победой, навстречу челюсти мачо с чудовищной силой летел кулак Лешего. Герой-любовник не просто упал. Нет, впечатление было такое, словно все происходило в американском боевике и в него выстрелили из помпового ружья. И хотя никто не знает, что на самом деле происходит с человеком после выстрела, но в фильмах герои отлетают на несколько метров и при падении рушат собою все вокруг. Так и супермачо преодолел по воздуху немалое

расстояние и грохнулся на свой же стол. Тот, к чести мебельщиков, его выпустивших, выдержал, но парень почти все закуски и бутылки смел на диван и на пол. Звон получился громкий.

Но всего этого великолепия Леший не видел. Как только он врезал в челюсть главарю, в ту же микросекунду он повернулся к кабану, чтобы нанести удар левой. Времени подстраиваться для технически правильного бокового левого он не имел, поэтому ударил прямым, причем максимально наклонившись к противнику, чтобы его достать. Получилось. Здоровяк непроизвольно шагнул назад, готовясь к защите, и это только усугубило происходящее — он завалился прямехонько на спину.

Нанося такой удар, Леший полностью открылся худощавому. Вариантов у того была масса — он мог ударить его в затылок. Или, что тоже неплохо, спокойно подсечь Лешему правую ногу, на худой конец постараться попасть по почкам. Вместо всего этого молодец набросился на Лешего сзади и обхватил его руками, видимо намереваясь держать так до тех пор, пока встает человек-гора. Тактика была детской, дурацкой. Выждав полсекунды, Леший рывком высвободил левую руку и, не оборачиваясь, локтем ударил худощавого в голову. Леший подумал, что попал в глаз, — когда он повернулся, бедолага прижимал к нему ладонь. Попадание под глаз — наименьший урон в драке. Ну, походишь пару недель с фингалом — велика беда, это тебе не рваная губа или выбитые зубы. А сломанный нос — это же боль адская! У парня был красивый, прямой, с маленькой горбинкой нос. Леший, долго не раздумывая, ударил стройного прямо по носу, стараясь сделать это не сильно — загнать хрящики в мозг было бы все-таки чересчур. Несчастный шлепнулся на сиденье дивана, закрыв руками лицо. Между пальцами весенними ручьями заструилась кровь. Парень заорал:

— Козел! Что ты наделал?!

Девочки визжали, но скорее не от страха. Они вопили, как вопят сексуальные красотки во время боксерских боев. Тем временем кабан приподнялся на колени, мотая башкой. Краем глаза Серега видел, что к нему через зал бегут охранники клуба. Но им мешала толпа зевак — отталкивая и продираясь между людьми, держи-морды теряли драгоценные мгновения, так что время у Лешего было. Он замахнулся правой ногой так, будто в футбольном матче собирался нанести удар метров с тридцати. Есть правило: носком по мячу или в живот, иначе пальцы сломаешь. Как иначе? Правильно, пяткой. Ну или — Серега как раз был в старых добрых швейцарских ботинках — каблуком. Лишь бы не отлетел...

Получилось. Удар пришелся в область чуть пониже уха. Раздался легкий хруст, и здоровяк вновь завалился. Нокаут ему сроком до десяти минут был обеспечен.

Еще несколько секунд до тесных объятий охранников Серега успел покупаться в лучах славы. Весь зал смотрел на него. Он встретил несколько восхищенных, удивленных и презрительных («ненавижу насилие!») взглядов. Серега знал, как происходит задержание, — человека валят на землю, заламывают руки за спину и надевают наручники. Наручников у охранников, конечно, не было, поэтому он просто по собственной инициативе сделал «хенде хох» и, еще до того, как до него добрались, стал кричать:

— Я сдаюсь, сдаюсь! Сопротивления не оказываю!

Сергея крепко схватили под локти. Он окинул взглядом поле битвы — на столе лежало одно тело, на полу — другое. На диване, прижимая ладони к лицу, взад-вперед раскачивался худощавый, монотонно приговаривая:

— Козел! Какой козел!..

Неожиданно он вскочил, подбежал к Лешему и зашипел:

— Ты, дурак, не знаешь, с кем связался! Завтра тебя будут вылавливать в Москве-реке!

— Ребята, — обратился Леший к охранникам. — Вы не против, если я мобильный из кармана достану? Там у меня диктофон, пусть под запись повторит.

Охранники улыбнулись.

— Какая же ты гнида! Все, тебе конец! — бесновался худощавый.

— Мальчик! — жестко ответил Серега. — Если только твой отец не генерал ФСБ или МВД, завтра в это время ты будешь висеть, подвешенный за свою маленькую пипиську.

Теперь уже заулыбались многие. Худощавый пошел, чертыхаясь, прочь.

В этот момент к ним подскочил начальник охранной службы.

— Не, ты только посмотри! Ты! — просверлил он Серегу взглядом. — На хрена все это!

— Ответил на нанесенное оскорбление.

— Словно дети, блин. Задолбали! Ну вышли бы на улицу и там разбирались!

— Да на улицу они бы зассали, — ответил Леший.

— Леонидыч, — вмешался один из крепышей в сером. — Милицию вызывать?

— Ты осел?! — зашипел старший. — Самим сюда ментов заводить? Чтобы завтра к нам больше никто не пришел? Да еще чтобы в газетах прописали — так давно никто не придет! Бойца — на улицу, этим — первую медицинскую помощь, если ничего клинического, такси им — и пусть сами по домам разъезжаются лечиться.

— А кто за разбитую посуду платить будет? — вмешался то ли старший официант, то ли младший менеджер.

— Я заплачу, — устало произнесла протрезвевшая Диана, стоявшая рядом.

— Спасибо, — удивился официант.

Лешего повели на выход. Кто-то зааплодировал, кто-то засвистел. Серега попросил, и ему отдали куртку. На улице один из охранников предложил ему закурить — видимо, хотел хоть как-то приобщиться к мастерству ведения рукопашного боя.

— Не курю, — ответил Леший.

— Слушай, — подошел к нему второй охранник. — Ты где так наловчился?

— Ты же начала не видел.

— Нет, по тому, как ты ребят положил, я понял, что было круто.

— Да просто наловчился. Сломали в детстве три ребра и челюсть. Полтора месяца питался бульоном через трубочку, а потом еще месяц только кашку ел и картофельное пюре. Сделал выводы. С тех пор меня никто не трогает.

— Я-я-ясно, — казалось, разочарованно промывчал охранник. — Ну бывай. — И он протянул руку для пожатия.

— Извини. — Серега показал ему распухшие, начинающие синеть кулаки.

— Ну бывай. Удачи!

— Вам также.

«Лишь бы ключи от машины не вылетели», — подумал Сергей. И они действительно оказались на месте, в кармане.

Теперь он вел машину спокойно, медленно-медленно, настолько, что даже гаишник остановил — так часто пьяные под трезвых маскируются, — машина хорошая, а еле тащится. Проверил документы, попросил дыхнуть, отпустил.

Дома Леший открыл холодильник, достал лед, насыпал в тазик и минут десять держал в нем руки. Костяшки были ободраны до крови, пальцы стали багрово-синими и опухли. Он

покрутил туда-сюда кистями — вроде вывихов нет, переломов тоже. Достал из холодильника противоотечную мазь, обильно смазал руки. Вдруг зазвонил мобильный. Серега посмотрел на дисплей — высвечивалась надпись: «Любимая». Он чертыхнулся, более-менее чистым мизинцем нажал красную кнопку. Через пятнадцать секунд снова раздался звонок. Он опять выругался, отключил. Скоро телефон проиграл другую мелодию — пришла эсэмэска. Серега не удержался от соблазна, прочел: «Я не хочу разборки устраивать. Я прощения прошу. Возьми трубку». «Суки бабы. Закон джунглей — принадлежать нужно сильнейшему. Раньше был не нужен, стоило хахалю морду набить, опять самый лучший. Потаскушка», — подумал он, но в следующий раз на звонок ответил:

— Что надо? — спросил как можно грубее.

— Дай возможность поговорить, — сказала Дианка обычным таким, спокойным голосом.

— О чем? О том, что ты — шлюха?

— И об этом тоже. Можно, я приеду?

— Ха! — Леший развеселился. — Знаю эти бабские штучки! Прости за все, я вся твоя, и бочком, бочком в постель, а там — раз! — переспали, будто ничего и не было. Может, пошла бы ты на хуй?

— Мне есть что сказать не только в свое оправдание.

— А в чье же еще?

— В твое.

Пауза.

— То есть... Это я виноват? — Возмущению Сереги не было предела.

— Все виноваты. Давай встретимся, но только не в квартире. Лучше в круглосуточной кафешке, что через дом от тебя.

— Я подумаю.

— Не нужно думать. Много времени не отниму.

— Да? Ну и через сколько ты там будешь?

— Я уже в кафе.

«Ну, блин», — мелькнуло у него в голове.

— Щас! — И он выключил телефон.

Спустя пять минут Сергей уже был в забегаловке, огляделся. Он заметил Дианку в углу. Выдвинул себе стул, не снимая куртки, сел.

— Ну?

— Не знаю, с чего начать...

— Зачем тогда я здесь?

Подошла официантка, спросила, что они будут пить.

— Мне обезболивающего... — Встретив недоуменный взгляд девушки, Серега пояснил: — Ну, водки! Сразу сто и с лимоном... «Стандарт», «Бриллиант» — одна фигня... А дама пусть сама закажет.

— Мне зеленого чаю... — устало произнесла Диана. От клубной боевой раскраски на лице мало что осталось, порнографическое сочетание красного корсета и полуобнаженной груди скрывала легкая курточка. — Ладно... Все это началось примерно с месяц назад...

— А я ни сном, не духом...

— Да подожди! Никто мне не был нужен, приключений на стороне искать я не собиралась, но после того, как узнала, что ты с Игорем и Сеней на какой-то там базе трахал

проституток, причем две ночи подряд, — это когда ты в Нижнем как бы в командировке был...

Теперь Лешему стало не просто больно — он висел на дыбе, и снизу его поджаривали на огне. Ну бабы! Вот как повернула! Дождалась момента! И молчала ведь столько времени! Но это ведь проститутки! Он и имен их сейчас не вспомнит! О чем Серега и сказал вслух:

— Но это ведь шлюхи! Это не считается!

— Ну как, милый, не считается?! У них три ноги, одна грудь и стакан со льдом вместо влагалища? Дома тебя ждет шикарная женщина, она никогда не отказывается от секса под предлогом, что голова болит, всегда тебе рада, всегда открыта для экспериментов, на плите полно еды, в шкафах чистые выглаженные вещи... Да я ненавижу гладить! Для меня это пытка! Я ведь могла сказать — сдавай свои трусы в стирку — приехали, забрали, через два дня вернули? Нет, все сама, все для милого, а то обидится...

— Мы пьяные были... — прорычал Серега.

— Ну и?.. Это оправдание? А я — под коксом!

— Что?! — заорал он. — Если узнаю, что этот гондон тебя на наркотики посадил, я его точно убью!

— Да никто никого не сажал! Нюхала раз пять, не больше, да и не сильно-то мне понравилось... Ну вот. Первые два месяца у нас с тобой, я помню, была сплошная страсть, а потом что-то стало меняться. Я перестала чувствовать себя нужной, любимой... А как мы проводили свободное время? Вечерний видеофильм, вино и бурный секс — ты знаешь, мне ничего больше и не надо, но выходные-праздники... «Диан, пацаны сегодня с женами в «Дымове» — поехали», «Диан, пацаны зовут на шашлыки, давай с ними», «Диан, пацаны пригласили на футбол, собирайся...» Пацаны, пацаны... Не приходило в голову, что со своей девушкой можно время проводить не только в постели и не только с пацанами?

— Сказала бы...

— Ну я намекала... Я бы точно тебе не изменила, даже при копившемся раздражении, но после проституток... Ты что думаешь, я влюбилась в это чмо? Думаешь, я не понимала, кто он и зачем я ему нужна?

— Зачем тогда все это?!

— Да что особенного? Тусовались вшестером, был понедельник, особо никуда не сходишь. Поехали все вместе к нему на квартиру время провести, нюхнули коксу, и то ли в ванной, то ли в кабинете...

— Давай без подробностей, противно!

— А с проститутками было не противно? Было сладко? Было вкусно? Ты с ними орал во время оргазма, как со мной кричишь?..

— Алле, алле! — резко повысил тон Леший. — Только не изображай из себя жертву! Сказала, что хочешь попросить прощения, а все равно выходят разборки. Не старайся на жалость и чувство вины давить — все равно это наша с тобой последняя встреча. Прямо сейчас вещи бери, и... — тут он сделал красноречивый жест по направлению к двери, — катись ко всем чертям!

— Не-ет! — Диана со стулом подвинулась к нему. — Я люблю тебя, и ты любишь меня, иначе бы ты не примчался в клуб ночью, а позвонил, послал бы куда подальше и лег спать. Ты любишь меня! В клубе ты сражался за меня!

— Надо было, — буркнул он. — Я за свою честь сражался.

— И за честь. И за меня. Пришел, сказал по-мужски — она моя. То, с каким бешенством

и яростью ты махал кулаками, дало мне понять, что я тебе не безразлична. У тебя никогда не возникало желания сказать об этом словами, но ты доказывал это в постели и вот теперь — дракой в клубе. Ты был ослепительно хорош! Я с тобой — хоть на край света, хоть на дно океана, всегда-всегда! Больше никаких придурков!

— Ну-ну, типа верю...

— Клянусь! Никаких! Никогда! Только и ты меня не обижай своими проститутками! Ну выпей ты, сколько уже стоит!..

Леший с недоверием посмотрел на рюмку.

— Ага, выпью, расслаблюсь, подobreю... Я еще ничего не решил... — И одним махом выпил.

Потеплело. Стал думать — что, кроме позора и деланного осуждения знакомых — не мужик, мол, тряпка, — мешает ему простить эту заблудшую душу? Это чья жизнь, его или друзей? Он внимательно посмотрел на нее, пальцем поманил к себе. Диана придвинулась еще ближе.

— Изменишь еще раз, убью! Без шуток.

— Сереженька... — Из глаз ее покатались слезинки.

Диана стала быстро целовать его лицо везде, где придется, добралась до губ и долго от них не отрывалась.

— Давай в постельку, — предложила она.

— Давай, — с готовностью откликнулся он.

Они вышли из кафе в обнимку, свою руку он засунул ей под куртку.

— Геракл! — говорила Диана.

— Потаскуха, — отвечал он.

— Титан!

— Шлюха!

— Виталий и Владимир Кличко сразу вместе!

— Ну за такое сравнение обзывать перестаю...

В мае в доме отдыха на Владимирском проспекте, когда природа словно взорвалась яркой свежей зеленью, при огромном стечении пацанов с супругами и девочек-студенток с точеными фигурками они поженились.

А нам в детстве педагоги объясняли, что правду кулаками не доказывают, что всегда для объяснения нужно использовать убедительное слово. Ох, ну какой же нас тогда ерундой только не пичкали!

В семь часов вечера после...

Рейс Москва — Киев. Ровное, легкое то ли гудение, то ли жужжание. Народ дремлет потихоньку — соседи друг у друга на плечах, кто-то с маской на глазах. Кто-то пытается с помощью кнопок на подлокотнике из плохоньких наушников выудить хотя бы одну приятную мелодию. Листают бессодержательные журналы, которыми снабжают людей в полете, — картинки, реклама, описание чего-то непонятного и ненужного. Женька думает. Он взял в полет хорошую книжку, но во время раздачи обеда, когда стюардесса принесла противную безвкусную самолетную еду, он не отказался от предложенного вина. А какое вино в мире может быть хуже того, которым поят в самолетах? Да никакое! Наверное, мужики, глушащие у подъезда портвейн из горлышка, и то больше удовольствия получают. Но Евгений выпил, причем два бокала подряд. В голове зашумело, текст читался, но сосредоточиться не удавалось, мысли были далеко — и он расслабился.

Елки зеленые, ведь он только полгода, ну ладно, семь месяцев назад закончил РХТУ имени Менделеева, факультет технологии органических веществ. А теперь он — пивовар! Нет, ну кто знал, что так сложится! Висели на доске объявлений какие-то рекламные листовки, агитировали странные люди, сходил на собеседование, и вот — он сотрудник пивоваренной компании, точнее, производственного отдела. И скоро будет изобретать новые сорта пива, проверять качество старых и вообще — назовем вещи своими словами — контролировать производственный процесс!

А сейчас он летел на стажировку в Чехию! В знаменитый на весь мир город Ческе-Будеевице, где, собственно, и производят — да что там юлить — лучшее пиво в мире! Там уникальный завод, где пиво варят с 1795 года! Мать вашу! Вот вам и Женька-ботаник. «Нет», — поправил он себя. Учился хорошо, да. Но хоть разбойником не был, но все же и не «ботаником» — всякое случалось. Только вот Киев этот...

Очень удивился он, когда его попросили некий пакет лично в руки украинским коллегам передать, а уж потом из столицы Древней Руси — напрямик в Прагу. Пакет пронесли через таможню сами и вручили прямо перед посадкой. Если это документы — почему нельзя послать по электронной почте? Если ценная вещь — есть же UPS, DHL... Шпионские игры какие-то...

Но как же хорошо на душе!.. Женька потянулся, через неплотно закрытую штору иллюминатора в глаза ударил лучик солнца, он зажмурился. «Боинг», не «боинг» — все равно тесно. Но дорастем и до бизнес-класса, чай, не скрепки производим, пиво народ пил и будет пить. Слышал шушуканье про то, что якобы на него кто-то где-то будет делать ставку... Ай, белиберда какая! Пока учиться и учиться...

С этими приятными мыслями Женька задремал. Очнулся, когда уже самолет пошел на посадку и попросили пристегнуть ремни. Протер глаза влажной салфеткой, пожалел, что кофе не успеть выпить.

Багажа у него не было — одна сумка через плечо со всем необходимым. Костюм, который все-таки нужно было иметь в соответствии с корпоративной этикой, был на нем. Может, даже слишком строгий для его лет, поэтому он не вытерпел — спасаясь от весенней сырости, захватил с собою полукепи, полубейсболку, даже, если хотите, полукартуз — стильную штучку!

В таком виде и вывалился из автобуса. Удивлению не было предела, когда

встречающего он увидел еще до паспортного и таможенного контролей. Ну Украина! У них здесь свои порядки.

Коренастый мужичок с подергивающимся правым веком, которого он знал как Федора Васильевича, с барским меховым воротником на пальто зачем-то обнял Женьку, снял перчатку, крепко, будто клещами, пожал ему руку и спросил:

— Привез?

Евгений достал пакет. Васильевич удовлетворенно хмыкнул, принял его, поцеловал и положил в карман.

— Простите, а что я вам привез? — Женьке было очень любопытно.

— Да так, — ответил тот. — Историческую ценность. — И он улыбнулся. — Идем, некогда, дел еще...

Они подошли к особенному паспортному контролю, здесь не было очереди. Девушка взяла у него документы и ослепила ярким взглядом-вспышкой. Была она похожа не на пограничницу, а на порнозвезду — огромные губищи, тени на глазах, каштановые длинные волосы... Форма придавала ей еще больший колорит — казалось, сейчас возьмет в руки хлыст, или что они там берут, и...

— Прикольная у вас кепочка, — пропела девушка, возвращая документ.

Сердце Евгения рухнуло вниз.

— Ничего, ничего, — снова улыбнулся Федор Иванович. — Пошли, не засматривайся. У нас этого добра... А дела не ждут.

Первым делом отправились на Киевский завод транснациональной пивной корпорации. Ничего нового Женька не увидел, только лишь ответил на вопросы: «Как там ваш главный» и «Ну как там у вас, все нормально?» — обычная производственная необходимость. Да и галочку нужно было поставить — посетил объект.

Вылет в Прагу был назначен на раннее утро, на служебной машине московского гостя доставили в маленькую гостиницу на Александровском спуске. Женьке объяснили: «Не «Хилтон», конечно, но очень «ничего», отдохнуть до завтра — в самый раз». Естественно, шутя предложили «не загулять, а то девки у нас — ого-го». Да он, конечно, и не собирался — первым делом, как известно, самолеты... Но пройтись хотя бы по центру города надо. К тому же он уже пять раз успел пожалеть, что из-за своей вежливости отказался пообедать с мужиками — кусочек аэрофлотовской курицы давно уже расщепился не только на питательные вещества, но и, наверное, на молекулы.

Евгений с наслаждением принял душ, прямо в номере быстро выпил полную порцию «американо», прилив юных сил был таков — хоть в космос. Переобулся в невесомые «экковские» туфли, накинул легкий, но плотный и теплый плащик, не забыл и про «прикольную» кепочку. Спустился на первый этаж и уже было направился к выходу, но вдруг шальная мысль остановила его. Он вернулся к ресепшен и спросил у полной строгой дамы:

— А как у вас тут с приходом гостей к постояльцам — проблем не возникает?

Администратор с пониманием посмотрела на него и с сожалением произнесла:

— По паспорту, до одиннадцати вечера.

— Понятно... — протянул Женька.

У двери его поманил к себе охранник:

— Слышь, это... Ты, если шо, к нам обращайся. Поможем...

— Точно? — с недоверием поинтересовался Женька.

— Отвечаю! — басом подтвердил тот.

Вид стража порядка был абсолютно бандитский. Если бы он вдруг вместо этой клятвы сказал «Зуб даю!» или выхватил из кармана нож и полоснул себя по левой руке с криком: «Век воли не видать!», Евгений бы не удивился.

На улице было сыро, но чувствовалось дыхание весны. Мартовский воздух был влажный и теплый. Женька глянул вправо-влево, выбирая направление прогулки, решил, что спускаться легче, чем подниматься, и повернул налево. Первая мысль, что пришла в голову на улице, — конечно, поесть, и срочно. Никаких гастрономических изысков, подойдет любая забегаловка. Буквально через тридцать метров рядом звякнул колокольчик — открылась дверь не-пойми-чего. «Может, кафешка?» — подумал он. Зашел. Оказалось — магазин.

Собрался было уходить, но тут взгляд его привлекли две совершенно очаровательные девушки лет восемнадцати, выглядевшие одинаково и по одежде, и по внешности, — обе с длинными волосами, только одна блондинка, а другая — брюнетка. Несмотря на более чем прохладную погоду, они были в чрезвычайно коротких юбках. В магазине продавались изящные столовые принадлежности. На витрине красовались наборы рюмочек, бокальчиков, стаканчиков, сделанных, вероятно, из какого-то легкого сплава. Девушки рассматривали набор в бордовой коробке и вполголоса переговаривались. Через несколько минут, видно не придя ни к какому решению, они направились к выходу. Женька вышел следом за ними. Пройдя несколько шагов по тротуару, он кашлянул и, чуть повысив голос, сказал:

— Извините, можно вас на минуточку...

Девушки обернулись и разразились таким громким, заразительным смехом, что ему стало неловко.

— Проиграла, проиграла!.. — смеялась одна, показывая на подругу пальцем.

— Да, — развела руками та. — Ну что же теперь поделаешь!

Женька остановился в недоумении.

— Да вы не удивляйтесь, — сказала темненькая. — Мы поспорили, подойдете вы к нам или нет. — Проиграла, проиграла! — опять засмеялась она.

— Ага, — произнес Евгений. — Тогда я заново, можно?

— Пожалуйста, — тряхнула своей гривой черненькая, вероятно, она была заводилой.

— Вы прогуливаетесь или направляетесь по делам?

— А что? — в свою очередь, вступила в разговор беленькая.

— Ну, — пожал плечами Евгений, — если по делам, то, конечно, не буду вам мешать. А если гуляете, то, если можно, хотел бы напроситься к вам в компанию. Я в Киеве в первый раз, причем вот только прилетел, и мне все здесь интересно.

— А откуда прилетели? — Темненькая с интересом наклонила свою головку.

— Из Москвы.

Девушки понимающе переглянулись.

— Россиянин... Идеологический противник... — произнесла светленькая.

— Чтобы победить врага, его надо знать, — добавила темненькая и протянула Женьке узкую ладошку: — Ирина.

— Евгений.

— Причем знать в лицо! — улыбнулась вторая. — Оксана!

— И не только в лицо! — уточнила Ирина.

Девушки обменялись взглядами и опять прыснули. С двух сторон они подхватили его

под руки. Евгений понял, что они выше его ростом, но никакого дискомфорта не почувствовал, все происходило как бы само собой, без малейшего напряжения.

— И какими же судьбами к нам пожаловал дорогой гость? — спросила Ирина и, наверное, произвольно потянула руку Женьки к себе. Локоть ткнулся в упругую молодую грудь. Евгений напрягся.

— Проездом, — ответил он. — Всего на один день.

— И куда дальше путь держим?

— В Прагу. Потом — в глубь Чехии, ближе к Австрии.

— А что это за маршрут такой? — спросила Оксана и тоже потянула его руку к себе. Локоть Женьки ткнулся в другую женскую грудь. — Из Москвы в Прагу через Киев?

— А у нас здесь завод, — с легким зазнайством повернулся к ней Евгений. Пусть знают, с кем имеют дело. — Надо было, раз уж из столицы выбрался, проверить кое-что.

— Какой завод? — с явным интересом полюбопытствовала Ира.

— Пивной. — И Женька произнес название.

— Пивной? — переспросила Ира. — Наш человек!

— А куда мы пойдем? — обратилась ко всем Оксана. — Ир, может быть, покажем ему Софию? И давайте на «ты» — не люблю я эту официальность!

— Я — «за», — с готовностью отреагировал Женька.

— Он — «за», никто не против! — констатировала Ирина.

— Только тут есть один момент... — замялся Евгений. — Я — не раб желудка, но с раннего утра ничего не ел. Давайте сначала перекусим где-нибудь в подходящем месте.

— А что значит — в подходящем? — подняла брови Оксана. — Правда, я сама ни разу не была, но знаю неподалеку отличный ресторан с местной кухней. Борщи, галушки, пампушки... Для голодного человека — в самый раз.

— А я бы суши съела, — чуть капризно протянула Ирина.

— А суши можно вечером, — предложил Евгений.

Девушки переглянулись.

— Идет, — с каким-то радостным удивлением резюмировала Ирина.

Ресторан явно был рассчитан на туристов — всего было слишком: нарочито грубо сколоченная мебель, расшитые цветами скатерти, толстые официантки в национальных костюмах — да и ладно, есть пришли, не по сторонам глазеть. А кушанья были знатными. Женька хотел было угостить девчонок приличным вином, но те наотрез отказались — только пиво. Правда, Ирина бросила вскользь, что, может быть, ближе к вечеру... А Оксана промолчала.

— Что так? — не выдержав, поинтересовался Евгений.

— А она у нас принципиальная, — ответила за подругу Ирина. — Дала себе зарок, пока не исполнится восемнадцать, не пить ничего крепче пива, никаких сигарет и никаких маль...

— Хватит! — зло осекла ее Оксанка. — Сейчас поссоримся.

— Да ладно, я же не со зла... — Ирина даже в лице изменилась. — Принципы есть принципы.

— А вам что, по семнадцать лет? — удивился Женька. — Я бы, если честно, не сказал.

— Мне — уже восемнадцать, — произнесла Ира таким тоном, каким, наверное, представляется звезда шоу-бизнеса. — А Оксане будет буквально через две недели. И тогда мы, ух, оторвемся!

— Да! — Глаза у Оксаны заблестели. — Ух, оторвемся!

Беседа продолжалась в светском ключе — девчонки с большим сарказмом рассказывали Женьке о местных клубах и развлечениях. Почему-то всегда принято ругать место своего обитания. Всегда кажется, что где-то «там» жить лучше. Не упустили возможность объяснить суть конфликта Ющенко и Тимошенко. Тут Евгений ослабил внимание, так как по настоянию официантки хлопнул к борщу рюмку светло-коричневой горилки. На душе у него посветлело, и он заказал «чужого», снова рекомендованного официанткой, черниговского пива. Напиток оказался классным, он это как специалист понял. Стало вообще здорово. Переводя поочередно взгляд с одной девушки на другую, он мысленно спрашивал себя: «Какую?» «Не надо спешить. Мне так повезло, в чужом городе в первый же день познакомился с очаровательными аборигенками, — думал он. — Красивыми, образованными, обходительными, не лохушками какими-нибудь. Я им интересен, надо развивать отношения, а там будь что будет». К ситуации, если вдруг девушки, получив эсэмэску, встанут из-за стола и скажут: «Ладно, извини! Нас наши мальчики зовут. Приятно было познакомиться», Женька был готов — нарывался на такое неоднократно. Так что решил плыть по течению...

Ответ на вопрос, повел бы Женька киевлянок в первый их приезд в Москву в собор Василия Блаженного, был бы, конечно, — нет. Будь у них две недели — да, а так... В Софию они не пошли. Слишком мало времени на общение, а нравились они друг другу с каждой новой кружкой пива все больше и больше. Приоритеты, кажется, определились — Оксана сказала, что без ума от музыки Оззи Осборна. Женька по памяти перечислил названия всех альбомов, она в этот момент следила за ним, не отрывая глаз, — наверное, искала над головой нимб. Заодно прошлись по нынешним более легким Estetic Education, Audioslave, Sonic Syndicate и прочим. Девушка оказалась подкованной, каждый свой новый вопрос, обращенный друг к другу, они начинали: «А знаешь?..»

Ирина стала скучать. Попросила Женьку заказать ананас. Удивленно смотрела, как вынимают мякоть, спросила:

— А каким напитком его обычно запивают?

— Шампанским, — ответил Женька.

— Шампанское? После пива? — Лицо Ирины скривилось в легкой гримаске.

— Можно виски.

— Интересно...

Женьке в этом полувздохе послышался вопрос — а не жалко ли тебе, дорогой, денег?

Денег ему было не жалко, погода стояла прекрасная, но пора, пора на воздух... Решили «просто пройтись по Крещатику». Ох, каким баем Женька себя чувствовал в тот момент, когда вышагивал по улице с двумя красотками под ручку! Прохожие бросали на них заинтересованные взгляды. Когда они, наконец, выбрались на Крещатик и остановились на популярном тусовочном молодежном месте, к девушкам сразу же подлетели какие-то знакомые, стали что-то верещать, обсуждать, бросать на Женьку понимающие взгляды... Прогулка и свежий воздух подействовали на него ободряюще. Что пил, что не пил. Да, конечно, с таким количеством закуски...

— Женечка, — обратилась к нему Ирина с румяными от волнения щеками, — нам очень-очень надо отлучиться на полчаса. Ты не против?

— Ну как я могу быть против...

— Женя, — добавила Оксана. — Это по очень важному делу. Дождись нас, пожалуйста.

— Да без проблем, — с деланной бодростью ответил он.

Девчонки вдруг чмокнули его в щеки — каждая со своей стороны — и были таковы.

Он остался один. Вот тут ему показалось, что стало холодать. Женька кутался в шарф, тер уши. Хмель вышел, настроение упало. Сейчас ему бы не помешала чарка доброй горилки. «А вдруг не вернутся подружки? — подумалось ему. — Да и хрен с ними! Сколько еще времени столбом стоять? Сейчас бы в гостинице лечь в постель, закутаться в одеяло поплотнее, взять бы книжечку... Однако уже сорок минут прошло. Нашли, понимаешь, себе мальчика... Пять минут жду и ухожу. Надо же, и телефон не взял. Вот дурак...»

В этот момент он заметил бегущих к нему подружек. Ирина помахала ему рукой. От сердца у Женьки отлегло, он понял, что не вернись они — и вечер был бы безнадежно испорчен, а настроение — тем более. Подлетев, Ирина чмокнула его в щеку, а Оксана поцеловала, обняв за шею.

— Эх, что ж вы долго так, — не удержался Женька от ненужного упрека.

Девчонки переглянулись.

— Да, понимаешь... — как всегда, за двоих ответила Ирина. — Драться ходили.

Заметив, как высоко взметнулись Женькины брови, добавила:

— Ну, дуэль у нас была с Оксанкой. Тебя делили. — И подружки засмеялись.

— Ладно, все ясно с вами. Хохотушки. Идемте куда-нибудь.

— Тут, — сказала Ирина, — почти на самом Крещатике есть бар. Мы там ни разу не были, но нам всегда хотелось. Он, ну, как бы сказать, такой...

Женька не стал подсказывать: «дорогой», но пришел на помощь:

— Не простой?

— Точно. Так вот, если ты...

— Да идем, конечно! Какие вопросы!

— Вау! — хором выдохнули девушки.

Взяв их под руки, Женька спросил:

— Кто же победил на дуэли? Кому я все-таки достался?

— А это нам еще предстоит выяснить! — с вызовом хохотнула Ирина и встала в боевую стойку напротив подруги.

Вышло смешно.

— Да ну вас... — махнув рукой, улыбнулся Евгений.

Бар оказался весьма и весьма приличным. Публика была соответствующая, у окна имелись свободные столики. Девушки захотели занять диванчик, но не вышло. И так — ничего.

После такого перерыва и продолжительной прогулки можно было, кроме пива, заказать чего-нибудь покрепче. Ирина с радостью согласилась на «коктейльчик», себе Женька взял виски, Оксана стояла на своем — только бокал пива. Ну, тут уж специалист расстарался — долго изучал меню, беседовал с барменом и выбрал самое лучшее. О чем, на всякий случай — пусть видят, не лаптем щи хлебаем! — сообщил Оксане. Та пригубила напиток, посмаковала и, наконец, вынесла вердикт:

— А что? Мне нравится!

— Дай попробовать, — потянулась к ней Ира, отпила, кивнула: — Классное!

Разговор плавно перетек к производству пива. Это был Женькин любимый конек, оседлав которого он начал рассказывать об этом замечательном напитке. Что оно бывает светлым, темным, черным, красным, белым, нефилтрованным. Огорошил известием, что

лучшим в мире считается бельгийское, объяснил разницу между немецким, чешским, испанским, итальянским, французским, японским, новозеландским... Но тут вдруг тему разговора сменила чуть захмелевшая Оксана:

— Нет, ну были у меня мальчики... Встречалась, конечно, не без этого. Но когда на третьем, а то и на втором свидании тащат в постель — противно. Объясняешь, что еще девочка, просишь подождать, крутят пальцем у виска, говорят: «Дура!» — и поминай, как звали. Ни один не любил настолько, чтобы согласиться подождать. Ну вот и решила — я нормальная девушка, белой вороной быть не хочу и, как только мне исполнится восемнадцать, сразу этой девственности лишусь! Самой надоело...

— А как ты себе это представляешь? — удивился Женька. — Проснулась утром, все — восемнадцать! Эх, сейчас пойду на улицу, сниму первого попавшегося и — в постель?!

— Ну что ты... — надула губки Оксана. — Я сама не знаю, как это произойдет. Конечно, хотелось бы со своим мальчиком, но своего мальчика у меня сейчас нет. Наверное, просто с каким-нибудь нормальным, ну уж точно не с первым попавшимся...

— Взял бы, Евгений, — заметила Ира, — да помог бы девушке!

— Как так? — засмутился Женька.

— Да так! Через две недели у нее день рождения. Приезжай — да и дело с концом.

— А ты, Оксана, что скажешь?

Оксана подняла бокал с пивом и, не отрывая глаз от янтарной жидкости, сказала:

— А что? Я тебя приглашаю. Ты — лучшая кандидатура. И вообще ты мне... нравишься.

— А вам не кажется, — пытался сохранить нормы приличия Евгений, — что так неправильно?

— Нет, а как правильно? — возмутилась Ирина. — Пойти в клуб, нажраться и трахнуть в туалете? От такого предложения ни один парень не откажется. А лечь в постель с девушкой, если она сама об этом попросила и честно обо всем предупредила, — поджилки трясутся? Нормально — не нормально... Будь мужиком! Хочешь по-другому — пожалуйста! Оксана приглашает тебя в Киев на свой день рождения. А станете вы под ручку ходить или еще что — это уж на ваше усмотрение. Что касается лично меня, то я с пятнадцати лет принципов не имею. Что хочу, то и делаю. Приедешь?

— Когда? — только и спросил ошеломленный Женька.

— Двадцать пятого! — хором ответили девушки.

— Приеду, — махнул он рукой. — И вовсе не для того, о чем вы сейчас мне толковали, а потому, что Оксанка мне очень-очень нравится. Я польщен, что она пригласила меня на свой праздник.

— Так выпьем же за это! — подняла бокал с коктейлем Ирина. — Повторим?

— Повторим! — согласился Евгений.

До конца вечера больше они к этому вопросу не возвращались. Девушки заранее предупредили, что до дома ехать им далеко, время позднее и скоро надо будет собираться.

Вскоре под хорошим хмельком они вышли на улицу. Прощались у входа на станцию метро. Проводить до дома себя не дали, слишком, мол, далеко, за него беспокоятся. Договорились встретиться в этом же баре в пять часов двадцать пятого марта. Он попросил номер мобильного телефона для «корректировки действий» — к его удивлению, не получил. Оксана пояснила, что, если он позвонит ей двадцать четвертого перед днем рождения и, сославшись на неотложные дела, сообщит, что не сможет приехать, у нее сердце разорвется. Она хочет отрезать ему все пути к отступлению — или «да», или «нет». У ее дедушки,

любителя старых советских фильмов, есть диск с картиной «В семь часов вечера после войны» — пусть так и у них будет. Никаких телефонов! Она станет ожидать его прилета с нетерпением, надеется, что и он тоже будет ждать встречи. Пусть он преодолет все преграды, которые встанут на его пути, если она ему нравится. Женьке показалось, что Оксанка хотела сказать «любишь», но остановилась.

— Я тебе действительно нравлюсь? — Она хотела услышать утвердительный ответ.

Было темно, вокруг слонялись люди. Ира деликатно отошла в сторонку, дав им время попрощаться. Он обнял Оксану, заглянул в глаза. А глаза карие, и такая в них надежда...

— Этот день — один из лучших в моей жизни, — сказал Женька.

— Поцелуй меня...

По продолжительности их поцелуй вполне мог претендовать на попадание в «Книгу рекордов Гиннесса». Они меняли положение рук, он — на ее талии, она — на его спине и шее, он наклонял голову то в одну, то в другую сторону, наконец они оторвались друг от друга. Но как же ему не хотелось ее отпускать! «Вот, блин, — мелькнула у него в голове дурная мысль. — Почему у нее не сегодня день рождения?»

Перед сном он быстро собрал вещи, завел будильник и заснул. Во сне, как наяву, в комнату вошла совершенно голая красивая смуглая женщина. У нее была великолепная грудь с темными, коричневыми сосками. «Можно я у вас переночую?» — спросила она. «Нет! Нет! — зашипела на нее и замахал руками Женька. — Я теперь Оксану люблю! Вдруг она сейчас придет! Вы что!»

Разбудил его звонок будильника. Молодой организм редко испытывает муки похмелья, если уж совсем не заливаться. Десять минут под холодным душем, добрая порция «американо» — ну, что же, можно и на космодром, товарищи!

Он заранее знал, как ему добраться до места назначения. В Праге его не встретили — молод еще, невелика птица. Из аэропорта Евгений добрался до железнодорожного вокзала, нашел нужную электричку. За полтора часа общения с местными жителями успел выучить «наследаноу» и «дзинькуе». До Ческе-Будеевице было часа два езды, он успел подремать. Встречающий на вокзале был почти его ровесник. Ему выделили наставника, говорящего по-русски. По-немецки понимали почти все, английский был не в чести. Определили его в очень уютную крошечную гостиницу. Хозяйка, заметив русского и узнав, как его зовут, стала читать с сильным акцентом наизусть письмо Татьяны к Онегину — еще в школе учила. Чехия Женьке понравилась, он понял, что шестьдесят восьмой год никто тут ему вспоминать не станет.

Наставник сообщил ему адрес и номер автобуса, на котором можно было добраться до места. Назначил время встречи на семь сорок пять следующего дня — и был таков. Женька сразу завалился спать. Проснувшись вечером, решил прогуляться — не сидеть же в четырех стенах. Хозяйка по его просьбе написала адрес, как он просил, самого «аутентичного» ресторана города, и с этой бумажкой Женька отправился на поиски.

Ресторан отыскался в центре, напротив городской ратуши. Находился он в старинном замке и назывался «Мясно Краме». Что бы это ни значило, звучало здорово. Женька поразился: девять вечера — кругом ни души. В котором часу все здесь спать ложатся? Но, как только он открыл дверь заведения, сразу понял, куда подевалось население. В открытую дверь ударило такой струей теплого запаха всевозможной еды и пива, что не будет преувеличением сказать — его чуть не сбilo с ног. За длиннющим столом по обе стороны сидели люди. Пили, ели, курили и, главное, галдели. Шум стоял невообразимый, вокруг

посетителей сновали официантки. Каждая в руке умудрялась держать по четыре — шесть кружек пива.

Женька заказал и быстро съел знаменитые кнедлики — ему не очень понравилось. Выпил кружку пива и отбыл восвояси — все же он привык к более спокойным заведениям. Утром его разбудил верный будильник.

Время летело быстро...

Нечего греха таить, у чехов все было поставлено на такой уровень, до которого нашим соотечественникам еще расти и расти. Женька носил с собой блокнотик, по вечерам сидел у ноутбука, заметки аккуратно переписывал. Что удивило в организации труда — рабочие за обедом пили пиво, причем служащим предприятия оно отпускалось БЕСПЛАТНО! «У нас бы все спились через неделю», — решил он.

Досуг получался незатейливый. В основном Женька посещал многочисленные маленькие ресторанчики и книжки читал. В питейных заведениях брал бокал «Будеевицкого Будвара» или же «Пилзнера Уркуэлла», заказывал блюдо под названием «карп смажений», то есть жаренный в сметане. Рыбу подавали с хрустящей корочкой, объединение, вот только бы костей поменьше. После ресторана часто прогуливался. По узеньким городским канальчикам плавали лебеди, воздух был чист, веяло весной. Частенько заходил поиграть в бильярд. Хотя что это за бильярд — «пул», так, баловство одно. Один раз зашел в кинотеатр на американский боевик — поддался рекламе, не дождался возвращения на родину — смотрел, угорал от смеха час с лишним. Английская речь, его собственный перевод и чешские субтитры в нижней части экрана — умора! Нашел довольно большой магазин с музыкальной продукцией, купил Оксане в подарок всего Оззи — «студийного» Оззи, «концертного» Оззи, Оззи в Black Sabbath, DVD с Оззи...

Оксану он вспоминал, и часто. Одиночество мучило его, и тут на ум приходила девушка со смешными сережками-висюльками, тугой попкой, стройными ножками и высокой грудью, в которую столько раз за время прогулки тыкался его локоть. А жадные губы, а обжигающие поцелуи... Да было о чем вспомнить... И когда же кончится эта командировка!

И вот — прощай, Чехия! Правда, надо срочно на работу выходить, но разве нельзя задержаться после ударной командировки на пару дней — дело молодое, начальство поймет.

Он уже и билет купил, и время рассчитал, только об одном жалел, что не настоял, не взял номер телефона. Вот сейчас бы позвонил и сказал все то, что постеснялся сказать в тот чудный вечер... Объяснил, как она стала ему дорога... Да, он никогда не был монахом, но девушку, которая любит Оззи, встретил впервые! Много ли таких бриллиантов разбросано по нашей Вселенной?! От этой мысли Женька повеселел. «Эка меня занесло, — улыбнулся он. — Думаю, если у самого Оззи спросить, таких бриллиантов окажется огромное количество в каждом городе, куда он приезжал с концертами. Что зря время торопить? Совсем чуть-чуть осталось — будет день, будет и пища».

Уезжал Евгений с легким сердцем. Местным он показался настолько дисциплинированным, ответственным профессионалом, что ему даже устроили нечто вроде проводов.

Выезжать надо было на электричке в пять утра. Он лег пораньше, но мысли о предстоящей встрече с Оксаной не давали ему уснуть. Женька вспоминал каждую минуту — вот она, волнуясь, ладошками собирает длинные волосы, вот резким движением отбрасывает их назад. А вот Ира предлагает их сфотографировать, и они стоят рядом. Оксана плотно прижимается к нему бедром и, видя, что он стоит, как солдат на карауле, хмурится и кладет

его руку себе на талию...

На вокзал Женька примчался за полчаса до отъезда. Сын хозяйки гостиницы работал таксистом, и она, несмотря ни на какие возражения, попросила отвезти Женьку. Впрочем, это не удивительно. Он с хозяйкой за кофе вел долгие разговоры на общественно-политические темы, и та здорово поупражнялась в русском языке. И еще он случайно сломал замок в номере и, не зная, сколько будет стоить ремонт, на свой страх и риск отдал ей некоторую сумму. Судя по реакции женщины, та смогла бы купить еще три таких замка.

Женька ходил по перрону и пил суп из стаканчика. Везде стояли автоматы, кинул монетку — получай суп. Сил ему сегодня было нужно много, ой, много!

В поезде задремать не получилось — он был слишком возбужден. Евгений всегда считал себя фаталистом, но, если что-то касалось действительно ему дорогого, начинал отчаянно трусить. А вдруг самолет вылетит не вовремя? А вдруг авария на железнодорожных путях? И прочая, прочая муть лезла к нему в голову...

И словно накаркал! Самолет приземлился с опозданием на сорок минут — Борисполь не принимал. На выезде из аэропорта стояла огромная пробка. Нет, Женька, конечно, по большому счету, успевал, но он хотел привести себя в порядок, купить цветы и — в качестве особого презента — тот самый набор стаканчиков, на которые девушки положили глаз в магазине. Такси, быстрее! Быстрее-быстрее!..

— Ну шо ты, парень, в самом деле! — не выдержал водитель с внешностью героев Гоголя. — Ну не вертолет же! Едем и едем! Скоро рассосется, я знаю!

Ох, скорее бы! Ох, скорее!

Ну вроде и все — вот гостиница. На часах шестнадцать ноль-ноль — успеваю! Скоренько в душ. Блин, где пена для бритья, где она, блин?! Так, все нормально. С душем закончили. Уф, спокойно, одеваемся — футболка, белье... Не тот носок!.. Теперь к зеркалу — красавчик!

Бегом вниз.

— Где тут цветы можно купить?!

— Через дом направо — магазинчик...

Люди! Вы зачем тут толпитесь?! Кому сейчас нужны ваши юбилеи, двадцать лет службы, пять лет свадьбы? Эй, продавец, розы, да не эти, а те! Нет, не эти, а эти! Что значит не эти, но эти? Да вон те! Девятнадцать! С зеленью, с зеленью! Не надо бумажных пакетов, не надо рюшечек... Сам, сам справлюсь. Кто кричит? Никто не кричит. Понимаю — все спешат, но Я СПЕШУ БОЛЬШЕ ВСЕХ!

Магазин, магазин... Где он, черт? На часы смотреть страшно... Вот этот набор. Да, да — этот, этот! Не надо идти на склад, давайте с витрины! Ну что значит — с витрины не снимаем? Снимайте! Ну давайте же быстрее!

Уф... На фиг наряжался, на фиг мылся — уже весь потный... Без десяти! Где тут у вас такси, дьявол вас побери!

— Простите, где тут такси можно поймать?!

— Нигде...

— Что, блин, значит — нигде?!

— Вниз надо, брат, там они стоят...

Боже... Это же еще пять минут... Тамбовский волк тебе брат...

Вот и машины, таксисты кучкуются, курят.

— Мне на Крещатик, поехали!

— Да ты шо, какой Крещатик? Тут же одностороннее! Пока кру халя будем давать, быстрее пешком дойдешь! Пятнадцать минут, и все дела!

— Нет у меня пятнадцати минут! Мужики, двойной тариф, поехали!

— Тройной! — У усача от жажды наживы заблестели глаза.

Сели, тронулись.

— Хде на Крещатике?

— Не знаю!

— Чу! А куда ж мы едем?

— Бар там такой, за площадью. Увижу, скажу! Только быстрее, быстрее!

— Это «Волга», а не птица!

— Ну давай, давай!

Выехали, наконец, на Крещатик, пятнадцать минут шестого.

— Ну и хде здесь?

— Дальше!

— Здесь?

— Дальше!

— Здесь?

— Не знаю, по-моему, проехали...

— Ну ты, паря, хонишь...

— Точно где-то здесь! Дай выйду, сам найду!

В одной руке пакет с дисками и цветы, в другой — коробка со стаканами. Бегом по улице, тут поворот в какой-то переулок — ВОТ ОН! Смотрит на часы — 17.30. Лишь бы, лишь бы...

Женька влетел в бар, сам растрепан, букет растрепан. Посмотрел по сторонам — девушек нет. Спокойнее, спокойнее, девушки часто опаздывают... Бочком протиснулся к столу, буркнул официантке:

— «Пауланера» кружку! Так, варианты следующие — они опаздывают. Торжественный день, прихорашивались, времени не хватило... Вариант два: уже ушли. Но ведь полчаса каких-то, он ведь летел из-за тридевяти земель! Не верю! Должны были дожждаться! Вариант три: за две недели нашелся новый «мальчик». Фу ты, гадость какая, даже думать не хочется. Выпить, выпить, отдышаться...

Звякнул дверной колокольчик. Взгляд с надеждой — не они... Вот и пиво. Глоток, еще глоток...

Евгений спросил у пробежавшей мимо официантки:

— Скажите, в баре, где-то с полчаса назад, не было двух девушек?

— Да разве всех упомнишь? — недовольно ответила та. — Здесь всегда полно девушек. Лучше у Глеба спросите — он у нас по девушкам главный. — И захихикала.

— Кто это — Глеб?

— Бармен.

Женька подскочил к бармену, тот, мурлыкая под нос какую-то песенку, что-то рисовал на маленьком клочке бумаги.

— Э-э, скажите, пожалуйста... Где-то полчаса назад сюда должны были зайти две девушки. Лет восемнадцати, высокие такие. Одна блондинка, другая брюнетка...

Бармен направил взгляд в потолок, затем посмотрел на Женьку.

— Были.

— И где они?

— Ушли. Минут десять назад.

Мир рухнул. Все надежды — в прах. Что он наделал! Но почему не приехал сюда сразу!

Что, они не простили бы ему легкую щетину и отсутствие подарков? Ах, осел, осел!

— А может, записку оставили?

— Нет. Да что вы, позвоните им. Ну куда тут за десять минут уйдешь?

Точно! Бегом на улицу, к месту их тусовки! Там они, там!

Кинулся к двери.

— А платить?! — заверещала официантка.

— Сейчас вернусь, вон мои вещи!

Добежал до памятного места. Никого. Направо, налево — никого. «Прикольную» кепочку можно выжимать от пота. Понуро побрел обратно. Вошел в бар, сел за стойку.

— Дай-ка мне, Глеб, горилки.

— С лимончиком?

— С ним. А не слышал ли ты, Глеб, о чем говорили те девушки?

— Да ни о чем. Сели за тот столик, где вы сейчас вещи положили. Официантка спросила, что они будут пить, девушки ответили, что пока ждут друга. Минут через десять она опять подошла, спросила про заказ. Ну, я так понял, девушки напряглись — сидеть просто так у нас не принято, заведение, видите, какое — они объяснили, что приятель еще не подошел. Ну а когда их в третий раз попросили заказать хоть что-нибудь, они встали и ушли — я так понимаю, у них денег не было.

Женька тяжело застонал. Жизнь моя, иль ты приснилась мне...

— Я сейчас задушу вашу придурочную официантку. Она только что лишила меня моей самой большой любви в жизни...

— Да о чем вы говорите! Позвоните, извинитесь за опоздание, да и дело с концом. Я вот и то вижу, как вы переживаете. Неужели ваша девушка вам не поверит?

— Нет у меня ее номера телефона... — Евгений сделал паузу и выпил. — Давай еще.

— Как это нет телефона? — Бармен искренне удивился.

— У всех есть...

— Да и у нее, наверное, есть. Только я номера не знаю. Так вышло. Наливай.

Женька выпил еще — не брало никак. Расплатился, взял свои вещи, вышел в сумерки.

Мимо быстрым шагом шла красивая молодая женщина. Он протянул ей букет:

— Возьмите, пожалуйста!

— Мне? — Она выглядела ошеломленной.

— Спасибо, но зачем?

— Я не буду приставать. Красивый букет — не хочу, чтобы пропал. Возьмите!

Женщина понимающе улыбнулась:

— Что, не пришла на свидание?

— Нет, я сам опоздал. Исправить никак нельзя.

— А что я скажу мужу? Нет, спасибо. Вам удачи, а мне надо идти.

Женька повертел-повертел букет и бросил его в урну. «Зато Оззи я теперь обеспечен до конца жизни», — усмехнулся он.

Взяв такси, он поехал обратно в гостиницу. В номере упал ничком на кровать и застонал. Потом встал, снял пропахшее потом белье, пошел в душ. Глянул в зеркало — глаза красные, будто он рыдал. Может, и рыдал, только не заметил. Оделся, спустился в холл.

Попросил позвонить в агентство, поменять день вылета. Елки-палки, а какие у него были планы на завтрашний день!..

Он подошел к знакомому охраннику:

— А как тут у вас насчет проституток?

— Да так же, как и везде, — спокойно ответил тот. — Называешь возраст, примерные параметры, минут через сорок получишь.

— Так ведь будет страшная.

— Почему страшная? Есть и красивые...

— Слушай, а есть такое место, где их много? Чтобы самому можно было выбрать?

— А, так это в казино. Только там дорого.

— Ну, дорого, так дорого. Зато не ката в мешке...

Евгений вернулся в номер. Он знал, чем обычно заканчиваются походы в казино, поэтому вынул из кошелька все кредитные карты, засунул их под матрац, предполагаемую сумму на проститутку отсчитал и положил в задний карман брюк, остальную наличность — в правый передний. На пару часов должно хватить...

Охранник назвал ему адрес, Женька взял такси и через какое-то время был на месте. Он прошел в зал, сел за покерный стол, но не прошло и десяти минут, как плюнул, не стал дожидаться, пока кончатся все жетоны, собрал их и обменял в кассе. Остановил пробежавшего мимо официанта с подносом:

— А где тут проститутки?

— В баре, на втором, — ответил тот, даже не притормозив.

Евгений поднялся по узкой лестнице. Грохочущая музыка больно била по голове. Он пристроился у стойки и обратился к бармену:

— Как зовут?

— Михаил, — последовал бодрый ответ.

— А что, Михаил, виски есть?

— Есть!

— А «Чивас»?

— Вам какой?

— Двойной! — сказал Женька, решив, что удачно пошутил. Вот какой интересный вид виски — «двойной»! — Двенадцатилетний! — Пригубив, поинтересовался: — А что, Миха, бабы у вас есть?

— Да полно. — И бармен показал глазами в зал. На низких кожаных диванчиках сидели расфуфыренные девицы — пили чай, спорили, кто-то поглаживал, расстегнув рубашку, грудь подвыпившего мужика. Заметив, что Евгений проявил интерес, от группы отделилась эдакая бой-баба, подошла к нему и улыбнулась:

— Симпатичный молодой человек, а скучаете в одиночестве. Вам девушка нужна?

— Такая, как ты, — нет, — грубо ответил Женька, но тут же пожалел. Девушка на работе, в конце концов, свой кусок хлеба добывает. Не нравится тебе — сиди в гостинице. Но извиняться не стал, да и дамочка, гордо выставив вперед свое главное достоинство — безразмерные сиськи, удалилась.

Он сделал, что называется, «добрый глоток».

К стойке подплыла женщина, которая, с поправкой на профессию, потасканность и нездоровый образ жизни, была бы довольно красивой. Она достала сигареты, села рядом. Михаил с готовностью поднес ей зажигалку. Дама глубоко затянулась и строго посмотрела

на Евгения:

— Что же это вы, молодой человек, девушек наших обижаете?

Женька пригубил виски:

— Извините. Я сейчас не в духе.

— Ну, — заулыбалась дама, — это поправимо...

— Увы, нет. Ни одна женщина в мире не заменит мне ту, которую я только что самым глупым и бессмысленным образом потерял.

— Но можно хотя бы попробовать. — Она опять улыбнулась.

— Нет, это теперь со мной на всю жизнь.

— Да-а, — протянула незнакомка. — Может быть, есть желание поделиться?

— Абсолютно нет. А что, у вас тут принято в жилетку плакаться?

— Каждый день — жены достали, подруги плохие... А мы утешаем. А ваш случай действительно такой трудный?

— Да. Я на каких-то полчаса разминулся с моей единственной любовью...

— Ба! — Тут дама, наконец, проявила искренний интерес. — И что, неужели невозможно ее отыскать?

Женька представил, как в эту самую минуту, хватив водки, на старой потертой кушетке под тяжестью безотказного соседа или прыщавого бывшего одноклассника Оксана лишается так надоевшей ей девственности, и сказал по слогам:

— Аб-со-лют-но.

— Тяжелый случай. Ну хочешь, мы тебе девчонок подберем заводных? Двоих сразу? Они всю твою тоску-печаль до утра разгонят! А, кстати, что это у тебя за выговор такой?

— Это у вас выговор. А у меня нормальный грамотный русский язык.

— А-а, понятно. Ты знаешь, москвичам наши девушки очень нравятся!

— Не сомневаюсь. Мне девушки тоже всегда разные нравились. А две последние недели — только одна.

И тут Женька почувствовал, что опьянел. Ему вдруг показалось, что если сейчас, немедленно он отправится в тот бар, то там найдет своих подружек. Ну конечно же! Оксана с Ириной побродили, погрустили, потом поняли, что он не смог вылететь указанным рейсом и вылетел следующим. А вдруг они будут ждать его в баре до упора — ну, допустим, до полуночи? И он их там будет ждать до полуночи — ведь все это ясно, ясно, ясно!..

— Как тебя зовут? — спросил он у женщины.

— Зови Мариной.

— Вы тут до которого часа?

— Пока всех не разберут — до трех обычно.

— Я так понимаю, ты тут главная? Я отлучусь на пару часиков. Давай, если снова сюда соберусь, я тебе позвоню, а ты скажешь мне, есть ли еще девчонки, и оставишь парочку. Идет?

— Да без проблем, записывай номер.

Евгений махнул еще «на дорожку» и помчался в памятный бар. Вел он себя ужасно. Наорал на официантку, которая, по его мнению, прогнала Оксану и Иру, пересадил из-за «своего» столика парочку, выбегал на улицу «прочесывать» Крещатик, пил с барменом Глебом горилку, пил с Глебом виски, пил с Глебом текилу...

Вскоре он опять оказался в казино. Забраковал почти всех Марининых девушек, хотя были и такие, на которых, в трезвом виде гляючи, можно было в обморок рухнуть от

счастья. Но это на свежую голову, а в пьяном угаре — подавай нам царицу морскую! Еле-еле — непонятно, кто тут кого уговорил, — с двумя девками сел в такси. Сунул охраннику пару заветных гривен и оказался с гостями в своем номере. Девочки побежали в ванную пудрить носики, он достал из мини-бара маленькую бутылку виски и высосал ее через узкое горлышко. И тут в голову ему пришла ужасная мысль — у него ведь нет ни одной фотографии Оксаны! Где только их с Оксанкой не щелкала Ира! Оксана снимала его на свой мобильный, а он... он ни разу ее не сфотографировал! Женька сполз с кровати на пол и заплакал пьяными слезами.

Что девочки-проститутки? Они работают в одном из самых больших казино города Киева, вахту несут ежедневно. Наверняка среди их клиентов были толстые банкиры — любители «клубнички», бандиты с перебитыми носами, депутаты-извращенцы, спортивные функционеры, вороватые кассиры и менеджеры низшего, среднего и высшего звена. Им предлагались всякие «штучки» и за достойную плату принимались. Чем еще их можно было удивить? Но вид рыдающего парня, сидящего на полу и размазывающего по щекам слезы, сразил путан наповал.

— Наверное, у мальчика был тяжелый день, — сказала та, что назвалась Олей.

— Наверное, надо бы меньше пить... — шепотом отозвалась Карина.

— Девчонки, отправляйтесь домой. Или опять в казино. Не до вас мне сегодня... — устало пробормотал Евгений.

Уговаривать их не пришлось. Они быстро оделись, и уже на выходе Оля сказала:

— Ты, главное, не мучай себя, все пройдет. Перетерпеть надо. Уж я знаю, что говорю. Ну пока, миленький! Ты же просто душа. Ну зачем так убиваешься? Ну прощай, пока-пока! — И дверь захлопнулась.

Он кое-как снял обувь, лег на кровать, положил голову на подушку и отрубился, иного слова не подберешь.

Утро. Обычное похмельное утро. Сначала понимаешь, что встать не можешь, потом приходит мысль, что все-таки подниматься надо. И так, в борьбе с самим собой, возникают душ, аспирин, чай, рвота, чай, анальгин, рвота, много-много питьевой воды, опять душ. Мама, кто я?

В этот раз такси Женька вызвал по телефону. Хмурым было утро, хмурыми были небо, люди, жизнь, таксист был тоже хмурый.

— Браток, не куришь, не? Не возражаешь, я закурю?

— Я с похмелья...

— А я тебе вот так сейчас окошечко открою... Ага, с ветерком!..

— Ну, если тебе не жалко, что я обивку сидений твоего нового «хендая» заблюю, тогда кури...

— Нет, что ты, браток... Это не надо, у меня пакетик есть, пакетик есть... Вот, ага...

Женька доехал до Борисполя — ну как не укачало, вот сила воли! В первом же туалете вывернуло его наизнанку. Вот как с этим бороться? Атомную бомбу человечество выдумало, а таблетку от похмелья — все никак. Аспирины-анальгины — словно мертвому припарки. Нет, ну как это Черчилль каждый день пил? И Хемингуэй, говорят, каждый день пил? Вот здоровья, видимо, было!

В аэропорту у стойки регистрации хотелось просто умереть, перед пограничниками хотелось умереть красиво, *auto da fe*. Ходил взад-вперед по залу ожидания и вдруг застонал от собственной глупости. На работу — послезавтра! Не завтра, а послезавтра! Он же билет

из-за Оксаны поменял! Нет, такому тупице красивая девушка не нужна — она же с ним повесится через месяц! Пошел в бар, спросил у молодой женщины за стойкой:

— А тройной виски можно?

— Можно, — без тени удивления ответила та.

— И «перрье», пожалуйста.

— Можно.

— И лимончик.

— Можно.

Евгений все это выпил залпом. Было немножко стыдно, он оглянулся по сторонам — никому до опохмеляющегося командировочного дела не было. Ему «похорошело» очень резко, на лбу выступил пот.

— А теперь чайку можно?

— Можно, — ответила буфетчица.

— А вы симпатичная, — сказал Женька.

— Да и вы ничего, — заулыбалась она. — А кепочка у вас — так просто отпад.

Евгений посмотрел на часы. Времени хватает. До чего? До вылета самолета? А еще для чего хватает? Да для всего. Он молодой, сильный, среднеобеспеченный. А скоро так и вовсе будет «немножко богатый». Упустил Оксану? А кто сказал, что упустил? Разве есть препятствия для любящего сердца? Она же сама сказала: «Захочешь, приедешь, несмотря ни на какие преграды». Мы живем в двадцать первом веке, веке космических скоростей и возможностей. Например, на киевском сайте знакомств — неужели у них нет такого? — он составит анкету, сделает фотографии фас-анфас, чтобы его можно было точно узнать, и каждый день, сколько бы это ему ни стоило, будет вывешивать анкету на всеобщее обозрение с подписью: «Любимая, откликнись!» А в самой анкете опишет историю их знакомства и тусовочное место — может, если не Оксана с Ирой, то хоть подружки увидят и им передадут. Он попросит прощения за свое глупое опоздание, напишет, что будет любить ее всю жизнь... И что она была не права, отвергая великое изобретение человечества — мобильный телефон...

— Девушка! А можно не порцию, не две порции, а полпорции?..

До две тысячи четвертого года, когда у Олега спрашивали, чем он занимается, он отвечал — делами, и это было чистой правдой. Каждый день он встречался с «нужными» людьми, расспрашивал о проблемах и, узнав, что может на посредничестве немного «срубить», знакомил с другими «нужными». Когда проблем не было, просто общался, внимательно слушал и наматывал на ус. Постепенно он заработал себе репутацию человека, «решающего вопросы». Знакомые приводили своих знакомых, те, в свою очередь, следующих... Вертясь, как белка в колесе, часто Олег действительно кому-то помогал. Он оформился у приятеля обычным менеджером — просто, чтобы стаж не прерывался, сам же не имел ни офиса, ни стационарного телефона. Машина у него была четырехлетняя, но никто же не будет на спидометр смотреть, определяя пробег. А так, приехал на «лексусе» серьезный молодой человек, со знанием дела — причем любого дела, от таможни и товарных поставок до сомнительных «серых» финансовых операций, — поговорил, бах, через пару дней знакомит бизнесмена с генералом или с другим нужным бизнесменом — вопрос решен.

Но, конечно, хотелось иметь свое дело, какой-нибудь узнаваемый бренд. Мечты заводили далеко — от копченой колбасы до карамелек в ярких пакетиках, лежащих на стендах у каждой кассы в «Перекрестках» или «Копейках»... Однажды, опуская в ячейку Внешторгбанка на Кутузовском очередную «зеленую» пачку, Олег обнаружил, что накопленных средств вполне должно хватить на небольшое производство. Хмыкнув, он принял решение и на следующий день побежал в «Магазин готового бизнеса» на Воронцовскую изучать предложения.

Через месяц Олег уже был владельцем цеха в Мытищах по производству сэндвичей. Вся Ярославка в обе стороны была заставлена щитами с изображением упаковок его сухариков, орешков и семечек, снималась телевизионная реклама, пространство перед зданием с утра до вечера занимали «ЗИЛы»-бычки, «Газели», а иногда и «КамАЗы» из Твери, Иванова, Владимира и прочих близлежащих мест, так что самому припарковаться было негде. Рядом с офисом из пеноблоков возводился склад готовой продукции, который ему обещали дать в аренду. В офисе толпились пришедшие наниматься на работу будущие менеджеры по продажам.

Спустя некоторое время Олег с удивлением обнаружил, что, несмотря на все предварительные расчеты-пересчеты, денег он тратит гораздо больше, чем зарабатывает. Он узнал, что сухарики и семечки любят не только люди, но и мыши, что сырье может портиться от сырости, а вкусовые добавки не всегда соответствуют объявленному вкусу. Что спалить в печи для обжарки тонну дорогостоящего фундука — три доллара за килограмм! — для забухавшего печника не проблема, что товар за «живые» деньги приобретают неохотно, а в основном берут на реализацию и оплачивают с трудом и без особого желания. Понял, что «вход» в тот же «Седьмой континент» стоит минимум двадцать «штук», что управляющий подворовывает деньги, водитель — сырье, а фасовщицы — готовую продукцию. Он дневал и ночевал на производстве, купил дополнительное оборудование, но все впустую. Мысль послать все к черту приходила на ум все чаще и чаще. К тому же его рекламный бюджет по сравнению с бюджетами таких монстров, как «Три корочки» и «Кириешки», был не просто несопоставим — его нельзя было разглядеть в лупу.

В таком режиме Олег провел девять месяцев, но нормальный бренд родить так и не сумел. Потихоньку, втайне от коллектива, он уже вел переговоры о продаже бизнеса, решив зафиксировать убыток, — хрен с ним со всем... Но тут ему неожиданно подфартило — один умный человек сообщил, что «Сибирскому берегу» не хватает мощностей для собственного производства, они размещают заказы везде, где только можно, и предложил свести с нужными ребятами.

Скоро Олег тупо работал на давальческом сырье, занимаясь исключительно фасовкой, иногда чистил семечки от пыли и грязи да жарил их для других производителей. Офис за ненужностью он сдал в аренду, от склада, так как коробки с готовым товаром у него забирала ежедневно, отказался, половину народу уволил. Впервые появилась вполне осязаемая прибыль. Вздохнув полной грудью, он вдруг понял, что невероятно устал за этот год и неплохо было бы отправиться в отпуск — лето ведь! Но валяться на пляже с книжкой в ожидании вечера, вина, венерических телок и бойких аниматоров, — увольте! Он созвонился с Sodis и запросил путешествие в Лондон на «Live 8». Представитель фирмы долго извинялся, но пообещал только гостиницу, визу и билеты на самолет. Билеты на концерт — сами, пожалуйста.

Олег вспомнил, как как-то поил водкой англичанина родом из Бирмингема, управляющего российской компанией. Набрал номер его телефона, объяснил проблему, и тот пообещал помочь на месте — британец в то время собирался отдыхать на родине. Не откладывая, Олег поехал на Гоголевский бульвар оплачивать поездку. Все его друзья были женаты, и если бы он пригласил кого-нибудь с собой, это означало, что лететь пришлось бы толпой и тратить дорогое время отдыха на остальных. Он же слишком любил музыку, чтобы отвлекаться. Да и вообще, он привык к одиночеству, его оно не тяготило.

Олег вылетел заранее, хотел пройтись туристическими маршрутами, до которых еще не добрался, — он был в Англии в две тысячи третьем году, вот тогда они с друзьями точно отдыхали толпой — прибыли-то на футбол. «Арсенал» — «Манчестер Юнайтед», Hibernia, 2:2, какой там St. Paul's Cathedral, какой Westminster Abbey! Пили до матча, после матча, в самолетах, в гостинице и, конечно, в марокканских, индийских, итальянских ресторанах — тогда не захотели испытывать желудки так называемой английской кухней, наслушавшись дурных слухов. А зря — бифштекс с яйцом и репчатым луком — это же объеденье! Впрочем, в Британский музей они все же забрели и долго фотографировались на фоне ассирийских и египетских древностей.

На сей раз путешествие обещало быть спокойным. Новая книжка Дмитрия Быкова не давала скучать. Но после приземления сразу в аэропорту начались приключения. Сначала из длинной очереди полицейские выхватили нарушителя и еле-еле впятером повалили того на пол, скрутив руки и надев на него наручники. «Вот он, звериный оскал капитализма», — с улыбкой подумал Олег. Затем его вывел из себя immigration officer, дотошно выпытывающий цель прибытия. Объяснения о «Live 8» его не удовлетворяли — он затребовал билет. Дело в том, что в открытую продажу билеты не поступали — их разыгрывали в лотерею через Интернет. Олег даже вспотел, доказывая, что билет ему передадут друзья перед концертом. По дороге из Heathrow он попал в пробку — перекрыли целую полосу движения. Когда тронулись, стало понятно, в чем дело, — на обочине догорал автомобиль BMW. Олег понадеялся, что это последняя неприятность, которая ему здесь встретилась.

Гостиницу ему подобрали на уютной Kensington road. Тихо, спокойно, через дорогу парк — красота! На ресепшен девушка-администратор взяла у него документы и попросила

подождать в лобби. Некоторое время он листал журнал, который нашел на столике. Подняв глаза, увидел, что она подзывает его рукой. Он подошел. Попытался составить фразу на ломаном английском, но она улыбнулась и с каким-то непонятным, необыкновенным акцентом произнесла:

— Вы можете говорить по-русски — я хорошо понимаю.

— Ух ты, — удивился Олег. — Откуда вы знаете язык?

— Так, — девушка покачала головой, — слушаю, запоминаю...

— Где, здесь? Бывает много русских?

— Не-э-эт, — засмеялась она. — Дома, в Литве. В Клайпеде. — Название города она произнесла с ударением на предпоследнем слоге.

Олег внимательно пригляделся к ней — на вид не больше двадцати, наверняка учить русский в школе ее не заставляли. Тем не менее он не удивился — ему раньше приходилось общаться с прибалтами — все говорили на великом и могучем вполне сносно.

— Но я там бываю не часто, — продолжила девушка. — Я здесь семь лет. Уже. Учусь, работаю...

— Вас как зовут? — спросил Олег.

— Лида.

— А меня — Олег.

— Знаю, — опять улыбнулась девушка и показала на его паспорт.

— Очень приятно, — почему-то смутился он и взял ключ от номера.

Номер был нормальный — не сказать, что просторный, но... нормальный. Олег поплескался под душем, переоделся и отправился на прогулку. Выйдя в холл, он бросил взгляд на ресепшен. Лида улыбнулась ему и помахала рукой. Первым делом он направился, конечно, в Kensington gardens — за прудом в Hyde-Park уже вовсе шло приготовление к концерту, возводилась сцена. Все утопало в цветах, бродили розовые фламинго, по веткам деревьев прыгали белки. На газонах тут и там лежали люди, кто-то ел, кто-то спал, накрыв лицо книжкой. В руках Олег держал путеводитель. Следуя его указаниям, он пешком по Knightbridge, а затем Piccadilly дошел до одноименной площади, от нее — к Trafalgar Square. Там попросил добрых то ли аборигенов, то ли туристов сфотографировать его на фоне адмирала Нельсона. Перекусив в первой попавшейся забегаловке резиновой едой и выпив красного пива, по The Mall пересек St. James's Park по направлению к Buckingham Palace, где опять-таки при помощи прохожих долго фотографировался у памятника королеве Виктории, на фоне дворца и гвардейцев в мохнатых высоких шапках.

Он безмерно устал, но не стал откладывать свою мечту — взял такси и поехал в St. Paul's Cathedral. Походил, открыв рот, посмотрел, восхитился, сфотографировался.

В холле гостиницы ему вдруг захотелось подойти к Лиде и сказать ей пару добрых слов, но вместо нее за стойкой трудился бодрый афробританец. Съев какой-то салатик и выпив пива, Олег поднялся в номер. Спал он как убитый.

Следующий день он посвятил магазинам. Harrods показался ему дорогим, но пару галстуков и замшевый пиджак он себе купил. В Selfridges набрал кучу дизайнерских вещей, оттащил все в гостиницу. Быстро перекусив, поехал на Stamford Bridge за футболками для друзей и их детей — после покупки Абрамовичем «Челси» клуб вошел в России в большую моду. Походил по местному музею, в магазинчике купил сувениры, посетил бар. Цены в заведении были по карману разве что Абрамовичу, но Олег не удержался, выпил водки — пусть видят, кто к ним пришел! Быстро распознав в госте русского, бармен засуетился. Знай

наших!

Как и было запланировано, вечером он встретился с бирмингемским товарищем и его русской девушкой, которую тот привез специально на Live 8. Хорошо посидели в итальянском ресторане. Юная москвичка с торчащими грудками бойко болтала со своим иностранным другом, не забывая кокетничать и с Олегом. Приятель не позволил заплатить — мол, мы, англичане, тоже знаем, что такое гостеприимство (наверное, в России научили). В очередной раз он пообещал билет на завтрашний концерт, сказав, что передаст его перед началом, и они тепло простились.

Очень хотелось сходить в какой-нибудь клуб, но Олег побоялся, что на радостях напьется. День концерта был слишком важен — решил выспаться.

Утром его разбудил звонок с Родины — на фирму пришла, наконец, важная бумага, которую он давно ждал. Помощница пыталась сбивчиво объяснить суть документа, но Олег попросил бумагу отсканировать и выслать ему на электронку. Сканер, оказывается, сломался. Олег предложил отослать документ по факсу и отправился вниз узнать номер. На ресепшен опять была Лида. Она назвала цифры и поинтересовалась:

— Вы идете на Live 8?

— Да, вот прямо сейчас.

— А ко мне приехали подруги из Ирландии. Мы тоже хотели попасть на концерт, но билетов нет. Будем просто общаться.

— Ирландки?

— Литовки. Они там живут.

— Да, жаль. Вы до ночи работаете? Я смогу у вас забрать факс?

— Нет, я меняюсь. Но ничего страшного — я живу здесь, в отеле, на втором этаже. Заходите после концерта в двести одиннадцатый номер — я там буду с подругами... скучать.

Олег сначала не сообразил, что ему ответить на столь двусмысленное предложение, и чуть смутился:

— Да зачем вам себя утруждать? Оставьте факс сменщику, я заберу у него.

— Не-эт... — засмеялась Лида. — Он его... потеряет. Так зайдете?

— Да, — пообещал он.

— Я вас жду, — опять улыбнулась Лида.

На вкус Олега девушка была крупновата, но не ответить на такое предложение было бы невежливо. Впрочем, до вечера было далеко, решение можно принять и после...

Позавтракав, рванулся в бой.

Сначала удивил бирмингемец. Он долго мычал по телефону, путано объясняя на ломаном русском, что какая-то плохая женщина принесла только два билета вместо обещанных трех, вот такая она нехорошая... Короче, надул буржуй.

Вход в Gyde Park со стороны Kensington road был закрыт. Он пешком пошел к Mapple Arch. По дороге вилась огромная очередь. У метро Олег пристал к волонтеру, тот снабдил его программками, но на вопрос о билете только развел руками. Но Олег был чрезвычайно настойчив. И волонтер повел его к каким-то мужикам в желтых жилетках. Один из них отвел его в сторону и вытащил из кармана несколько билетов.

— Двести пятьдесят фунтов, — не моргнув глазом, объявил наглец.

Олег торговался так, как не торговался на Черемушкинском рынке с азербайджанцами, но тщетно. Махнув рукой, отсчитал деньги, взял билет и пошел к очереди.

Несколько молодых людей озирались по сторонам в поисках полицейских и, не найдя

их рядом, бодро перепрыгнули через барьеры, отделяющую толпу от проезжей части. Не долго думая, Олег последовал их примеру — перспектива три, а то и четыре часа провести в очереди его не вдохновляла.

Скоро вместе со всем этим человеческим роем он попал внутрь. Сразу купил несколько футболок с символикой «Live 8» и пошел искать себе место, где ему предстояло провести девять часов. Но только опытные фаны, да еще с честно доставшимися билетами, пришли к парку в два часа ночи и к полудню были уже у сцены. Олег же в трехстах метрах от нее уперся в стену из людей — дальше идти было невозможно. Он смирился — в девяносто первом в Тушине он тоже не смог добраться до сцены, на которой вскоре должны были появиться Metallica и AC/DC, и это оказалось к лучшему — народ стал швырять бутылками в ОМОН, а тот этот народ начал лупить дубинками. Нет худа без добра.

Опыт — важная вещь. Еще в очереди Олег обратил внимание на людей с рюкзаками. Добравшись до места, они вынимали из них либо одеяла, на которых отдыхали в перерывах между песнями, либо маленькие складные стульчики. Через пять часов мысль взять с собой большой полиэтиленовый пакет, чтобы сидеть на нем, а не на траве, перестала казаться ему гениальной.

Но когда вышли Боно, сэр Пол Маккартни, все остальное стало казаться несущественной мелочью, но лишь до определенной поры. Избалованный VIP-зоной «Олимпийского», где всегда можно встать и выйти в туалет, на улицу подышать, а то и выпить виски, Олег стал испытывать дискомфорт. Впрочем, и здесь народ умудрялся себя то ли взбадривать, то ли расслаблять — и слева, и справа от него граждане, сидя на корточках, деловито скручивали косяки, видимо, помогали бороться с бедностью жителям Афганистана и Колумбии.

Прямо перед ним физически крепкий шотландец без устали размахивал своим национальным флагом так долго, что Олег даже сначала решил, что тот на время каким-то образом прикрепляет древко к спине для отдыха. Но нет, он так несколько часов и держал его в руках, закрывая весь обзор. Когда Олег сел на свой пакет, обязательно кто-то куда-то шел. На него наступали, разлили кофе (с молоком), через час уронили кусок пиццы (много кетчупа). Он решил, что должен попытаться выйти, хотя вероятность вернуться обратно равнялась пяти процентам. Он поднялся и пошел за своей долей фаст-фуда, в это время мимо промчались человек десять секьюрити, сметая все и всех на своем пути.

У каждого выступающего звук был разного качества, и звучание было не ахти. Билл Гейтс долго о чем-то рассказывал, после него на сцене появился Крис Мартин из Coldplay. Его громко поприветствовали, но все же не так, как Keane, а похожему Travis, надрываясь, подпевали все. Не обошли вниманием и вялых R.E.M. Элтон Джон был воспринят художественно — да он и не особенно напрашивался. На всяких там Ms. Dynamite, Joss Stone, Snow Patrol Олег вообще не обратил внимания. Razorlight, Velvet Revolver показались ему актуальными героями, эдакий настоящий рок-н-ролл, но до великих образцов данного музыкального направления они явно не дотягивали. То же самое — Stereophonics. Ярче всех заявили о себе Мадонна и Snoop Dogg, просто потому, что постарались сделать профессиональные шоу, безусловно, первая в большей степени, чем второй. UB40 были скучны, Black Eyed Peeds, наоборот, веселы, отвязны, жизнерадостны. Dido по-прежнему не хватало чего-то для пения вне студии, Мэрайю Кэйри и Робби Уильямса публика явно заводила и, пожалуй, придавала сил. Все песни последнего были на «ура», что дало повод Олегу в лишней раз убедиться во всеядности этой самой публики.

Зачем-то успел на сцене побывать Бред Питт, который говорил тихо и невнятно. Настоящим оратором оказался Уилл Смит, чье выступление транслировали на огромных экранах по бокам сцены. Он настолько сумел завладеть общим вниманием, был настолько убедителен и искренен, что Олегу даже подумалось — вот он, очередной американский актер-губернатор. И безусловно, овацией встречали каждый выход на сцену Боба Гелдофа, говорившего умные и правильные вещи, а один раз даже спевшего.

В финале появились Pink Floyd. Ранее Олег живьем слышал одни и те же песни в исполнении Дэвида Гловера и Роджера Уотерса, но что это было по сравнению с тем, когда они выступили вместе! Неизвестно, посвятили ли Pink Floyd до этого какое-то время репетициям, но вряд ли они были нужны — как же слаженно играли кумиры прошлого поколения! Вот это действительно «тряхнуть стариной»!

Завершал концерт Пол Маккартни. Потом на сцену вышли все артисты, которые к тому моменту еще остались. Зрители поплелись к выходам.

Ноги и спина у Олега гудели невероятно. В голове в такт пульсу стучала одна мысль: есть-пить. Пешком в гостиницу было идти всего ничего, но он взял такси, иначе бы упал на полпути.

В гостиничном баре толпилась куча народу. На экранах телевизоров крутили фрагменты концерта. Посетители расхаживали с бутылками в руках. Он тоже выпил пару пива, съел три сосиски — явно полегчало — и отправился к себе. Открыв дверь, Олег увидел просунутую под дверь записку: «Факс у меня. Заходите. Ждем». Он застонал. Сил не было ни на что, но нельзя же уронить честь России...

Олег взял бутылку виски, купленную еще в шереметьевском Dute Free, засунул ее в пакет и пошел в двести одиннадцатый номер. За дверью на втором этаже было шумно. Он постучал. Открыла ему Лида в простой розовой футболке и широкой юбке.

Увидев Олега, она обернулась и громко крикнула:

— А вот и он — гость из Москвы! — и втащила его в комнату.

Обстановка мало напоминала гостиничную — здесь имелся кухонный отсек, на плите стояли кастрюльки, угол занимал огромный холодильник. Номер был двухкомнатный. Вещей — всяких подушечек, разбросанных компакт-дисков, тапочек — казалось слишком много. К стенам были прикреплены полки, на которых стояли книги. На маленьком письменном столике стоял раскрытый ноутбук.

На диване сидели две девицы. Одна, положив ногу на ногу, устремила задумчивый взгляд в потолок, другая, наклонившись над столиком, заставленным пивными бутылками, старательно пыталась затушить сигарету в большой пепельнице, полной окурков. Обе были не слишком симпатичные внешне — во всяком случае, хуже Лиды.

У Олега был грех — он плохо запоминал имена девушек, вот и в этот раз в его памяти ничего не отложилось.

— Факс можно посмотреть? — спросил он у Лиды.

— А... Вот. — И она подала ему конверт.

Олег развернул бумажку, быстро пробежал ее глазами, удовлетворенно хмыкнул.

— Виски будете? — Он достал из пакета бутылку.

Лида переспросила у девушек по-литовски, те громко захихикали.

— Будем, — за всех ответила хозяйка.

По телевизору, стоящему в углу, показывали в записи лучшие моменты Live 8.

— Лучше бы посмотрел концерт по TV, — сказал Олег. — Живьем тоже ничего, но

устал страшно.

— Да?! — воскликнула Лида. — Расскажите!

Пока она доставала бокалы и газированную водичку, Олег вспоминал все самое интересное.

Они выпили по чуть-чуть. Если в разговоре подруги что-то не понимали, Лида переводила на литовский. Олег стал хмелеть, отпускать шуточки, сопровождая их жестикуляцией, все смеялись. Неожиданно он заметил, что левая рука Лиды прочно обосновалась на его правой коленке. Смеясь, она хлопала по ней, иногда поглаживала.

— Хорошие девушки, — прошептал он ей на ухо. — Мне казалось, в Прибалтике русских не очень любят.

— Это только националисты. Все люди разные, есть хорошие, есть плохие...

Когда бутылка опустела наполовину, подруги Лиды знаками стали показывать, что они — все.

Лида пояснила:

— Девушки хотят спать.

— Конечно, конечно, я пойду, — тут же вскочил он.

— Я провожу, — тоже встала Лида.

Олег стал прощаться, что-то спьяну произнес о дружбе народов. Подруги опять засмеялись. У двери Лида взяла его за локоть и крепко прижалась своими арбузными грудями.

— Хочешь, — зашептала она, в первый раз за вечер обратившись к нему на «ты», — я к тебе приду?

— Я не против... — пробормотал Олег.

— Я быстро! — весело сказала Лида и чмокнула его в щеку.

Олег шел к лифту, думая о том, что обычная поездка вдруг превратилась в секс-туризм.

Через пятнадцать минут в номер тихонько постучали.

Он открыл, Лида быстро втиснулась в полураскрытую дверь.

— Не хочу, чтобы заметили, — пояснила она, взяла его лицо в ладони и принялась жарко целовать, подталкивая к постели. Через минуту она стала стягивать с него одежду.

Олег обычно сам играл первую скрипку, но тут быстро сдался — Лида была очень настойчива и нетерпелива. Кровать под ними скрипела так, что он успел подумать — не сломались бы ножки. Во время оргазма Лида укусила его за плечо. Она была неутомима, но богатый событиями день вконец сломал Олега — спать хотелось нестерпимо.

— Мне уйти? — спросила Лида.

— Нет, что ты. — Олег испугался, что другой ответ обидит ее. — Оставайся, если хочешь.

— Я думаю, у меня просто нет места.

— Да, конечно, какие вопросы... — пробормотал он, засыпая.

Проснулся Олег от поглаживаний. Лида смотрела ему в глаза и улыбалась. В окно сквозь толстые шторы пыталось пробиться яркое солнце.

— Доброе утро! — сказала Лида. — Ты храпишь. Русский медведь!

— Извини.

— Нет, ничего. Я вообще плохо сплю рядом с мужчиной.

— Ну, — пытался пошутить Олег, — завтра я улечу, выспишься.

— Не думаю, — ответила Лида и, заметив мелькнувшее у него на лице разочарование,

добавила: — Я тебя специально поддеваю. Конечно, выплнюсь. Только не сегодня. ОК?

— Договорились, — вставая, произнес Олег. — Я в туалет и сразу назад — хорошо?

— Давай быстро! — крикнула она ему вслед. — Очень-очень быстро! Я сегодня выходная!

Планы на день изменились. После утреннего секса Лида ушла к подругам — Олег предложил всех троих отвести в индийский ресторан, который ему они же и нахваливали.

Индийская, преимущественно вегетарианская, кухня ему нравилась. Разные там панированные и запеченные в тандуре кусочки курицы он никогда не заказывал, налегал на перченые закуски с множеством соусов, уплетал за обе щеки. Он увидел на столике спичечный коробок, на котором рядом с логотипом заведения была надпись «Лондон — Париж — Нью-Йорк — Бомбей», из чего следовало, что ресторан им попался не рядовой. Вино пили сначала по чуть-чуть, потом разошлись. Олег было обмолвился, что напоследок собирался по городу погулять, но, встретив взгляд Лиды, сразу осекся. И правда — ну чего он в этом Лондоне не видел? А рядом — пышущая здоровьем и неутомимой энергией молодая женщина с пылающими после нескольких бокалов вина щеками.

После обеда подружки Лиды куда-то отправились, а распалившаяся парочка чуть ли не бегом вернулась в отель.

Теперь времени у них было больше, все происходило медленнее и чувственнее, но многострадальное плечо после укуса оказалось еще и расцарапанным. Олег представил, как будет давать объяснение по поводу раны своим друзьям в бане, и улыбнулся. Девушка призналась, что чувствует себя «настоящей развратницей».

Ночевать Лида пошла к себе — надо было выспаться перед сменой.

Утром Олег отругал себя за лень, поддавшись которой он не собрался вечером. Чемодан не закрывался, сумка раздулась, как у челноков в девяностых. Дождаться такси он пошел в лобби. Лида сама его выписывала, внешне строгая — стеснялась коллег, — она иногда дотрагивалась до его руки. Никаких прощальных слов друг другу они не говорили — понимали, незачем. Однако Лида размашистым почерком написала на маленьком листе бумаги свой телефон — на всякий случай.

Перед выходом он обернулся, она помахала ему рукой и улыбнулась.

В самолете место Олега оказалось рядом с креслом полуизвестного полуолигарха, также летевшего с Live 8. Обратный путь они посвятили, во-первых, обсуждению концерта, во-вторых, по русской привычке бутылке виски.

А пятого июля он вышел на работу.

Шестого Лондону предоставили право проведения Олимпиады-2012.

Седьмого в столице Великобритании фанатики-террористы взрывали поезда метро и автобусы. Мир — куда ты катишься?!

Как-то спяну Олег послал Лиде эсмэску. Ответ пришел немедленно, причем прописными буквами, то ли таким образом она пыталась придать дополнительный вес своим словам, то ли, что скорее всего, такой была настройка в мобильном. Со временем это стало ежевечерним развлечением. Он в основном писал, что скучает, ее ответы были более разнообразны, но все равно сводились к одному: «DOBRY VECHER, MOYA RADOST! PUST YA TEBE SEGODNYA PRISNUS! POETOMU BESPOCOYNOY NOCHI! NEJNO CELUU! VEZDE!..» Или «MNE TEBYA NE HVATAET. SOSKUCHILAS! BESUMNO HOCHU TEBYA. CELUU!» «ZASYPAU I PROSYPAUS S MYSLYAMI O TEBE! HOCHETSA CELOVAT I OBNIMAT TEBYA VEZDE. AH! HOCHU TEBYA BESUMNO!..»

Олег стал подумывать о том, чтобы слетать в Лондон на пару дней — виза-то ставилась полугодовая, — какие проблемы? Поделится мыслями с одним товарищем, тот ответил:

— Да ты, дружок, поди, влюбился. Конечно, надо лететь. При твоей увлеченности работой скоро сам сухариком станешь. Отдыхать нужно почаще!

Он позвонил Лиде, сказал, что скоро приедет, спросил, когда для нее удобнее это сделать? Она ответила — приезжай, когда сможешь, все равно что-нибудь придумаем.

Чтобы не ставить ее в неудобное положение, через турагентство он заказал гостиницу недалеко от Лидиной и забронировал билеты. Пытался ей сообщить эту радостную вест по телефону — она сослалась на занятость, предложила перезвонить сама. Через несколько часов пришла эсэмэска: «OLEJEK, RADOST MOYA, YA BY TEBYA OCHEN HOTELA UVIDET, NO PARNU, KOTORY SEICHAS SO MNOY, ETO NE OCHEN PONRAVITSA... CELUUNEJNONEJNO...»

«Вот бабы, — удивленно подумал Олег, — и когда только успевают?..» Чувствовалась какая-то уязвленность, разочарование. С другой стороны — ну что это за роман с полетами через всю Европу? Оторви и выбрось.

Через два года он со своей девушкой Светой случайно оказался в Клайпеде. Низкие цены, высокие сосны, свежайший воздух, вкуснейшие копченые свиные уши и приличное пиво поразили его. Как-то вечером они сидели на террасе пригородного ресторана — несколько этажей, музыка, отель рядом — просто чудо, пили пиво. Олег рассказал о своем приключении в Лондоне. Света посмеялась и назвала его кобелем, потом взяла обещание отправиться в Англию вместе. Вспомнились слова Джулиана Барнса: «Обманете вы себя или скажете чистую правду, если станете утверждать, что главные события вашей жизни были связаны, скорее, со сладостным замиранием сердца, нежели с каталогом сексуальных контактов, пусть даже число им тысяча три?»

Джулиан — конечно же с замиранием сердца.

Прощай, Лида.

А, впрочем, все, что ни делается, к лучшему...

Очки и линзы

В «Оптике» на Арсенальной улице девочки работали посменно — парами по два дня. Сегодня трудились Оля и Альбина. Мастер дольше пяти вечера не задерживался, и сразу после этого времени поток клиентов шел на убыль. Днем посетители могли проверить зрение, выбрать очки, заказать линзы, а вечером что? Да ничего. Только изредка звенел на входе колокольчик, извещая, что забрел очередной зевака посмотреть на оправы в витрине за стеклом («ух ты!») и на ценники под ними («фу ты!»).

Оля — стройная высокая девушка с выразительным взглядом и гладко зачесанными назад длинными волосами — училась на заочном. Хотела перевестись на очный и свое пребывание в «Оптике» рассматривала как временное. Альбина нигде не училась, просто работала, все какие-никакие деньги. Рыжеволосая, вся была как огонь: взгляд — огонь, движения — огонь, ну и цвет волос соответственно...

Когда клиентов было мало и стояла хорошая погода, они по очереди выбегали на крыльцо покурить. Но нынешний март был странным для Воронежа — до сих пор лежал снег, днем температура была плюсовая, шел дождь вперемешку с мокрым снегом, к вечеру столбик термометра опускался ниже нуля, и следы на снегу, оставленные бодрыми пешеходами, превращались в обледенелые ямки под названием «эй, прохожий, давай-ка, сломай ногу». Воронеж — не Москва, гастарбайтеров здесь не бывает, ну и понятно, что лед счищать некому. Да ладно, скоро апрель, само растает. В сумерках появлялся холодный пронизывающий ветер, так что черт с ним, с курением, лучше поболтать — кто из подружек с кем, когда. Можно еще полистать журнал или обсудить какую-нибудь телепередачу — темы всегда найдутся.

Однажды звякнул колокольчик и в помещение ввалился мокрый гражданин, которого Оля сразу окрестила «несуразный», а Альбина — «блин, ходят тут всякие». Вид посетитель и правда имел странноватый: на нем был пуховик, здорово под дождем намокший, но расстегнутый нараспашку. Под ним угадывался серый костюм, рубашка была с ярким галстуком, но обулся гражданин зачем-то в белые кроссовки с красными полосками («Белые! Это в такую-то грязь!») — мелькнула мысль у Альбины), а на затылке чудом держалась, явно не по размеру, красная мокрая спортивная шапочка с огромной черной эмблемой «Nike» («Восемьдесят рублей, городской рынок», — подумала Оля).

Гражданин был то ли выпивший, то ли с похмелья, выглядел он явно возбужденно и говорил слишком быстро. Альбина и Оля таких клиентов не любили и всегда старались побыстрее от них отделаться.

— Здравствуйте! — с порога прокричал странный человек.

— Здравствуйте. Что вы хотите? — строго спросила Альбина.

— Э-э, линзы... Линзы одноразовые, тьфу ты, однодневные. Минус два семьдесят пять, какие-нибудь «Джонсон и Джонсон» есть?

— Сейчас посмотрим, — ответила Оля и стала выдвигать полочки шкафа. — Вам сколько пар?

— Одну!

— Одну? — усмехнулась Альбина. — И надолго же вам их хватит?

— Да мне перебиться на вечер, — затараторил гражданин. — Завтра у офиса куплю такие, знаете, на месяц.

— На месяц и у нас есть, — заметила Оля.

— Ага! — торжествующе засмеялся покупатель. — А сколько они у вас стоят?

— Сейчас посмотрю по базе. — Оля взглянула на монитор. — Четыреста восемьдесят рублей.

— Ну вот. А там — триста!

— Велика разница, — пробормотала Альбина. — Шестьдесят рублей за однодневные, будьте добры. И постарайтесь без сдачи.

— Пожалуйста, пожалуйста, — заспешил гражданин и, порывшись по всем карманам, вынул несколько мятых десятирубликов. — Хотя, — неожиданно заметил он, — линзы — это издевательство над глазами. Это ковыряние пальцами под веками, растворы, капли... Уж если выпала судьба родиться очкариком, надо носить очки.

— Тут я с вами согласна, — произнесла Оля. — А что же не носите? Вон у нас какой выбор. — И она указала на стеллажи.

— Эх, да разве это очки, — протянул посетитель.

Альбина чуть не подпрыгнула от возмущения:

— Да? У вас есть лучше?

— В том-то и дело, что нету! Злой рок витает надо мной! Вот уж последние были! Оправа — безободковые Girard-Perregaux, линзы — минус два семьдесят пять, левая с цилиндром — у меня астигматизм — наклон шестьдесят градусов, правая — наклон сто двадцать пять градусов, французские, серый фотохром, антиблик, антинапыление... Но двадцать седьмого декабря на предновогоднем корпоративе выпил я лишнего, а когда приехал домой, выяснил, что забыл ключи на рабочем столе. Неважное состояние организма не позволяло совершить обратный путь, и я прилег на лестнице, чтобы собраться с силами. А очки, понимаете, вещь хрупкая, и потому положил я их не в карман, а на подоконник. Через пару часов, когда необходимые силы накопились и я проснулся, очки обнаружены не были — видимо, проходившие мимо соседи приметили так нужную им в хозяйстве вещь — ну, дужками там землю в цветочных горшках ковырять или еще что — русский народ сообразительный. Так я своих Girard-Perregaux и лишился. Но что я клевету именно на русских — простой люд, знаете ли, он везде одинаков. В апреле две тысячи пятого года довелось мне пребывать в отеле Hilton, что в городе Антверпене, стране Бельгии. Выполнив так называемые «дела», мы с коллегой немного выпили, и я заснул. А проснувшись, решил, что парочка крошечных бутылочек виски из мини-бара не смогут полностью вернуть мне бодрость и свежесть, поэтому я решил навестить своего товарища по командировке, жившего этажом ниже. Отель был устроен по-дурацки, и до лифта нужно было топтать аж в другой конец коридора. С координацией же у меня был непорядок, поэтому я решил наплевать на изыски неизвестного мне архитектора и спуститься по лестнице через так называемый «пожарный выход» — дверь была рядом с моим номером. Обуться, несмотря на все усилия, мне не удалось — пластиковые ложки не очень помогают, — поэтому я просто накинул куртку, нацепил на нос Rodenstock из белого золота и был готов спуститься на один этаж.

— И что дальше? — Альбине уже стало интересно, она даже подперла подбородок кулачком, уперев локоть в стойку.

— Дальше? А что дальше? Буржуи — они умные, выход-то — пожарный, поэтому, если ты попал на лестницу, изнутри дверь ни на один этаж не откроешь. Да оно и понятно — вдруг пожар, паника, так все и кинутся вниз до самого нулевого уровня. Я же был на шестом этаже, товарищ — на пятом. Постучался я, постучался в закрытую дверь, да и устал. Идти на

первый, поверьте, было выше моих сил. Поэтому я решил прилечь прямо здесь, чтобы этих самых сил набраться. А «пожарный выход» в Hilton — это вам, поверьте, не лестница в заплыванной воронежской многоэтажке — мягкий ковролин, тепло, уютно... Но результат тот же самый — золотые очки, пусть и не Lotos, но полторы тысячи евро, тем не менее пропали, плюс ручка Mont Blanc в придачу.

— Не везет вам с выпивкой, — заметила Оля.

— Не то слово! Не то слово! Boucheron с коричневым фотохромом утоплен в Средиземном море во время падения с водного мотоцикла, естественно, в нетрезвом состоянии. Безободковый стальной Alfred Dunhill разбит метким ударом лица об обледенелый сугроб в ночь на первое января две тысячи шестого года в Москве на Мичуринском проспекте, в аналогичном состоянии Rodenstock с костяными дужками погиб от соприкосновения лица с бетонными ступеньками крыльца собственного дома в августе две тысячи восьмого года. До сих пор одна дужка у меня валяется, где вторая — ума не приложу. Flair, не бог весть какие дорогие, но очень изящные, были ласково, заботливо вложены в кармашек переднего сиденья мадридского такси, да там и оставлены. Наконец гордость моя — Alain Mikli — были реквизированы на Новом Арбате блюстителем порядка, которые, заметив подвыпившего гражданина, ловящего такси, с радостью предложили его подвезти до нужного места. Но по дороге сняли еще хронограф Ebel, запонки Dupont и вытащили из карманов портмоне Mont Blanc и телефон Sony Ericsson.

— Неужели они так могут! — выдохнула Оля.

— Конечно могут, — повел плечами посетитель. — Главное, паспорт выкинули в окно и через сто метров остановились. Знали же, что паспорт важнее всего, и я пойду его искать.

— Нашли?

— Нашел. Только радости от этого мало. Еще были Porsche Design, испарившиеся в Барвихе в отделении милиции, — вот исчезли, сеанс магии, и все! Ну а просто раздавленных — это когда вечером на пол у постели кладешь, а утром вскакиваешь и сразу на оправу «хрясть!» — такие случаи вообще можно не считать. Еще бывшая жена во время ссор выбрасывала очки в окно — знала, без «глаз» мне тяжело, но тут уж я почти всегда их находил.

— Ну а сейчас почему очки не купите? — спросила Альбина.

— Почему? — Тут гражданин зло ухмыльнулся. — Тити-мити отсутствуют. — И вдруг, будто вдохновившись новым воспоминанием, продолжил: — Да и не всегда линзы — это плохо! Помню, в далеком девяносто шестом году вынужден я был скрываться от мирового преступного сообщества. Прознав, что я буду скрываться от него в Чехии, его ярчайшие представители рыскали по всем чешским городам и спрашивали у местных жителей: «А не видели ли вы молодого русского, который очень любит выпить и никогда не прочь опохмелиться?» Мирные чешские обыватели честно им отвечали: «Да мы, признаться, только таких русских и видели. О существовании каких-то других русских, то есть не пьющих и не опохмеляющихся, нам и вовсе неизвестно». А я, конечно, провел пару месяцев в Моравии, но потом через Германию, Швецию и Финляндию добрался до Санкт-Петербурга. Пока я совершал свое путешествие, мировому преступному сообществу кто-то ляпнул, что видел меня в Эквадоре. Таскаться по Латинской Америке было чересчур накладно, и мировое преступное сообщество махнуло на меня рукой, вернувшись к своим привычным милым занятиям — проституции, наркотикам, продаже оружия и контролю за горнодобывающими предприятиями. Но я-то этого не знал и считал, что меня по-прежнему

ищут! Поэтому решил изменить внешность. Меня помнили как коротко стриженного очкарика, и я отпустил длинные волосы, маленькую бородку, выкрасился в желто-соломенный цвет, вставил в глаза бирюзовые линзы. Добавим, что мне тогда было двадцать шесть лет, и это, — гражданин похлопал себя по животу, — напрочь отсутствовало. В общем, когда в таком виде — плюс бежевый приталенный пиджак — я впервые вышел на улицу и отправился в модный тогда в Питере клуб «Кэндимен», у девушки, стоявшей на входе, подкосились ноги, и она сразу повисла у меня на руке. После двух бокалов шампанского мы с ней поехали ко мне на съемную квартиру в отдаленном районе. Буквально через два дня я покупал фрукты на Кузнечном рынке, и новое приключение. Девушка, как потом выяснилось, девятнадцати лет от роду, решила поиграть со мной в игру «Кто кого пересмотрит». Ну, понятно, завязался разговор, и через пятнадцать минут она бросила свое рабочее место («Я, вообще-то, учусь, а на рынке маме помогаю») и повела показывать мне красоты города Петра. Девушка была гибкая, стройная и даже умненькая. Но девятнадцать лет, сплошные стереотипы... Каким должен быть настоящий мужчина в различных ситуациях по пунктам — жуть! Три дня меня показывали друзьям и подругам, и всем моя девушка шептала про мои глаза. Блин, но это же были линзы! Со временем мне надоело их постоянно чистить, волосы стали отрастать и показались темные корни. Красить их вновь я посчитал занятием педерастическим, бородку сбрил, да и волосы потом остриг. Линзы выкинул, достал из очешника очки, с гибкой красавицей поругался — как сейчас помню, в клубе «Планетарий» выпил лишнего и поехал домой транзитом через казино, оставив ее в компании своих якобы модных друзей, — тут и появилась в моей жизни девушка Даша... Да, — вдруг как будто спохватился гражданин. — Но это уже совсем другая история...

— Даша? — вдруг усмехнулась Альбина. — Германия, Швеция? Мадрид?

— А-а... — Покупатель опустил глаза, как бы сам себя осматривая. — Ну да, внешний вид оставляет желать лучшего. Плюс вызывает недоверие. — Он поднял голову: — А вы что, никогда разорившихся миллионеров не видели?

— Да мы и обычных миллионеров не видели, — хохотнула она.

— Ну да, заболтал юных дев, пора идти... — Странный человек разом как-то ссутулился, запал его исьяк.

— Да ладно, — возразила Оля. — Нам все равно скучно...

— Всего хорошего, — сказал гражданин, повернулся и, скрипя резиновыми подошвами своих грязных кроссовок, вышел.

Чертыхнувшись, он осторожно спустился по скользким ступеням, держась за перила. После резкого порыва ветра поглубже натянул на уши маленькую, не по размеру, шапочку.

Через подъезд тускло светилась вывеска «Бар». Он открыл дверь, бодро снял куртку, повесил ее на вешалку, на верхнюю шишку нахлобучил мокрую шапочку, подошел к стойке.

— Чу, Николаич! — оторопел, увидев его, бармен. — Ты ж в завязке!

— Пошел в жопу, Игореша! Наливай!

— За наличные или в долг? — с легким ядом поинтересовался бармен.

— Я на работе десять дней не был. Какие наличные? Охренел?

— Ну, уйдешь в запой, опять десять дней не будешь работать...

— Во-первых, не твое дело, во-вторых, я смертельно хочу спать. Выпить, расслабиться и — заснуть.

— Понимаем! — бодро бросил Игореша. — Только заказывай водку, а то ты за виски

две недели деньги несешь, а я над кассой каждый день трясусь.

— Жмот ты, Игореша.

— Я не жмот. Жизнь тяжелая. Если бы не студенческие свадьбы да чиновничьи юбилеи, я бы уже загнулся и закрылся. Кризис гребаный...

— Зато у тебя есть постоянный клиент.

— Которому не пятьдесят, не сто...

— А семьдесят пять граммов, все правильно...

В это время Оля с Альбиной потихоньку убирали товар — готовились закрываться. Времени обсудить посетителя не было — полчаса назад два кавказца принесли перепутанный мастером заказ. Ругани было, ужас! Даже руководству жаловаться хотели — еле уговорили горячих парней подождать до завтра.

— Что ты думаешь про этого, ну, в шапочке, любителя очков? — спросила подругу Оля, закрывая последний шкафчик.

— А что я могу думать? Умалишенный какой-то. Фантазер. Рекламных проспектов начитался, теперь названия модных оправ знает. А сам денег на две пары контактных линз не имеет. Ты вот на его морде Boucheron представляешь? Я — что-то нет.

— Ну-у-у, — протянула Оля. — Если его причесать...

— Одеть, — поддакнула Альбина.

— Посадить в БМВ...

— Или в «мерседес»...

— Вернуть ручку «Монблан»...

— И вызвать из Питера красавицу Дашу...

Тут они хором засмеялись.

— А мне кажется, все, что он рассказал, — правда, — все-таки сделала вывод Оля.

— Да кто их, мужиков, знает. Вот что я тебе скажу: врут они намного больше, чем правды говорят. Так?

— Так... — не стала возражать Оля...

Екатеринбургский мезальянс

Смерть прекрасной женщины есть, бесспорно, самый поэтический в мире сюжет.

Эдгар Алан По

Глава 1

Народ толпой течет в трамвай. — Эй, ты, козел, не напирай!

Трамваи, трамваи... Выдумал же кто-то этот вид транспорта! Сравнение «как сельди в бочке» уже устарело. Хорошо, успел затесаться в уголок, «чтоб никто не уволок», но все равно какой-то краснорожий дебил ухватился за верхний поручень, умудрившись одновременно в этой же руке пакет с каким-то вонючим продуктовым говном держать. Пакет от движения покачивается и иногда касается головы Бориса Антоновича. Замечательно, что еще никакая мерзость на преподавательскую плешь из него не льется. Все — по Булгакову. Вот очередной Шариков вопит: «Не толкайтесь!» и «Я тебе покажу твою мать!» Тут же слышны ильфо-петровские «сходите — не сходите?». А ведь еще так бывает — упрется в твой бок какой-нибудь частью изношенного тела бабушка и гипнотизирует тебя немигающим взглядом. А в глазах тоска вселенская, ну и уступишь ей место — а как же иначе? Интеллигент — раз, джентльмен, пожалуй, — два. Хотя у самого с рождения правая нога короче левой на семь сантиметров, и считается Борис Антонович инвалидом-переинвалидом. Ходит, хромя, да еще на левую сторону отклоняется — так боль при движении меньше. А когда слышит он жалобы на какой-нибудь остеохондроз, зло смеется — по сравнению с его состоянием это как насморк против пневмонии. Правая нога постоянно немеет, каждый шаг — выстрел боли в ногу и в позвоночник. После ста метров пешком спину уже не разогнуть, единственное положение тела, когда ничего не болит, — лежа. Диклофенак, мовалис — пачками, пачками, хоть в инструкциях к ним описание побочных эффектов на трех страницах...

Сколько помнил себя Борис Антонович, всегда носил он правый ботинок на толстенном каблуке, уравнивая походку. На первой же лекции в университете, а был он еще простым ассистентом (да так им и остался), злые студенты-остряки, заметив физический дефект, прозвали преподавателя Одноногим Сильвером. Какого-то острослова совсем уж занесло, но его кличка Сатана не прижилась. Позже слово «одноногий» исчезло и стал Борис Антонович просто Сильвером. Сначала он дулся, затем привык...

Детство было безрадостным. Салочек и казаков-разбойников был он лишен, в игры хромого не брали. На футбольно-хоккейные битвы во дворе Борис смотрел с завистью. Часто околачивался у кромки поля или у хоккейной коробки в надежде, что за недостатком игроков его позовут хотя бы постоять в воротах, но тщетно. К тому же был он отличником — ну кто в школе станет относиться с симпатией к хромому, да еще и отличнику?

Единственной радостью оставались книги. От луибуссенаровского «Сорви-головы», «Тайны пяти океанов» и жюльверновских героев как-то быстро, без особого перехода, перескочил на ставрогиных-раскольниковых-карамазовых, на Левина, Болконского, Нехлюдова и Сореля. Не единожды всплакнул над судьбой Веры Гончарова. Однажды наткнулся на полное собрание сочинений Чехова и прочел все подряд от первой страницы до последней. Вывод был один: русский народ не изменился.

Но самой сильною любовью, совершенно неожиданно, стал для него португальский язык. Школьный английский давался на удивление легко, и заниматься им было неинтересно. А португальский... Франсишку де Саа де Миранда, Диого Бернардеш, Фернау Альвареш ду Ориенте — все так непонятно, но очень увлекательно... Истории завоеваний, которые описал Луиш де Камойнш, в просторечии Камознс. Алмейда Гаррета, Алешандре

Эркулану, Луиш де Магальяш, более современные — Акилину Рибейру и Пину де Морайш, а уже после посыпались, один за одним, бразильцы Лима Баррету, Жозе Мариа Машаду де Ассис. Ну и куда же без Жоржи Амаду — певца страданий, любви и несчастий? Посмотреть «Генералы песчаных карьеров», проплакать весь фильм и затем не прочитать в оригинале «Капитаны песка»? Это решительно невозможно! Следом Рубем Фонсека, Самуэл Рауэт, Станислав Понте Прета, Тиагу де Мело...

Встал вопрос — куда идти после школы с таким хобби? МГИМО не для смертных, Иняз имени Мориса Тореза — пожалуйста! Сколько за пять лет было вызубрено, а где результат? Из-за отсутствия московского жилья (дорого!) пришлось возвращаться в свою «третью столицу», хотя какая она уже «третья» — таковой нынче уже Казань объявлена. А в Екатеринбурге, в Верх-Исетском районе, имелась в панельном доме маленькая двухкомнатная квартира, доставшаяся от матери. Отца он не помнил — сгинул где-то на бескрайних российских просторах, а мать...

Она была заслуженным учителем Российской Федерации. Вдруг, как это всегда бывает, у нее обнаружили рак поджелудочной железы и печени. Врачи-убийцы знали, что не спасут, но не дали умереть своей смертью. Вырезали одну опухоль, потом другую. Целый месяц пролежала она в реанимации, угасая в страшных мучениях, привязанная к кровати, чтобы от боли не срывала ненужные датчики и иголки капельниц. Произошла полная интоксикация организма, изношенный организм не справлялся, метастазы разрастались, в мозгу был поврежден нервный центр, отвечающий за чувства сытости и жажды. Каждый раз, когда Борис Антонович входил в палату, мать страшно кричала нечеловеческим голосом: «Воды! Дай мне ведро воды! Я все выпью! Принеси, иначе ты мне не сын!» Он стоял и плакал, а медбрат (надо же показать, что не зря по двести рэ от безутешного родственника за дежурство в карман кладет!) вытирал ей потрескавшиеся губы влажной марлей и говорил, что все необходимое — физраствор, воду — мать через капельницу получает. Только на фиг ей эта капельница, если она все равно насыщения не чувствует! Набили в очередной раз руку, хирурги хреновы, а теперь целый месяц беспрестанных мучений... Был еще аппарат искусственного дыхания... В его ушах до сих пор звучит визг помощника главного хирурга в татарской тубетейке: «Не нравится — везите в Москву!» И как только не вцепился руками ему в горло, не выдавил глаза эти бесстыжие... И все брали деньги. Понимали: ничем не помогут, но брали, брали... Главный хирург — взял, начальник реанимационного отделения — взял, да еще четыре месяца жизни пообещал... Борис только и слышал: «Она неадекватна, она неадекватна...» Еще бы, от мучений таких да с ума не сойти! И как вспомнишь бесконечные споры об эвтаназии — тьфу! Трижды тьфу! Вот знаешь ты, например, что умираешь, а тебе говорят, что перед смертью месяц воды не дадут — ну как, сильно жить захочется? Но все святые принимали перед смертью страшные мучения, может, и она там — в раю. Так и остался Борис Антонович один — матери ты хоть хромой, хоть кривой нужен, а остальным...

Должность ассистента в Уральском государственном университете он получил быстро, но сразу понял, что карьерного роста ему не видать. Ну кому, на хрен, в бывшем Свердловске нужен португальский язык? Вел английский без всякого энтузиазма, набирал иногда семинары человек по пять на итальянский или испанский. И то с личного разрешения ректора, ибо в дипломе стоят только два языка, и получается полуполегалная деятельность. Все! Девятьсот часов в год отдай, как миленький, а хобби своим дома занимайся. Он и занимался. Бомбардировал интернетовскими письмами все португальские и бразильские

бизнес-конторы в Москве, пытался найти работу переводчика в российских издательствах, и иногда — да, перепадал какой-нибудь перевод, за счет этого и жил. Не на ставку же по одиннадцатому разряду ЕТС плюс «стимулирующие выплаты» существовать?

Защитить диссертацию? По какому-нибудь выдающемуся португальскому поэту? Вот это нужно кому?..

Жизнь текла своим чередом — днем ленивые студенты и коллеги-конкуренты за место под солнцем. Жизнь в учебном заведении ничем не отличается от жизни в любой иной бизнес-структуре — подсиживают, пишут доносы, берут взятки, откаты, борются за нужное кресло и прочее, прочее... Вечером — книги, Интернет и перед сном — Жозе Сарамаго на интеллектуальный десерт...

От грустных размышлений Бориса Антоновича отвлек тяжелый, сочный мат. Он обернулся — в центре вагона (ладно бы подростки!) пятидесятилетние мужики с бурыми от пьянства и тяжелой жизни физиономиями делились деталями вчерашней алкогольной посиделки. Вокруг — женщины, дети — по боку! Люблю тебя, страна Россия, народ особенно люблю!..

На нужной остановке людским потоком Борис Антонович был выброшен наружу. Палочка, право, могла намного облегчить муки передвижения, но еще и с палкой — нет, не хотел он этого, нет! А вдруг прочтет его работу по лингвистике какая-либо чернокудрая Лиλιана Кампош, влюбится заочно, прилетит в Кольцово знакомиться с «профессором» (хотя он всего лишь ассистент!), а тот мало что хромым, да с плешью, так еще и с подпоркой!

В аудитории, как обычно, не хватало несколько лентяев, но работа была письменной — как хотели отвертеться потом, лежебоки? Борис Антонович открыл тему «Лондон — столица Великобритании» (Боже мой! Ну за что мне это?! Вот и вся моя долбаная жизнь... Нет денег на протез, удлинение ноги, лечение позвоночника, пересадку волос, липосакцию, в конце концов... Не быть ему мачо на пляжах Копакабаны и не шептать без акцента стихи Мариу де Андраде на ушко местной сисясто-жопастой красавице — любительнице ламбады...)

— Кто не будет списывать из учебника и не наделает ошибок, получит «пять», — объявил он.

— Я в Лондоне не был! — развязно крикнул молодой человек за задним столом. — Как же без учебника?

— Кроме учебника, есть и другие книги, в частности Питера Айкрода. Замечательное произведение! Не пробовали читать?

— Путеводитель? — сострил юноша.

В аудитории засмеялись.

— В том числе и путеводитель, — ответил Борис Антонович.

— Да знаю я, — вставила одна девушка. — Страниц семьсот, килограмма три...

— Вообще-то, если быть точным, восемьсот шестьдесят. Страниц.

— Вот еще делать нечего! — возмутился парень.

— Вашу оценку я уже знаю, — злобно свел брови Борис Антонович. — У остальных еще есть шанс. У вас сорок пять минут.

— Ну почему вы всегда так? Я же пошутил... — неловко попытался оправдаться «юморист».

Борис Антонович резко повернулся и вышел из аудитории.

— Сорок пять минут, — бросил он через плечо.

На пороге он столкнулся с секретаршей Леночкой. Что бы у той в жизни ни происходило, на ее лице всегда читались страх и волнение — как бы чего не вышло! А вдруг виноватой окажется она?

— Ой! — заметно обрадовалась Лена. — Вы не могли бы зайти к Федору Федоровичу? Он просил вас отыскать, как появитесь.

— Почему бы и не зайти...

Глава 2

Мораль и секс — необязательно совместимые вещи

Кабинет заведующего кафедрой иностранных языков Федора Федоровича, непосредственного начальника Бориса Антоновича, располагался на третьем этаже. Борис Антонович с трудом стал подниматься по лестнице. Начальника он не любил и, что греха таить, даже ему завидовал. Тридцать пять лет, а уже заведующий кафедрой, опять же кандидат наук и автор никому не нужных, но издаваемых трудов. Беспринципный наглый карьерист, но очень хорош собой. Ходили слухи, что он не пропускает ни одну симпатичную студентку — многие побывали у него в гостях в дачном поселке.

— Здравствуй, здравствуй! — с порога поприветствовал Бориса Антоновича хозяин кабинета.

— День добрый.

— Присядешь?

Борис Антонович опустил в глубокое мягкое кресло.

— Как движется учебный процесс?

— Как обычно.

— Хм... — Заведующий кафедрой многозначительно хмыкнул: — А тебе не кажется, что ты иногда бываешь слишком строг к своим... м-м-м... учащимся?

Первой мыслью Бориса Антоновича было поинтересоваться: «А твое-то какое дело?», но вслух он сказал:

— Абсолютно справедливая оценка не только знаний, но и, скажем так, желания эти знания получать.

— Да ясно это все! Но посмотри... — И тут Федор Федорович по-свойски присел на подлокотник кресла подчиненного, чем немало того смутил. — Лариса Вдовиченко — красавица, каких свет не видывал. Грудь, ноги, походка! А не может у тебя какой-то там зачет получить, а без него нет допуска к экзаменам. И заметь, девушка готова к вопросу сдачи подойти с неформальной стороны, нравов она современных. И раз тебе намекала, и другой, а ты, извини, просто пень бесчувственный...

Борис Антонович тут же вскочил:

— Если красавица такая, пусть на подиум идет, а не в университет! Задница у нее, может, и хорошая, только на плечах у нее тоже не голова, а задница.

Федор Федорович нахмурился:

— Дурак ты, Боря! Радовался бы, что у тебя есть шанс хоть с этой стороны красивых девок шпилить. Других возможностей, кроме как с проститутками спать, у тебя ведь нет? А тут сама, сама хочет и уверяет, что все сделает, как надо...

— Только ее же будет тошнить от отвращения...

— Комплексы, комплексы! Может, ей, наоборот, будет с... таким... интересно.

— А ты с ней уже пробовал?

— Да мало ли что я пробовал! Представь: она целиком зависит от тебя, исполнит все, что скажешь, будет бояться сделать что-нибудь не так, стараться. Возбудится, затрепещет в твоих руках...

— Да ты, прости господи, эротоман какой-то...

— А ты дурак! Живешь среди пыльных книжек и ничего вокруг себя не видишь!

— За предложение спасибо, только я и «Жизнь Дэвида Гейла» смотрел, и «Синюю машину»... Мне это все не особо надо.

— Хорошо, давай ее выгоним. Хотя... А если я так просто по-дружески тебя попрошу?..

— Мне кажется, друзьями мы никогда не были. Я людей с такими моральными принципами, вернее, с их полнейшим отсутствием, на километр к себе не подпускаю.

— Дурак, трижды дурак! Нам же еще работать вместе!

— Угрожаешь?

— Так, намекаю...

— Всего хорошего. — И Борис Антонович повернулся к двери, чтобы уйти.

Федор Федорович загородил ему дорогу:

— Ладно, давай по-другому. Ну, красивая девка, ну, дура, но жизнь-то ей зачем ломать, а? Три курса отучилась — и тут на тебе! Да тут пойдут такие толки и пересуды, кстати, и на твой счет. Сделай это для меня, а? Буду твой должник, вот ей-богу!

— Что-то я начинаю догадываться... — криво усмехнулся Борис Антонович. — Интерес, поди, неспроста? Уже успел там побывать? За пятерку по какому предмету?

— Дурак ты! Исключительно по обоюдной симпатии!

— И ты вот так ее мне сейчас предлагаешь?

— Да она испорченная девчонка, ей самой интересно...

— Интересно с хромым и кривоногим? Да вы тут уже охренели совсем! О времена, о нравы! Пусть зачетку тебе отдаст, а я видеть ее, потаскушку, не хочу. Еще встречу взглядом, наговорю лишнего... — И уже в дверях Борис Антонович добавил: — А про должок-то я не забуду...

— Хорошо, хорошо! — расплылся в кислой улыбке заведующий кафедрой.

Борис Антонович вернулся в аудиторию, попросил сдать работы. Каждый текст начинался со слов: «London — the capital of Great Britain...»

«Недоношенные...» — подумал он.

Через одну пару можно было идти в буфет. Взяв пухлую булочку и большую чашку чаю, Борис Антонович пристроился рядом с коллегой Сашей, которого считал единственным своим другом.

— Привет.

— Привет.

— Представляешь, Федорыч предложил мне секс с Вдовиченко за обычную закорючку в зачетке.

— Это красивая баба, — жуя, ответил Саша. — Он всех сам так настраивает. Ребята тащат коньяк и виски, девчата — зады и груди.

— Противно.

— А что тебя здесь вообще держит? Ты до пенсии будешь ассистентом. Лучше занимался бы только переводами, больше времени на них имел.

— Мне переводы, может быть, и дают за то, что я университетский преподаватель. Уволюсь — так и убью жизнь на любимого Жозе Сарамыго, питаюсь только гречкой и макаронами.

— Тебе решать. А то, что завкафедрой — гондон, ты давно понял?

— Да лет шесть назад, как только его увидел.

— Вот и не рви на себе волосы, тем более вон как мало уже осталось.

— У меня сегодня нормальный семинар.

— Испанский?

— Итальянский. Хоть душой отдохну...

Они вздохнули и замолчали.

Глава 3

Чужой день рождения как начало новой жизни

В шестом часу Борис Антонович отправился домой. На остановке толпилась куча народу. Это означало, что проникнуть в транспорт можно было только исключительно с помощью локтей. Несколько человек курили, сидя на корточках, — тюремная привычка. Летишь из Екатеринбурга в какую-нибудь Пермь, а под крылом самолета везде зоны, зоны... Широка страна моя родная... Девчонки лет пятнадцати грызли семечки, сплевывая шелуху под ноги. Через годик-другой они натянут на свои попки туго облегающие шорты и пойдут прогуливаться по тротуару по улице Малышева, держась правой стороны, по ходу движения, демонстративно облизывая чупа-чупсы, чтоб иногда рядом останавливались машины, из окон которых высовывались бы «добры молодцы» и предлагали «покататься». Подружки будут критично осматривать средство передвижения, и если тачка старая, отечественная, — «нет, извини, мы по своим делам направляемся». А если тюнинг-шмуниг, а то и вообще иномарка — «можно. Только нас надо потом домой отвезти...» — «Конечно!» И вперед — в ближайшее, укрытое густой листвой местечко. В народе это называется «съем». Впрочем, нельзя быть слишком критичным — во-первых, молодость, во-вторых, должна же хоть как-то демографическая проблема решаться... Грязный бомж обходил присутствующих, выпрашивая «рублик на хлеб»...

В автобусе резвилась поддатая молодежь. Ребята умудрялись в страшной тесноте отхлебывать дерьмовое пиво из громоздких пластиковых бутылок, проливали дурно пахнущую жидкость во время резкого торможения друг на друга, ржали... Как в этом городе могли родиться Шагрины, Кормильцевы, Бугусовы... Тайна сия велика есть.

Вот и родной панельный дом с разбитым домофоном и соответственно лужей мочи у лифта. Да у лифта — еще ладно, у некоторых особый шик прямо в кабине нагадить.

Дома Борис Антонович заглянул в холодильник, а там хоть шаром покати. Хорошо, переоборудовали бывший гастроном в новый супермаркет. Надо купить классических холостяцких продуктов — супов в пакетиках, готовых салатов, кефира. Опять-таки сельдерей не помешает, и в кулинарии — печеночные оладьи. Да и банки три консервов всегда пригодятся. Он доковылял до магазина, набрал всего понемногу, пристроился в конец хвоста в кассу. Посмотрел на кассиршу, стал себя ругать. Фрейдизм какой-то! Столько касс, а он всегда встает к одной и той же девушке!

Увидев ее в первый раз, Борис Антонович во время расчета бросил взгляд на ее бейджик. Она это заметила и сразу пропела: «Да, я Наташа! А вас как зовут?» Так и повелось — все время и «здравствуйте», и «как дела?» Блондинка, груди рвутся ввысь байконуровскими ракетами, пару раз она при нем выскакивала из-за кассы, выбегала куда-то — ягодицы плотные, ноги стройные. И все делала одновременно — покупателя рассчитывала и безостановочно разговаривала по мобильному телефону — ей это работать не мешало. Однажды для какого-то события Борис Антонович купил литровую бутылку водки. Наташа провела ее над сканером и нахмурилась:

— Вы смотрите с этим осторожнее, а то мне разонравитесь.

— А я вам разве нравлюсь? — оторопел Борис Антонович.

— Оч-чень!! — блеснула голливудской улыбкой девушка и даже руку к сердцу приложила.

Сегодня, узнав его, она привычно поздоровалась, но, считывая на аппарате ценники, больше не произнесла ни слова.

— Что-то вы грустны сегодня! — не выдержал Борис Антонович.

Она на мгновение остановилась, задумалась.

— А у меня день рождения! Отмечать решили в воскресенье, а сегодня — четверг, лучшая подруга — в ночную, отец уже «отметил», буду дома с мамой телевизор смотреть... Следующий!

Борис Антонович направился было к выходу, но вдруг, словно приняв какое-то решение, спрятал пакет с покупками в ящик камеры хранения и вернулся в торговый зал. Он снял с полки бутылку шампанского, выбрал коробку дорогуших бельгийских конфет, а в овощном отделе нашел аномально появившуюся в это время года дыню.

Выстоял опять очередь в кассу, вывалил все это на ленту транспортера и произнес:

— С днем рождения!

Наташа засветилась улыбкой:

— Вы серьезно? Это все мне? Борис Антонович, ну вы даете! Можно я вас поцелую! — Она вскочила из-за кассы и быстро чмокнула его прямо в губы.

Вечно торопящиеся люди в очереди начали выражать недовольство, да ему и самому стало неловко.

— Ну ладно, я пошел. Еще увидимся.

— Конечно, конечно! Спасибо, миленький!..

Миленький... Он ковылял к дому быстрее обычного. И что это на него нашло? Ну, красивая кассирша, что дальше-то? Надо заметить, сложность вопроса пола, так мучившая его еще каких-нибудь десять лет назад, сильно упростилась. Приняв свое физическое уродство как данность, Борис Антонович давно смирился с ним, замечая свою неполноценность только при приступах острейшей физической боли. Поначалу, когда появлялись первые деньги, он покупал проституток пачками, но ни одна не отличалась от другой. Все машинально делали свою работу, а иногда (не мачо ведь!) и вовсе спустя рукава. Они мелькали, как тени, и исчезали из его жизни навсегда. На четвертом курсе, правда, у него случился изумительный секс с второкурсницей-красавицей с психологического. Ее пунцовые пухлые губы и получасовые минеты не забыть ему теперь до конца дней. А она ведь еще приезжала к нему на съемную квартиру, чтобы прибраться, мыла посуду. И как-то даже заявила сразу после оргазма: «Ты первый мужчина, который заставил меня дрожать...» Но, во-первых, кто его на самом деле знает, может, женщины говорят это каждому любовнику, чтобы подбодрить и вдохновить на новые подвиги, а во-вторых, девица та все же была дура, и уж Сарамаго понять никогда бы не смогла.

Но, помимо жарких губ и умения делать минет, у нее были прекрасные тугие ляжки и упругая грудь. Он жалел, что тогда не женился. Как-то раз на очередной встрече выпускников она появилась с мужем, солидным господином. Все перепились, и Антонович по старой памяти чуть было не потащил ее в туалет. Хорошо, что не получилось. Была еще жертвенная любовь однокурсницы Оксаны, но в молодости кажется, что все впереди, все еще успеется, и он отверг ее робкие попытки сблизиться, а сейчас... Сейчас на хрен он кому нужен... Или 2000 рэ в час, или подпись в зачетке. Да и то объект сознательно вспыхнувшей страсти потом неделю, наверное, будет блевать от отвращения.

Борис Антонович быстро расправился с печеными оладьями, выпил чаю, засел за Сарамаго. Вообще-то он с ним тянул, смаковал и финальную точку хотел поставить не ранее

чем через пару дней. Его уже ожидала Minha Bela Putana Wander Pioli. Работа для души, без заказа, так, для себя. Очень было интересно!

Но тут — то ли чай крепкий, то ли события дня привели его в какое-то возбуждение, последние страницы пролетели, как чемпион-горнолыжник по старой трассе, — вжик! — и точка! Он проверил еще раз — нет, никаких ошибок, все верно. Конец! Нет, само собой, понадобится еще недели две на окончательную правку, но основное-то дело сделано! Ура-а-а!!!

Надо отметить, не подмажешь — не поедет. Кинулся к шкафчикам на кухню — водка-виски, водка-виски, коньяк початый, клоповник дерьмовый... Но ему хотелось, чтобы душа пела! Давно Борис Антонович перестал отмечать завершение перевода португальским портвейном — уж слишком потом голова тяжелая, но вино, вино! Обязательно открыть бутылку белого вина, еще разок просмотреть последние страницы и потом, просто для удовольствия, все перечитать заново. Читать до утра, сколько сил хватит...

Который час? Двадцать два ноль-ноль? Да ерунда, магазин круглосуточный. Сейчас нацепим кроссовки с правой семисантиметровой подошвой (есть и такие) и бегом на улицу!

Выскочил Борис Антонович из подъезда, а тут и дождик стал накрапывать. Мерзкая уральская погода... И тут — ба! — на остановке Наташа! Прижимает к груди пакет с подарками (еще и цветы) и тихонько слезу роняет. Борис Антонович подковылял к ней:

— Наташенька, что случилось?

Неожиданно она уткнулась ему в грудь и громко всхлипнула:

— Это все он, все он, подлец, скотина!

— Да кто он?

— Бывший муж! Поздравил по телефону. Сказал: «Мы с тобой взрослые люди, ну, разошлись и разошлись. Но ведь и у нас было много хорошего. Я заеду, поздравлю тебя, заодно отвезу домой, чтобы ты на общественном транспорте не тряслась...» Я уже сорок минут здесь стою! Под дождем! А его мобильный недоступен! Он, наверное, сейчас с друзьями бухает и ржет надо мной! Мститель, блин, сраный! А трамваи только до десяти вечера! И где я в этом тупике такси найду!

— Наташа! Наташа! Послушай меня! — торопливо сказал Борис Антонович. — Сейчас я на минутку забегу в магазин, и мы пойдем ко мне — вон туда, дом через дорогу, буквально — три шага. Попьем чайку, обсохнешь, согреешься, я вызову тебе такси, и ты спокойно уедешь домой.

— Правда? — прерывисто всхлипнула девушка, стрельнув в него глазами с размазанной тушью.

— Конечно, правда. Одну минутку!

Борис Антонович забежал в винный отдел, схватил первое попавшееся (но все-таки хорошее) испанское белое, помчался обратно. Забрал у Натальи пакет, взял ее под руку и повел через дорогу — «здесь ямка», «а здесь надо наступить на этот кирпичик».

Он повесил ее пальто на вешалку, усадил в кресло и задумался на секунду — снимать ли ему кроссовки? Без обуви его физический дефект сразу бы стал заметен, поэтому просто хорошенечко их вытер.

— А может быть, чего-нибудь покрепче? — спросил он, вынимая из пакета бутылку «Риохи». — Все-таки промокла, замерзла, да и праздник у тебя, как-никак?

— А что это у тебя? — нисколько не смущаясь и сразу перейдя на «ты», спросила Наташа. «Простая девушка, — подумал Борис Антонович, а когда она забралась с ногами на

кресло, — очень простая девушка».

— Да есть все, но тебе в твоей ситуации надо что-нибудь крепкое. Виски, водку, коньяк...

— Виски? Отлично, буду виски.

— А я выпью вина, у меня своего рода тоже праздник.

— Какой?

— Один момент, приду, расскажу. Дыню домой возьмешь или здесь съедим? А то у меня фруктов нет.

— Да какой домой, давай здесь!

— Отлично! — Борис Антонович поставил на столик бутылку виски, откупорил вино, принес бокалы, очищенные дольки дыни и уже с месяц валявшийся в кухонном шкафчике «Чернослив в шоколаде».

Он налил Наташе виски, а себе вина, произнес короткий тост в честь дня рождения своей новой знакомой. Выпили, она показала — давай еще. Опять выпили.

— На который час такси вызывать? — спросил он, закусывая дыней.

— Это намек? — нахмурилась гостья. — Мне пора?

— Да ты что! — чуть не поперхнулся Борис Антонович. — Я думал... Я считал...

— У меня день рождения. Дома пьяный отец и злая мать. С подругами мы договорились на воскресенье. Меня пригласил в гости приличный человек, душевно поздравил меня на рабочем месте. Наверное, я тебе понравилась, да? Заботишься, чтобы я не простудилась, поишь виски и кормишь дыней. Куда мне, блин, торопиться? Надоем, тогда и выгонишь.

— Не надоешь! — покраснел, как рак, Борис Антонович. — Не выгоню!

— Тогда давай еще по маленькой и расскажи мне о себе.

Борис Антонович заметался по комнате, отыскал на кухне старые-престарые, с въевшейся пылью, свечи. Поставил их в подсвечники, зажег. Вытащил с балкона давно забытую за ненадобностью вазу и поставил в нее Наташины цветы. Та даже захлопала в ладоши:

— Это чудо какое-то, что я тебя встретила! У меня настоящий праздник! Выпьем!

— Выпьем! — не заставил себя ждать Борис Антонович.

Близость молодого роскошного тела гостьи пьянила во сто крат сильнее тех трех бокалов «Риохи», которые он опустошил один за другим. Мысли беспорядочно металась в его голове: «Нет, это происходит не со мной... Все же придется вызвать такси... Вряд ли она останется со мной на ночь... Этого не может быть!» Он вновь наполнил бокалы, от волнения его рука дрогнула, и он чуть расплескал вино.

— Я курить хочу, — сказала Наташа. — Где у тебя покурить можно?

— На кухне, наверное, — пожал он плечами.

Вышли из комнаты.

— Да... — протянула Наташа, окинув взглядом кухню. — Вроде все есть, но как-то уж очень неуютно. Ты холостяк? — Она достала сигарету.

— Да. И никогда не был женат. А ты почему развелась?

— А почему молодые пары разводятся? Он бухал, неделями не появлялся, а я гуляла.

— Как это — гуляла?

— Ну, спала с другими мужчинами. — Заметив недоуменный взгляд Бориса Антоновича, добавила: — Ну, я молодая, сексуальная, я многим нравлюсь, очень люблю секс. А когда твой благоверный не просыхает и сам где-то носится с проститутками... В

общем, не сложилось. К обоюдной радости... — Наташа раздавила окурков в пепельнице и предложила: — Пойдем, еще выпьем, а?

— Конечно...

В комнате Наталья прошла вдоль стеллажей, забитых книгами от пола до потолка.

— И ты все это читал? — обернулась она к нему.

— Нет, не все, конечно. Есть особые экземпляры. Вот, — указал он пальцем. — Вот еще... Берегу на потом, откладываю удовольствие.

— Ты от чтения получаешь удовольствие?

— Огромное. Когда в руки попадает редкая книга, то весь трясешься, прежде чем откроешь первую страницу.

— А чем ты занимаешься?

— Преподаю в университете, но это так, хлеб насущный, даже не карьера. Больше перевожу, в основном с португальского. И денег больше, и иногда такое счастье доставляет — словами не передать.

— Расскажи, пожалуйста.

— Ну, молодым зеленым студентом я попал на древнегреческий семинар к члену всевозможных королевских научных академий Михаилу Анатольевичу Гарнцеву. Мне понравилось, как он критиковал перевод Грузинского «Илиады» Гомера. У того в колеснице спица, раскаляясь от трения, «пела». Но ведь раскаленный металл не может «скрипеть» и вообще издавать звуки, правильно? Значит, и петь тоже. Ну и так далее, в том же духе.

— Не очень понятно. А почему именно португальский?

— Да им мало кто тогда занимался, а я не то чтобы выделиться хотел, просто зацепило, как первая любовь. Понимаешь?

— Любовь — это я понимаю. Выпьем?

Выпили.

— Слушай, — сказала она, отправляя в рот сразу два кусочка дыни один за другим, — день был тяжелый. Можно, я пойду в душ? У тебя найдется чистая одежда?

— Есть халат, я им не пользуюсь.

— Отлично! Заодно из ванной маме позвоню, чтобы тебя матом не смущать.

Борис Антонович только вздохнул. Пока из ванной раздавался плеск воды, он тупо рассматривал свои кроссовки — снять, не снять? Да ну их к черту! Шила в мешке не утаишь. Он постелил свежее белье, перенес в спальню свечи.

Наташа выпорхнула из душа влажная, маняще пахнувшая, возбуждающая. Она сразу положила руки ему на плечи и поцеловала.

— Теперь ты.

— Да, да, конечно...

Борис Антонович тер себя мочалкой так, будто месяц в кемеровской шахте провел. Сполоснулся, обернулся полотенцем, вышел.

— Сюда, сюда, я здесь, — раздался голос из спальни.

Борис Антонович неуверенно вошел — царица, богиня! Какая там Афродита, какая Маха обнаженная, какая Венера Боттичелли! Лег рядом, попытался натянуть на себя одеяло...

— Зачем? — удивилась Наташа. — У тебя и так жарко. — И она принялась его нежно целовать и слегка покусывать. Он тоже старался в долгу не остаться, но тут, в самый ответственный момент, она отстранилась от него:

— Презерватив доставай...

— А у меня нет... — похолодел он.

— Как это? — Девушка даже привстала и подперла голову рукой.

— За ненадобностью... — пролепетал Борис Антонович.

Наталья захохотала, приложила к лицу подушку, чтобы заглушить смех, посоветовала:

— Дуй быстрее в магазин, он круглосуточный, лишь бы на пересменку не попал. Прямо в кассе продаются. А мне включи пока телевизор.

Борис Антонович в одеяле перенес ее в другую комнату, посадил в кресло, всунул в руки пульт и помчался на улицу. Купил первые попавшиеся средства контрацепции, но сразу двенадцать штук.

Ночью у них все получилось... Ближе часам к четырем, когда они уже выбились из сил, Наташа сказала:

— Я на работу от тебя пойду, ты не против?

— Нет-нет, конечно...

— Ну, тогда давай спать...

Пробуждение было тяжелым. С непривычки пришлось потолкаться в ванной. Пока он брлся, из остатков печеночных оладьев, сельдерея и каких-то консервов она соорудила не совсем приглядную на вид, но очень вкусную еду. Когда они перешли к растворимому кофе, Борис Антонович задал свой главный вопрос:

— Ты заметила, что у меня одна нога короче другой?

— Конечно, сразу же. Только меня это нисколько не смущает. Вот если бы член был короткий, тогда да... Но у тебя... — она схватила его за ширинку под столом. — Я таких еще не встречала. И мужчина ты очень страстный. Надеюсь, не только от долгого воздержания.

— Но тем не менее я все-таки устал...

— Это после пятого-то раза? Ты в своем уме? Я уже после второго была на седьмом небе! Все, мы к этой теме больше не возвращаемся! Согласен?

— Конечно! — расплылся Борис Антонович в блаженной улыбке...

С Натальей договорились, что после смены она съездит домой переодеться. Он же тем временем купит «хорошей рыбы, свежих овощей, винограда и яблок». Наташа обещала приготовить ему шикарный ужин, а потом они будут «трахаться до самого утра, и утром тоже», потому, что «завтра она выходная, а у него суббота».

— У меня в субботу семинары, — вздохнул Борис Антонович.

— Так заболей, черт побери! Неужели тебя не подменят?

На улице, расставаясь, не могли оторваться друг от друга. Наконец он, опаздывая, сел в трамвай. Все тело ломило, особенно спину, — он решил, что это с непривычки.

Глава 4

Вот и пришла она — любовь!

Борис Антонович с нетерпением ждал встречу с Сашей. Выложил ему все, как на духу. Тот, в общем, за друга порадовался, но не преминул прочитать нотацию, чем очень разозлил товарища.

— Да какая разница, — свирепел Борис Антонович. — Она не замечает, что я калека, а это — главное!

— Когда вы пресытитесь сексом, а это рано или поздно произойдет, возникнет необходимость искать иные точки соприкосновения, а их у вас нет и быть не может. Станете вместе смотреть по телевизору «Ледовое шоу», передачи Малаховых, дом два, три или какой у них там сейчас «дом» по счету? Она же наверняка не пропускает ни одного сериала — «Зона», «Менты», разные бразильские и российские сопли с сахаром — ну, я не знаю, сам же не смотрю. И потом, она признавалась, что любит «гульнуть».

— Ты прав, ты прав! Я и сам об этом думал. Ну уж, знаешь, лучше необразованная кассирша с пухлыми губами для минета и сиськами третьего размера, чем драть под просмотр Fashion TV!

— Серьезный аргумент, мне возразить нечего, — улыбнулся Саша.

Ужин вечером в пятницу, равно как и обед в субботу, прошли замечательно. В воскресенье предполагалось отметить Наташин день рождения в какой-то забегаловке недалеко от ее дома. Должны были явиться подруги с друзьями и мужьями. Как Борис Антонович ни отнекивался, отказа у него не приняли. Достал он из запасников вытертые джинсы, обулся в те же кроссовки, позаимствовал у соседа бейсболку — на его взгляд, лет десять таким образом скинул. Хотя, с какой стороны ни смотри, мужик в возрасте, он и есть мужик в возрасте.

Праздник прошел «на ура», потому что в беседы молодых людей он не вмешивался, танцуя, хоть и трудно это давалось, тщательно скрывал свою хромоту. На улицу, в отличие от многих, блевать не выбегал, солидно, с помощью аргументированных устных убеждений погасил назревающий конфликт между парнем Иры и мужем Гали, пил со всеми наравне и даже рассказал несколько веселых анекдотов — заранее вычитал в Интернете. Как к семинару подготовился.

Были неловкие моменты, когда он не смог ответить на вопросы: «А что у тебя за тачка?» и «Ты охотник или рыбак?» Но тут Наташа переключила внимание присутствующих на себя и как-то все сгладила. Когда же принесли счет, все, как по команде, убежали курить. Борис Антонович безмолвно его оплатил («А че? Это его телка или нет?») и тем самым заработал себе безоговорочный авторитет. В общем, опыт неформального общения с молодежью удался, но ему хотелось, чтобы встречи эти проходили как можно реже.

Наталья, отпраздновав свои двадцать три года (о ужас на плешистую голову Бориса Антоновича!), ощутила себя взрослой дамой. Подводя итоги празднования, она ему поведала, что ее друзьям он очень понравился, а «Ирка-блядь», так та просто на него «запала». Все вечера они проводили у него дома, изредка выбираясь в кинотеатр. Театры и выставки были сразу отвергнуты с искренним и бурным негодованием.

Как-то в один из вечеров он спокойно предложил Наташе перевезти к нему вещи. Та с радостью согласилась, но попросила его прежде пообщаться с папой — должна же ее семья

знать, где и, главное, с кем она живет. Борис Антонович решил явиться в гости с бутылкой экзотического спиртного напитка, но Наталья слегка пожурила его за «интеллигентские замашки» и заставила купить бутылку водки, «но большую».

Смотрины прошли на высшем уровне. Отец, встретивший дочь с новым женихом, похоже, уже «употребил». Мать, с допотопной «химией» на голове, устала стол необычными и уж слишком жирными закусками. После того как принесенная женихом емкость «ополовинилась», глава семьи притащил аккордеон, исполнил две несвязные песни о гордости русского оружия, дал напутствие «беречь дочь, кровинушку» и отправился почивать. Мать, искоса поглядывая на кривую осанку гостя, время от времени переставала суетиться и впадала в крайнюю задумчивость.

Наташа поселилась у любителя португало-бразильской литературы. Плюсов от совместной жизни хватало — чистая, всегда выглаженная одежда, каждый вечер — новое блюдо. Теперь Борис Антонович со стыдом вспоминал, что мог на неделю вперед натушить куриных бедрышек и каждый день ими питаться. Он начал толстеть и — да! да! — добреть! Мир, пусть при всем своем убогом несовершенстве, перестал казаться ему жестоким. Он, прекрасно это осознавая, становился обычным мещанином. Но был один минус, и какой! Он теперь почти не мог работать! Раньше Борис Антонович садился за монитор сразу после ужина, и иногда порыв вдохновения оставлял его вовсе без сна. Он приходил в университет с красными от усталости глазами, бормоча, словно в забытьи: «Сарамаго, Сарамаго...» А сейчас... Рабочий стол он перетащил в спальню, так как в соседней комнате по нескольку часов в день грохотал телевизор, шли современные сериальные трагедии из разряда «то убил, то разлюбил». Из кухни доносилось бодрое бесконечное стрекотанье Натальи, обсуждающей с подругами по телефону многочисленные новости. Ранее столь благосклонная Муза стала все реже касаться его своим ласковым крылом. Если же, как часто бывало, Бориса Антоновича неожиданно осеняла свежая идея, поработать над ней не удавалось — в спальню проскальзывала в аромате духов обворожительная подруга и разными изошренными ласками затаскивала его в постель.

Пару раз он оставался вечером в университетской библиотеке. Саша обратил внимание на его округлившийся живот. Ведя малоподвижный образ жизни и каждый вечер объедаясь, Борис Антонович начал катастрофически полнеть...

Вскоре подруга тоже обратила внимание на его внешний вид. Она поняла, что с палочкой ходить ему все-таки легче, и настояла на покупке трости с набалдашником, заставила отпустить бороду. Он словно постарел на несколько лет, но солидности это, надо заметить, ему прибавило. Борис Антонович шутил, что теперь ему только цилиндра не хватает или шляпы-котелка.

Неожиданно он получил значительную сумму за давно сделанную работу. Независимое бразильское статистическое агентство, выполняя заказ коммерсантов, борющихся за российский рынок и не удовлетворенных официальными данными, выслало ему деньги за перевод обзора российского сельского хозяйства на португальский язык. Сразу сняв приличную сумму, он погулял часок по парку, принимая решение, потом зашел в ювелирный магазин и купил тоненькое колечко из белого золота с маленьким бриллиантом Chopard. Решение было мужское и требовало мужского поступка. Ни с кем советоваться он и не подумал.

Сославшись на выдуманную причину, он заманил вечером Наташу в Del Mare и там, под бокал «Вдовы Клико», достав из коробочки подарок, сделал ей предложение. Наташа

совершенно спокойно (как будто ей предлагают выйти замуж каждый день!) надела кольцо на палец и сказала:

— Надо же! Как раз! — и поцеловала жениха. — Я согласна! Конечно, я согласна! Мой единственный, любимый до самой моей смерти!

Ночью все предыдущие сексуальные рекорды были побиты. Свадьбу назначили на последние выходные мая, благо оставалось недолго. Подали заявление, выбрали место (университетская столовая подошла идеально). От свадебного платья невеста резко отказалась, объяснив, что белоснежный наряд и фата — это предрассудок, что фату надевают только раз в жизни, а она уже была замужем. Список гостей со своей стороны, по просьбе экономного Бориса Антоновича, урезала несколько раз — да и он не собирался поить весь преподавательский состав.

Однажды, когда Наталья осталась ночевать у матери, ночью в квартиру Бориса Антоновича начал ломиться неизвестный с твердым намерением выломать дверь. Мода на металлические двери миновала Бориса Антоновича стороной, и сейчас хлипкая деревяшка не выдерживала яростного натиска незнакомца, который сопровождал свои удары грязной руганью.

— Женишок, блядь! — несло с той стороны. — Открывай, сука! Тебе, козел, пиздец!

Угрозы подтверждались крепкими ударами тяжелого ботинка. Не нужно быть Пинкертоном, чтобы догадаться о личности незваного гостя, — это был Наташин «бывший».

— Сам дурак! — не выдержал интеллигентнейший Борис Антонович. — Прекратите немедленно! Я сейчас милицию вызову!

— Не успеешь! Я те ща хребет сломаю!

Борис Антонович кинулся на кухню, но не нашел не то что какого-нибудь завалящего топорика, но даже обычного молотка. Он вернулся в прихожую, снял телефонную трубку, набрал «02», представился и громко, чтобы было слышно за дверью, попросил приехать наряд милиции, так как у него хулиганы выбивают дверь в квартире.

— Как же вы достали... — устало вздохнули на другом конце провода. — Через десять минут будет наряд...

— Ты слышал, Отелло! — прокричал Борис Антонович. — Через десять минут наряд приедет! Ночь проведешь в вытрезвителе! Там хорошо, прохладно! Милые соседи! Ласковые менты!

После некоторой паузы он, услышав затихающие проклятия и звуки удаляющихся шагов, перезвонил в дежурную часть и отменил вызов. Но перед тем, как положить трубку, успел уловить нехорошее слово.

Утром Наташа, узнав об инциденте, кинулась звонить «бывшему», но тот ничего не помнил и был рассказом о своих подвигах сильно удивлен. Велик и могуч русский народ!

Борис Антонович встретил в университете Сашу, которого не видел несколько дней. Друг раньше не задавал ему вопросов о предстоящем бракосочетании, но за обедом в столовой поинтересовался, скорее из вежливости, чем из любопытства, что же Борис Антонович решил подарить суженой на свадьбу? И, услышав в ответ: «Машину», чуть не слетел со стула.

— Машину? Ты что? За каким хреном она тебе нужна? Ты как своей, извини, кривой ногой педали собираешься нажимать? Ты же при ходьбе стонешь от боли, а тут, даже если «автомат», а не «механика» — газ-тормоз, газ-тормоз! — сдохнешь через полгода!

— А я не себе, я — Наташе, — спокойно доедая суп, ответил Борис Антонович. —

Земельный участок и дача мне не нужны, жилищные условия я улучшать не собираюсь. Ну есть чуть-чуть денег, куплю ей «пежо-207», стоит-то всего ничего, пусть ребенок радуется.

— Тогда покупай прямо сейчас, пока не расписались, потому что потом это уже будет совместно нажитое имущество, и при возможном разделе она сможет на него претендовать.

Лицо Бориса Антоновича покраснело:

— Как... Как ты можешь! Да ты вообще... Как ты подумал! Я ведь люблю ее, больше жизни люблю! Какой раздел, ты о чем?

— Да все о том же! — Саша даже вскочил со стула. — Ведь ты любишь прежде всего де Ассиса и Лиму Баррету! Пройдет немного времени, вы наиграетесь в любовь так, что смотреть друг на друга не сможете! Нет у вас ничего общего, кроме члена и влагалища!

— Ну а тебе-то что?! — Борис Антонович тоже вскочил.

Сотрудники за соседними столиками стали на них оглядываться. Борис Антонович стал говорить тише.

— Но, может, это и есть любовь, когда тот самый член вставляется в то самое влагалище!

— Тебе тридцать девять лет! — продолжал кричать Саша. — И ты калека! У тебя боли, и с каждым годом они все сильнее и сильнее! Думаешь, я этого не знаю! Тебе нужна сиделка, поклонница изящной поэзии, а твоей Наташке — жеребец! Она кассирша, ей нужен грузчик!

Борис Антонович затрясся мелкой дрожью:

— Пошел вон! Видеть тебя больше не желаю! Никогда! Нигде! Встречу в коридоре, кругом обойду! И руки никогда не подам!

— Мезальянс счастливым не бывает! — прошипел Александр, забирая портфель, лежащий на соседнем стуле. — У тебя была спокойная жизнь, и ты был счастлив. А теперь ты превращаешься в кусок жира, а скоро превратишься в кусок говна! Прощай!

Борис Антонович ничего не ответил, лишь устало махнул рукой и грузно опустился на стул. Через пять минут он вышел на улицу, сначала скрылся в продуктовом магазине, затем подошел к летнему кафе, где постоянно собирались выпивохи, показал бутылку водки и пластиковые стаканчики. Нетрезвая публика услужливо засуетилась. Он с трудом выпил свои сто граммов и, тяжело опираясь на трость (без нее он себя уже не представлял), пошел восвояси. Предательские слезы текли по его щекам — с Сашей они близко общались двадцать пять лет. Как говорится: «и Крым, и Рим...»

Борис Антонович с Наташей отправились в автосалон смотреть машину — она там побывала заранее и «кое-что заприметила». Выбор будущей супруги его ошеломил. Нет, в технических характеристиках, в ходовых качествах он был ни бельмеса, но внешний вид!.. О боги!.. О ужас!.. Красный кузов, черный кожаный салон, кресла с красной окантовкой, черные бамперы, тонированные стекла, диски с кучей спиц... Наташа прыгала вокруг этого чудовища как девочка, играющая в салочки. Не хватало бантиков, косичек и воздушных шариков.

— Слушай! — счастливо протянула она, прижимаясь к Борису Антоновичу. — У меня есть клевый знакомый, знаешь, какие он нам сделает крутые номера!

Ноги начинающего автолюбителя подкосились. Несмотря на то что процедура оформления и страхования заняла утомительно много времени, он так и не пришел в себя. Конечно, в предварительных обсуждениях упоминалось, что автомобиль покупается «на семью», но представить себя внутри этого монстра Борис Антонович, как ни пытался, не

смог.

Ночью они всегда пылко любили друг друга, но эта ночь затмила собою все предыдущие. Утром он из-за болей в спине просто не смог разогнуться и на службу не пошел, сославшись на болезнь.

Глава 5

«Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала...» Медовый месяц

Между делом настал день свадьбы. Борис Антонович был молчалив и спокоен — скорее, нервически спокоен, с трудом соображая, что происходит вокруг. Наталья же суетилась, раздавала указания, ранним утром успела съездить в столовую (исправить недочеты), на «пежо» — права у нее были давно, получила она их вместе с «бывшим» — гоняла как Джейсон Баттон. Она заставила его купить новый костюм Canali, не хухры-мухры. Пусть жених не в смокинге и без бабочки, но с тростью и с бородой — очень стильно! (Покупку делали в «мультибрендовом бутике», Борис Антонович надолго заинтересовался рекламой Cortigiani — «Сен-Тропе, Капри, Микonos и Порто-Черво, и по сей день крайне привлекательные для всех обладателей платиновых кредитных карт, яхт и кабриолетов, определили мужчину Cortigiani. Он привык отдыхать на широкую ногу и носить что-то «интеллектуальное», но предельно расслабленное. На отдыхе, с одной стороны, он не забывает про спорт, а с другой — не прочь пойти на вечеринку или же устроить ее прямо на своей вилле. Мужчина Cortigiani — счастливый человек без возраста. Ему, возможно, двадцать пять, он уже многого достиг, но многое ему еще предстоит. Или ему тридцать, он руководит крупной компанией, и все называют его счастливчиком. А возможно, ему за сорок, но никто и никогда не даст ему больше тридцати пяти: глаза горят, как у юноши, вокруг них еле заметная паутинка морщинок, а улыбка — харизматична, как и он сам». (Тьфу!) Сама же надела голубое полупрозрачное платье со стразами и откровенным разрезом на боку, через которое просвечивало голубое белье. Глядя на взволнованную невесту, Борис Антонович подумал, что любой мужчина думает прежде всего о том, как затащить такое совершенство в постель, а не о том, нравится ли ей Жозе Сарамого.

У Дворца бракосочетаний собралась разношерстная толпа. Борис Антонович пристроился к коллеге Зубатову, потому что у того была припасена фляжка со студенческим коньяком «Мартель». Хмурые с утра мужчины в мешковатых пиджаках, бесформенные женщины в нарядах «на выход», безвкусно одетые ребята, девушки, кто в длинных платьях, волочащихся по грязному асфальту, кто в коротких юбках с замысловато накрученными прическами — все ожидали начала праздника.

К радости многих, во Дворце был буфет, и потому, пока молодые давали друг другу клятву верности и обменивались кольцами (с мылом не снимешь, Борис Антонович специально выбирал, чтоб, если что, оторвали только с пальцем), народ время зря не терял. Некоторые даже опоздали к торжеству, да оно и к лучшему. Суетился видеооператор, щелкала вспышка фотографа, Наталья сверкала белозубой улыбкой, а ее папаша зубами скрипел — пора было выпить. Борису Антоновичу стало душно, захотелось на воздух. Наконец поставили подписи, их объявили «мужем и женой», и все побежали рассаживаться по машинам. Лишь прохлада кондиционера в арендованном «мерседесе» привела Бориса Антоновича в чувство. Он достал реквизированную у коллеги Зубатова фляжку, глотнул сам, предложил Наташе, та хихикнула и тоже сделала «добрый» глоток. Борис Антонович не сводил со своей любимой глаз. Глотнув еще, он подумал: «Боже мой! А ты действительно счастлива! Люблю тебя, люблю!» — и полез целоваться. Она с жаром ответила. Из машины около столовой вылезла с размазанной на губах помадой и громко хохоча. Тут же ее

окружили подружки и быстро привели в порядок.

Дальше пошло по традиции — тосты, водка, шампанское, салат оливье, котлеты. Через полчаса возрастная грань между поколениями стерлась. Автослесари, хозяева ларьков, индивидуальные предприниматели, строители коттеджей и преподаватели романо-германской филологии с жаром спорили друг с другом. Через час стали дарить подарки — кухонную утварь и мелкую бытовую технику. Кто-то подсовывал конверты с наличными (тысяча рублей? Или две?). Тамада был глуп, его никто не слушал. Начались танцы. Невеста выдавала такие коленца, что все не сводили с нее глаз. Она маняще выгибалась, кружилась, сверкала глазами и улыбкой. На ее призыв в круг выскочил стройный мускулистый парень, прямо настоящий Latin Lover, и завертел с ней настоящую карусель. Щеки Наташи горели огнем, грудь вздымалась, она ни в чем не уступала своему настойчивому кавалеру. Борис Антонович, решив, что ревновать не стоит, выпил очередную рюмку водки и закусил студнем. Танец закончился, неожиданной паре аплодировал весь зал. Кавалер, не будь дураком, взял невесту за руку, и та отвечивала поклоны, как балерина Большого театра. Шум стоял невообразимый. Борис Антонович знал, что со стороны он был похож на надувшегося индюка, но ничего не мог с собой поделать — молча сидел и время от времени улыбался, когда к нему обращались. За столом шептались, что жених нашел свое счастье за кассой в супермаркете. Случайные гости восклицали: «Не может быть!», имея в виду красоту невесты, а потом понимающе тянули, узнав о физическом недостатке жениха: «А-а, ну тогда все понятно!» Друзья, еще державшиеся на ногах, доставили молодоженов домой. «Первой брачной ночи» не получилось, потому как влюбленные были пьяны в стельку.

На второй день свадьбы пришли в снятую Наташей дешевую забегаловку лишь самые стойкие, в основном ее друзья. Борис Антонович пытался увильнуть, и лишь звонок коллеги Зубатова с обещанием притащить пару «Мартеля» поднял его на ноги.

Хорошо, что предел пьянству был поставлен запланированным свадебным путешествием в Турцию. Как ни хотелось Борису Антоновичу оказаться на волшебных Эшгорице или Кинта до Лаго, про которые он столько читал и слышал от очевидцев, бюджет не резиновый — машина, свадьба, кольца. Наташу за кассу пускать больше нельзя — не тот статус, а переводов все меньше — кризис, а ставку в университете ему не повысят — об этом давно забыли и стерли из памяти... А жить как-то надо. А как? Да как весь народ живет — позволяя себе иногда маленькие радости. Вот и у них — Кемер. Синее море, камни, песок, отель, пальмы в кадках. Не Атлантический океан, но тоже вон — Средиземное море, не Белое, во всяком случае.

Настроение у Натальи — супер. Оставили вещи в номере и сразу — осматривать достопримечательности. Потом бассейн, пляж, ресторан, оздоровительный центр. После коротенького секса — так, территорию пометить — уснули, устали от перелета. Затем снова море, синие упругие волны, номер, переодевание, ужин, танцы...

Ну, танцы — это сильно сказано. Борис Антонович в льняном костюме потягивал итальянское белое, купленное за наличные (к дьяволу ваше «все включено» и мочу под видом вина!). Ему не до танцев. Наташа же не сидела ни минутки. В очередном легком полупрозрачном платице танцевала под легкий лаунж. К ней подкатывались накачанные наглые турецкие аниматоры в расстегнутых до пупка рубашках. Она, улыбаясь, взглядом показывала на мужа. Он в своем бежевом костюме и с тросточкой — чистый олигарх (только что олигарх делает в Турции?). Обладатели рельефных мышц отваливали...

По утрам — вместе в бассейн. Плавали, пока не чувствовали прилив так нужной

бодрости. Наташа — на массаж, дренаж, хамам, водоросли, обертывание — правильно, молодость не может быть некрасивой. А он за рабочий стол — преподнесли-таки на свадьбу единственный стоящий подарок — ноутбук, и писал себе, писал что-то там...

Вечером — легкий ужин с легким вином, бестолковые разговоры. Наталья не открыла ни одну из книжек, которые он ей взял в путешествие. Снова танцы...

На пятый день он вдруг понял одну закономерность в тексте Wander Piroli, увлекся и не пошел на дискотеку. Может, Наташу это обрадовало — его присутствие на площадке перестало ее стеснять. Возвращалась она за полночь, раскрасневшаяся, и требовала, требовала неизбежного секса...

На седьмой день Борис Антонович еле дополз до бассейна. Приступы боли в спине бывали и раньше, в воде чаще всего отпускало, но чтобы скрючило так, как сегодня... Старый друг мовалис не помог ни на секунду. Оставшиеся два дня он лежал, свернувшись клубком в номере, и стонал. Наташа перепугалась страшно, но билеты решили не менять — да это и невозможно: чартер как-никак. Летел он обратно согнувшись и весь зеленый от мучений.

Глава 6

Болезнь пришла

Борис Антонович сразу отправился к своему лечащему врачу Ивану Анатольевичу в НИИ нервных болезней. Именно он в свое время и прекратил бестолковые попытки излечиться с помощью мануальных терапевтов, институтов курортологии, вытяжек из кокосового дерева, физиотерапии, китайского иглоукалывания и советов народных целителей. Да, есть от неправильной осанки, вызванной разной длиной ног и кривой походкой, остеохондроз, есть между четвертым и третьим, а также между четвертым и пятым позвонками две пятимиллиметровые грыжи, разрушающие межпозвоночные диски, ну и живи с этой болью, на лучшее не надейся, сделать операцию всегда успеем.

Бегло осмотрев старого знакомого, врач без лишних разговоров отправил его на другой этаж делать МРТ, отодвинув к чертям собачьим всю очередь.

— Ну скажи мне хоть что-нибудь! — взревел Борис Антонович.

— У тебя на старых снимках, — рассматривая историю болезни, ответил тот, — грыжи давят на нервные корешки, а судя по нынешним симптомам — дело вообще дрянь.

— Разве больному можно такое говорить!

— Ну ты же не ребенок! Что я тебе отвечу? В Усть-Илимском районе живет бабка, пошепчет, и все как рукой снимет? Что ты хочешь услышать? Поезжай к филиппинским хилерам, тибетские знахари иголки тебе уже ставили! Давай, иди, ждут же тебя, не задерживай мне очередь!

В коридоре сидела бледная Наталья.

— Что сказал доктор? — спросила она.

— Ничего, — зло огрызнулся Борис Антонович. — Послал снимок делать.

В кабинете магнитно-резонансной томографии Борис Антонович разделся, снял часы и крестик, лег в аппарат. После получасового мерного жужжания (чуть не задремал, слабость теперь ощущал постоянно) получил на руки снимок. Попытался сам что-то там разглядеть, но ничего не понял, пошел к Ивану Анатольевичу. Тот прислонил снимок к светящейся рамке и чертыхнулся.

— Ну что? — не выдержал Борис Антонович.

— Ничего хорошего! Блин, как ты еще ходишь... Смотри! — И врач указал маленькой указкой на какую-то точку на снимке. — Твоя грыжа между четвертым и пятым позвонками выросла до одиннадцати миллиметров и давит на корешки спинного мозга. Вторая — между четвертым и третьим — уже восемь, и когда давить начнет и она, единственное кресло, в котором ты сможешь сидеть, будет инвалидное. Почему, черт подери, такой быстрый регресс? Ты же выполнял мои рекомендации? Никаких тяжестей, прогулки — сто метров по лесной дорожке, плавание два раза в неделю — медленно, медленно, метров по триста максимум, и то лишь бы не разжиреть! Откуда это?

Борис Антонович все понял.

— У меня сильно возросли физические нагрузки.

— Ты записался в контрактные войска?

— Нет. Я женился. На двадцатитрехлетней девушке. Ну... и до свадьбы... это самое... сам понимаешь...

Иван Анатольевич всплеснул руками.

— И сколько же раз в неделю «это самое» у вас, с позволения сказать, происходит?

— Каждый день. По нескольку раз...

— Ой дурак... — прошептал врач. — Твоя единственно возможная поза при сексе — лежа на спине и не двигаясь. Особенно важно — не дергать тазом.

— Но... — оторопел Борис Антонович. — Это же невозможно...

— Зато есть возможность остаток жизни провести в инвалидном кресле. Хочется?

— И что же делать? — Годами натренированный стоицизм Бориса Антоновича стал давать серьезные сбои.

— У нас тебе оперироваться нельзя — зарежут, как свинью. Прямой путь в дом инвалидов, а то и на погост. Тебе нужны микроинвазивные операции, несколько штук. Делают их в Израиле. Стоимость одной операции — двадцать тысяч долларов, но очень качественно. В США — тысяч двадцать пять. В Германии есть отличная больница, под Берлином, в Потсдаме, так и называется: Клиника микроинвазивной хирургии. Там русскоговорящая секретарша Ирина, прекрасной души человек, организует все в лучшем виде. В Москве практикует Барков — заменяет разрушенные диски титановыми протезами, говорит — в футбол потом играть можно. Но его пациентов я не видел, а сделавших операцию в Германии — видел. Операция — семь тысяч евро, но тебе одной не обойтись. Нужно делать новый позвоночник. Или подышать.

— Обнадежил...

— Что решил? Не откладывай. Когда грыжа высыхает, она отваливается и падает в нервный столб. Если упадет не туда, куда надо, операцию нужно провести в течение двадцати четырех часов, иначе всю оставшуюся жизнь будешь писать сидя, причем через трубочку. Приступ — и «скорая» везет тебя в ближайшую больницу, где дежурный врач без всякой микроинвазивности вскрывает тебе все, что можно, и откусывает грыжу щипцами.

— Умеешь ты обрадовать...

— Вот тебе номер телефона в Берлине, вот адрес сайта. — Иван Анатольевич «докторским» почерком черкнул что-то на маленькой бумажке. — Молодой жене скажи, пусть терпит. Или разводится. Это та блондинка, что в коридоре? Надо же, и чем же ты ее взял?

— Вань, давай без...

— Ты о здоровье своем думай. А то у тебя больше не будет ни блондинок, ни брюнеток. Секс до операции, после операции — отменяется. Как прооперируешься, позвони. Проведем физиотерапевтические процедуры, поможем оклематься. Сделаем новые снимки. В Москве через два месяца конференция, встречу с Барковым, может, он что умное присоветует. Но ты же знаешь — каждый свой метод, как единственно верный, хвалит. Я пока больше буржуям доверяю — опыта у них, понимаешь, побольше. Ну ничего, раз порежем тебя, другой, третий — будет тебе компенсация за молодую жену. В жизни ведь просто так ничего не бывает, верно?

— Иди ты в жопу со своей философией... Давай телефон.

По дороге домой Иван Антонович с Натальей не разговаривал. Она пыталась дуть губки, но, поняв, что дело серьезное, отстала. Сразу отправилась хлопотать на кухню, убирать скопившуюся за время отсутствия пыль.

Борис Антонович находился в тяжелых раздумьях. Думал не о грядущей операции, а о том, где взять на нее деньги. Ну, предположим, на один визит в немецкую клинику он наскребет — закроет рублевый счет в Сбербанке, валютный в «Уралсибе»... Ну а если

понадобится вторая, третья?.. Надо будет ставить протезы. Где брать деньги, где?

— Натуля! — позвал он жену.

— Да, любимый, — вбежала та в спальню, на ходу вытирая руки какой-то салфеткой.

— У меня проблемы с позвоночником. Надо срочно делать операцию. В Германии. Семь тысяч евро. Плюс перелет, проживание. Результат не гарантирован. То есть оперативное вмешательство устраняет одну причину, но остается другая. Но если ничего не предпринять, скоро я окажусь в инвалидном кресле. И еще... После первой же операции у нас денег останется — всего ничего. Плюс процесс реабилитации, преподавать я не смогу, останутся только переводы. А их сейчас почти не дают — кризис. Вот такая... петрушка.

Наташа выслушала молча.

Борис Антонович рассчитывал на понятную ему реакцию — жена заплачет и скажет: «Конечно, оперируйся, деньги мы найдем, я с тобой до гроба...». Или: «Ну, давай попробуем. Вдруг с первого раза наступит резкое улучшение. Пока идет реабилитация, я стану работать, мы молодые, сильные, займем, заработаем, отдадим...»

Вместо этого Наталья побледнела, бросила салфетку на пол, произнесла: «Блядь!» и ушла в ванную. Там она включила воду и заперлась.

Борису Антоновичу не хотелось к своим страданиям добавлять неудовольствие жены. Он прикинул разницу во времени и позвонил в Берлин. На немецком он, кстати, тоже сносно объяснялся, но его сразу соединили с секретаршей Ириной Бергер, которой он быстро объяснил суть дела на русском языке. «Ну, да, конечно, врач уникальный. Я знаю, что такой — один на весь Берлин. Понимаю, что очередь за четыреста тридцать два месяца. Но мы же русские, очень болит, знаете ли. Конечно, снимок через DHL вышлю завтра и семь тысяч евро тоже завтра. Вот вам мой мэйл, передавайте реквизиты. Я получаю визу, звоню, вы бронируете номер в гостинице. Я прилетаю — вы встречаете. Врач смотрит — режет, не хочет он — другой режет. Я был на вашем сайте, у вас много хороших врачей. Нет, понятно, что он лучший, ну и берем тогда лучшего, откладывать-то нельзя. Как только вышлете реквизиты — сразу деньги и отсканированную копию платежки на ваш мэйл. Со всем согласны? Вот и аувфидерзеен, пока-пока».

Между прочим, со своей супругой никогда, ни по какому поводу, ни разу Борис Антонович еще не ругался. Ее нынешнее поведение его раздражало.

— Открывай! — заорал он и стал стучать в дверь ванной.

Дверь сразу распахнулась. Наталья выскочила с красными глазами и надутая, как мышь на крупу.

— А ты уверен, что твой врач тебя не «разводит»? — выдала она. — Может, у него «откат» от этой клиники за клиентов? У тебя же есть страховой медицинский полис? Грыжу тебе обязаны вырезать бесплатно в нашей больнице!

— ЧТО? ЧТО?! — Борис Антонович не верил своим ушам. — Это говорит МОЯ жена? Пусть любимого человека уродуют пилой костоломы, лишь бы денежки сохранить?! Я правильно тебя понял? Врач, который лечит меня с двенадцатилетнего возраста, решил выставить меня на «бабки», чтобы получить «откат»? Так! — страшно заорал он. — Минута, и тебя здесь нет! Минута! Иначе в окно выброшу! Вниз башкой!

Наташа, впервые видевшая мужа в таком состоянии, схватила сумочку, быстро всунула ноги в туфли и выбежала на лестницу.

— Дешевка! Потаскуха! — неслось ей вслед.

Весь остаток вечера Борис Антонович сидел на сайте клиники. Договорился со

столичным туристическим агентством о помощи в ускоренном получении визы — сошлись на том, что в Москве за деньги его без очереди впустят в посольство, нужно только иметь необходимые документы и оплаченный счет за операцию. Виза будет на другой день. Все это он отписал немке Бергер на ее мэйл. Для ускорения процесса вновь попросил счет. Также через Интернет выяснил адрес ближайшего офиса DHL, собрался заехать туда с утра.

«А не помешала бы машина, черт побери! И водитель не помешал бы!» Ну, Наташка, ну, зараза... Вышла замуж за университетского преподавателя из-за денег? Какие у преподавателя деньги? Из-за жилья? Надоело жить с пьяным папой и визгливой мамой? Нет! Нет предела скотству человеческому... Единственное, что может ее оправдать, — это то, что она полная, круглая, конченная дура. Но зачем человеку, знающему шесть живых языков и два мертвых, дура жена? Да затем, что у нее сиськи третьего размера и после получасового минета, сперму проглотив, она все продолжает и продолжает свое fellatio, пока ты опять не кончишь. Жопка у нее твердая, как камень, и, трахаясь раком, она не стоит бесчувственной коровой, а откликается на каждое твое движение, и часто не поймешь, кто кого трахает... Чего стоят все знания мира, когда есть такая маленькая щелочка, стенки которой каждый раз то сильно сжимают, то чуть ослабевают хватку, когда ты вводишь туда свою жадную до ласки восставшую плоть...

Борис Антонович порылся на кухне в стенном шкафике — текила! К черту текилу! Где-то были виски и запас заплесневелого чернослива в шоколаде, пережившего и американскую, и северокорейскую, и иранскую ядерные угрозы.

Мобильный и домашний телефоны трезвонили беспрестанно, он их отключил. Глотнул виски из бутылки, затем плеснул в стакан, залпом выпил, снова налил, и уже только тогда уселся в кресло, закусил черносливом и в кои-то веки включил телевизор. Еще виски! Отпускает... Отпускает...

Утром, едва продрав глаза, сразу к компьютеру. Открыв почту, Борис Антонович сразу увидел письмо с реквизитами Commerzbank AG. Очередь-очередью, а с «русских свиной», наверное, дерут втридорога, так что всегда желанные клиенты. От себя секретарша добавила, что поначалу все-таки хорошо было бы увидеть снимки. Вдруг врач не возьмется за операцию? «Ничего, — подумал Борис Антонович. — Если что не так, вышлете деньги обратно. Потеряете двадцать евро за перевод, ничего страшного, зато время сэкономлю». Отправлять электронкой снимки фрау Бергер не советовала — могут не дойти. Да оно и понятно.

Быстро поплескавшись в душе, он выпил холодного чаю и помчался в компанию DHL. Только заполнив все бумажки, заплатив и получив квитанцию, вспомнил, что не включил вырубленный вчера мобильный. Сразу заверещали SMS-ки — вам звонили с такого-то номера. Двенадцать звонков. Номер был Наташин. Минут через пятнадцать, когда он уже подъезжал к «Уралсибу», она позвонила еще раз. Выла, стонала, пыталась объяснить, что он ее неправильно понял. В общем, Борис Антонович растаял — они помирились. Понял-то он ее правильно, но что теперь — из дому гнать?

Наталья поджидала его у входа в банк на своем футуристическом авто.

— Миленький, миленький! — тараторила она. — Прости, прости!

— Ты едешь со мной в Берлин, я так понимаю? — утвердительно спросил Борис Антонович.

— Конечно, конечно!.. Когда?

— Завтра утром.

— Как завтра?

— Вот так, завтра. Давай за билетами. Прилетим в Москву — сразу в турагентство, потом в посольство за визой, получаем и тут же в Берлин. Ясно?

— Яс-сно...

В машине Наташа, оказавшись в привычной обстановке тяжелого трафика, пришла в себя, крикнула кому-то, высунувшись в окошко: «Гондон!» Водила она ужасно: одновременно курила и разговаривала по мобильному, а потом подрезала парковавшуюся «тойоту», заняв ее место около авиакассы. Водитель еще только собирался выразить недовольство, как Наталья, опередив его, крикнула:

— Что?! Тебе больше надо? Вон, на бордюрике место есть! — и потащила Бориса Антоновича вверх по лестнице.

Оставшееся время провели в сборах. Документы, карточки, билеты, наличные...

— Одежды бери минимум, — сказал он жене. — После операции тяжести мне поднимать нельзя, свои чемоданы будешь таскать сама.

— Справлюсь! — уверенно ответила Наташа, пыхтя и продолжая набивать вместительный «Самсонит» всевозможными тряпками.

Летели плохо, самолет трясло, попадали в воздушные ямы, взятая на время — уж очень понравилась — фляжка коллеги Зубатова скрашивала возникшие неудобства. Из Домодедова сразу поехали на «Китай-город» в турфирму, обещавшую легко «проконтактировать» с визовым отделом посольства Германии. В помещении толкалась туча народу. Борис Антонович подошел к столу, заваленному различным рекламным хламом, и представился. Мальчик-одуванчик, не стесняясь, при всех попросил у него сто евро. Получив деньги, весело сказал: «Поехали!» Они сели в его разваливающийся «форд» и направились на Ленинский проспект, дом 95а. Москва — город пробок. Добирались долго. Когда приехали на место, верткий юноша куда-то убежал и вернулся только через двадцать минут:

— Идите вон в те ворота. Охране покажете паспорта, вас пропустят.

— А очередь? — поинтересовался Борис Антонович.

— Повторяю еще раз! — Наглый мальчик поднял указательный палец. — Видите будку с охраной? Показываете паспорта...

— И нас пропускают! — бодро закончила за него Наташа.

— Точно! — улыбнулся ловкач и был таков.

Они попали в здание посольства. На столах были разбросаны анкеты, на стенах висели образцы — для туристов, воссоединяющихся семей и прочая лабуда. С грехом пополам они заполнили бумаги и подошли к свободному окошку.

— Цель поездки! — сурово глянула на них дама с внешностью госслужащей Третьего рейха.

— Там все указано, — тихо сказал Борис Антонович. — На операцию и дальнейшее лечение.

— Вот как... — с каким-то радостным торжеством протянула дама. — А вы знаете, чтобы получить визу и выехать на лечение, надо сначала оплатить лечение? — И она, словно издеваясь, ухмыльнулась.

— Так вот же платежка, — еще тише ответил Борис Антонович и подвинул ей листик со штампом банка и выпиской о переводе.

Дама сморщилась, словно глотнула что-то кислое. Она сгребла документы и произнесла:

— У вас срочный выезд. Приходите завтра после двух, — и, не прощаясь, встала со стула, показав им широкую, скорее мужскую, чем женскую, спину.

— Почему везде так русских не любят? — уже на улице спросила Наташа.

— Потому, что порой ведут себя как свиньи. Вспомни Турцию — отдыхающий с утра нажрался, заснул пузом кверху на лежаке под солнцем, к обеду сгорел чуть ли не дотла. Кожа слезает лоскутами, но бельма залил — и опять все нипочем.

Жизнь становилась экономной.

Им порекомендовали дешевую гостиницу «Юность» в Лужниках. «Дешевизна» выразилась в пятидесяти тысячном двухместном номере — тесная комнатка, протекающий унитаз, неплотно закрывающиеся окна, кровати под углом друг к другу. Борис Антонович посмотрел в окно на Воробьевы горы и подумал: «Да к черту все! Вылечусь — завалю своим резюме представительства всех португальских, бразильских и ангольских компаний! Все

издательства! Техническая, научная литература — наплевать!»

Наташа предложила поехать в центр — «потусить». Все-таки Москва! Но ответом на робкий намек был хмурый злой взгляд Бориса Антоновича. Она согласилась ограничиться китайским супом в кафе на первом этаже.

Борису Антоновичу суп и остальная китайская хрень понравились. Под острую закуску он с удовольствием выпил бутылку недорогого белого вина — теперь оно являлось обезболивающим вместо диклофенака и мовалиса.

Получить визы помог все тот же ловкий юноша из агентства. Через него Борис Антонович купил билеты в Берлин и обратные Берлин — Екатеринбург с открытой датой. Вылет был в пять утра из Шереметьева-2. Мальчик снова заработал приличную сумму.

Выйдя за порог туристического офиса, Борис Антонович набрал номер телефона госпожи Бергер и попросил подробнее объяснить, как от аэропорта добраться до клиники. Немка, похоже, обиделась. Она сказала, что их встретят, и попросила назвать номер рейса и время прибытия. По ночной Москве домчались до Шереметьева за полчаса, прошли таможенную и паспортный контроль. Борис Антонович, чтобы взбодриться, заказал в баре крепкий кофе, а Наталья отправилась на поиски магазина Duty Free. В самолете он задремал, даже проспал посадку. В зале прилета их встретила приветливая красивая женщина лет сорока, посадила в свой маленький «фольксваген-гольф» (а они-то думали, что у клиники служебная машина со своим шофером!), села за руль и помчалась, болтая без умолку. О себе рассказала, что она коренная москвичка, изучала немецкий в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза. На втором курсе вышла замуж за немца и, не доучившись, уехала с ним в Берлин. Потом развелась, детей нет. Их клиника — лучшая в Европе, открыта в девяносто восьмом году. У них самое передовое оборудование, новые методы лечения, лучшие врачи. Снимок доктор Клетцер смотрел, сказал, что оперировать можно и откладывать нельзя.

— Он очень удивился, узнав, что вы еще самостоятельно ходите, — со смехом добавила она.

«Веселая дамочка», — подумал Борис Антонович.

— Операцию назначат через несколько дней после осмотра, анализов и кардиограммы, — продолжала та. — До нее — строжайшая диета. Проживание в клинике очень дорогое, поэтому я подобрала для вас скромную гостиницу, но в самом центре города. Holiday Inn на Bleibtreustrasse. У вас будет время погулять и ознакомиться с достопримечательностями Берлина. Доктор Клетцер — лучший в мире специалист, поэтому все будет хорошо. По крайней мере, в операционной еще никто не умер... — И опять хохотнула.

— Я все понимаю, — вклинился в ее речевой поток Борис Антонович. — Но почему нельзя оперировать сразу? В чем смысл? Если анализы и кардиограмма нормальные — ждать-то зачем?

— Это потому, что вы из России, — без тени смущения ответила Ирина Бергер. — С россиянами всякое случается. Был случай — больной прилетел оперироваться после недельного запоя — у него, видите ли, был юбилей. В аэропорту, забыв, что его встречают, промчался вихрем мимо меня. Поймал такси и отправился отсыпаться в первую попавшуюся гостиницу, которую ему порекомендовал таксист, — ну, вы меня понимаете. Тот завез его черт знает куда, я потом замучилась пациента отыскивать. Когда же нашла и доставила в клинику, анестезиолог категорически отказался давать ему наркоз. Пациент ждал неделю,

пока из него выйдет весь хмель.

Борис Антонович наклонился к Наташе:

— Ты спрашивала, почему русских за границей не любят, помнишь? — спросил он. — Богатый русский человек — не значит воспитанный, отсюда и отношение...

Госпожа Бергер услышала.

— Э-э, не совсем так в данном случае. Парень оказался отличный. Боль переносил стойко, медсестер не третировал, терпел. Знаете, одну даже склонил к сексу... — улыбнулась она.

— Ничего себе!.. — вздохнул Борис Антонович.

— Да, представьте себе! — махнула рукой Ирина. — Провожали его очень тепло. Когда я по личным делам прилетела в Москву, первым делом позвонила ему. Он встретил меня на своем «лексусе», возил по всем моим делам, вечером пригласил в «Антонио» — это такой дорожный итальянский ресторан, поил шампанским... Да-а... Но когда мне нужно было уезжать, он опять ушел в запой, и в аэропорт меня отвозил его молчаливый строгий водитель.

Тут Наташа неожиданно хихикнула — рассказ о бесшабашном пациенте ей явно понравился.

— Мы приехали, — сказала госпожа Бергер. — Выходите.

Борис Антонович с Наташей вышли из машины, огляделись. Сразу стало понятно, что здесь лечили не только тела, но и души: парк, цветники, фонтаны — все было великолепно.

В приемной стояли уютные кожаные диваны, на стенах висели очень дорогие картины. Борис Антонович не слишком разбирался в живописи, но понял это сразу. Доктор Клетцер обещал принять через час, а пока им предложили чай с аппетитными булочками. После чая Борис Антонович сдал кровь и сделал кардиограмму.

Доктор Клетцер оказался крепким мужчиной с усами по моде семидесятых годов. В разговоре он постоянно подтягивал вверх рукава тоненького свитера и тыкал пальцем в снимок позвоночника. Ирина Бергер переводила, но Борис Антонович больше слушал Клетцера, чем ее. Ему очень не понравилось, что врач делал упор не на особенности операции, а на ответственность, которая целиком и полностью ложилась на пациента.

— У меня очень тяжелый случай? — спросил по-немецки врача Борис Антонович.

Клетцер немного удивился, услышав родную речь, но потом честно ответил:

— Я думаю, самый тяжелый за всю историю клиники. Скажу больше: если делать все сразу, вы можете умереть. Ваше сердце может не выдержать. Готовьтесь, что операций в течение года будет две, а может быть, даже три. Иначе вы не сможете самостоятельно передвигаться. Вы меня понимаете?

— Я вас понимаю.

Госпожа Бергер благоразумно не стала это переводить — юной Наташе все это знать было вовсе не обязательно.

Операцию назначили через четыре дня.

Доктор Клетцер улыбнулся, пожал руку Борису Антоновичу и откланялся. Фрау Бергер через полчаса принесла целую кипу бумаг, которые надо было подписать. Борис Антонович чиркнул на каждом листке — «согласен», «согласен», «согласен»...

После всех бюрократических процедур фрау Бергер отвезла их в гостиницу. Предложила им услуги гида — женщины-эмигрантки «из Ленинграда», хорошо знающей город и готовой поделиться с ними своими знаниями за восемьдесят евро. Еще напомнила, чтобы пациент не

ел жирной пищи, мяса, не употреблял алкоголь. Дала адреса нескольких ресторанов, в том числе и вегетарианского.

Борису Антоновичу было не по себе. Но не рыдать же в отчаянной тоске? Он осмотрел номер: кровать широкая и удобная, имелся письменный стол, на который он сразу водрузил свой ноутбук. Ничего — жить можно!

После душа они с Наташей решили пройтись. Не успели отойти от отеля на двести метров, как наткнулись на автосалон «мерседес». Наташа тут же заскочила туда «на минуточку», и Борис Антонович полчаса переминался с ноги на ногу у входа, ожидая ее. Вегетарианский ресторан оказался обыкновенной забегаловкой с незатейливым «шведским столом» с овощными салатами, заправленными оливковым маслом. Они набрали на огромный музыкальный магазин. Борис Антонович не стерпел, купил себе Vanda Eva, Yvete Sangalo, Netinho, Cheiro de Amor на португальском. Потом дошли до рейхстага. Красивое здание вовсе не напоминало цитадель фашизма. Прямо на травке группками сидели неформальные представители немецкой молодежи. Лохматые и бритые наголо юнцы и девушки пили пиво, которое тут же разливали в пластиковые стаканы, ели хот-доги. Кто-то кружился на маленьких велосипедах, кто-то кувыркался на скейтах...

«Идиллия, только на что живут?» — подумал Борис Антонович.

Близился вечер. Наташа решила зайти в итальянский ресторан, тоже рекомендованный госпожой Бергер. Ресторан оказался очень симпатичным — маленький, уютный... Пока Борис Антонович бегал в туалет руки мыть, Наташа разговорилась с симпатичным брюнетом-официантом. Когда Борис Антонович вернулся, Наташа обратилась к нему:

— Познакомься, это Леонель. Он аргентинец. Представляешь, два года жил в Киеве и великолепно говорит по-русски!

— Здравствуйте! — поздоровался официант и широко улыбнулся.

Борис Антонович почувствовал легкий укол ревности.

— Откуда сам будешь родом, друг? — спросил он по-испански.

— Я из Аргентины, — ошеломленно ответил парень.

— А из каких мест? Север? Юг? Согласись, Буэнос-Айрес, Формоса или Санта-Крус — это большая разница.

— Я родился в Кордове, потом переехал в Ла-Плату, затем оказался в Европе — так получилось. В Киеве я учился на терапевта — на Украине дешевле.

— А как оказался в Германии?

— Путешествовал, женился на немке. Так и застрял. Но мне здесь нравится.

— Я, знаешь, съел бы свежую рыбу. Есть у вас рыба?

— Я знаю, что предложить! Вот барамунди — пальчики оближешь!

— Так давай, торопись! Даме — то же самое! Спасибо скажем не только словами!

— Айн момент! — Официант кинулся на кухню.

Борис Антонович поймал восхищенный взгляд жены. Вот где, оказывается, пригодились тридцатилетнее шгудирование иностранных языков!

— Что ты ему сказал? — спросила Наталья.

— Я попросил подать нам самую свежую рыбу, и он побежал на кухню рассказывать, что встретил русского, который знает, что такое Формоса.

— А что такое Формоса?

— Провинция на самом севере Аргентины, граничит с Парагваем...

После ужина чуть захмелевшая Наташа — она выпила под рыбку два бокала вина —

стала проситься куда-нибудь сходить, например, в клуб. Официант Леонель услужливо подсказал, что дверь справа от входа в ресторан ведет в клуб. Правда, он не уточнил, что клуб специфический. Вывалились молодожены из гей-заведения со смехом и в таком прекрасном настроении, что, вернувшись в гостиницу, не раздеваясь, упали на кровать и принялись жарко целоваться.

— Стой! — вдруг отстранился Борис Антонович. — Мне же нельзя!

— Миленький! Любимый! — горячо зашептала Наташа, приблизив к нему свое лицо. — Скажи мне, только честно: может так случиться, что тебя не вылечат?

Борис Антонович ответил, как отрезал:

— Может!

— Послушай, а вдруг мы последний раз в жизни занимаемся любовью? Что, если это так?

Пауза длилась лишь секунду — Борис Антонович бросился к ней, отскочила пуговица, полетела на пол одежда...

Любовный пыл утих только с рассветом. Около полудня Наташа стала его будить.

— Отстань, любимая, — ответил он. — Мне плохо, все тело ломит...

— Ты что, забыл? У нас же сегодня экскурсия!

— Перенеси на завтра. Я что-то не в силах... Если хочешь, пойдешь, погуляй сама.

— Идет!

Она быстро собралась, чмокнула его в щеку и выпорхнула из номера.

Борис Антонович выпил три таблетки мовалиса и снова заснул.

Проснулся он через несколько часов от Наташиного щебета. Она трясла его за плечо:

— Боря, Боречка, проснись! Я в маленьком магазинчике такой черный брючный костюмчик нашла — отпад! А к нему оранжевый шарфик с черными узорами. Если бы только видел, что за прелесть! Я хочу его, хочу! Дай денежек, а?

— Бери, — устало отмахнулся от нее супруг.

— Ур-ра! — пропела Наталья, выхватила несколько бумажек из его портмоне и испарилась.

Борис Антонович позвонил на ресепшен, попросил чаю — побольше, целый чайник. Он открыл купленную перед поездкой книгу Уэльбека, листал и с мазохизмом примерял образы его героев на себя. «Беда всего страшнее настигает нас, когда нам покажется, что возможность счастья реальна и вполне достижима», — читал он. «Относительно физической любви я не строил никаких иллюзий. Молодость, красота, сила: критерии у физической любви ровно те же, что у нацизма. Разжигать желания до полной нестерпимости, одновременно перекрывая любые пути для их осуществления, — вот единственный принцип, лежащий в основе западного общества. Сначала ее невозможно будет уговорить, потом она застыдится, когда мы вместе выйдем на улицу, станет колебаться, а стоит ли знакомить меня с друзьями, — и, не раздумывая, бросит меня ради мальчишки, своего ровесника», «Подобно всем очень красивым девушкам, она, по сути, годилась только для секса, и глупо было использовать ее как-то иначе, видеть в ней нечто большее, нежели роскошное животное, балованное и испорченное во всех отношениях, избавленное от любых забот, от любого тяжелого или скучного труда, чтобы целиком посвятить себя сексуальному служению». Нет, ну какая жуть...

Вернувшись после похода по магазинам Наталья в одной майке, через которую просвечивали соски, села на кровать, скрестила ноги и стала грызть яблоко, листая только

что купленный журнал.

Борис Антонович с кровати в этот день так и не встал.

На следующее утро за ними заехала на машине экскурсовод Мирра. Жена внимательно слушала ее рассказы («Хоть что-то ее заинтересовало!» — подумал Борис Антонович). Они осмотрели кучу достопримечательностей, но в памяти Бориса Антоновича отложились только Брандербургские ворота, бывшее здание гестапо, которое ни русские, ни американцы специально не бомбили, надеясь после войны найти в нем ценные архивы, да подъем на смотровую площадку какой-то высотки, откуда открывался чудесный вид на город. Обедать отправились в швейцарский ресторан, расположенный в «Сони-центре». Наталья с удовольствием уплетала баранину с ананасом, который, по идее, должен был после расщепить бараний жир. «Тридцать шесть евро, — грустно думал Борис Антонович. — И как мы будем жить в своем Верх-Исетском районе?»

Вечером пошли в ирландский паб. Он оказался шумным, с огромным количеством народа. Звучала живая музыка, Наталья кинулась танцевать с какими-то мулатами, было весело, он чуть-чуть оттаял.

Утром на следующий день опять собрались на прогулку. Борис Антонович ужаснулся — он не мог найти цепочку с крестиком! Ни на полу, ни под матрасом, ни в ванной — нигде!

— Наташа! — закричал он. — Я крестик потерял!

— Как потерял?

— Ну не могу найти, и все! У тебя своего нет?

— Ты же знаешь, я не ношу... А потом, чужой крест надевать нельзя.

— Тогда едем покупать.

— Куда?

— Должен же быть в Берлине православный храм. Ведь здесь столько русских!

— А почему именно сейчас? Дома купим.

— Да ты что! — рассвирепел Борис Антонович. — У меня завтра операция! А я без креста! С ума сошла?

Наталья только пожала плечами. Дежурная администраторша на их вопрос ответила, что православный храм находится на православном кладбище, написала адрес и вызвала такси.

Подъехав к кладбищу, они увидели закрытые ворота. Борис Антонович прошелся вдоль забора и нашел приоткрытую калитку. Взяв жену за руку, он потащил ее за собой к небольшой церквушке, возвышающейся среди неухоженных могил. Слева от калитки приютился одноэтажный домик. Залаяла собака. На улицу вышел бородатый мужчина в клетчатой рубашке с длинными рукавами и джинсах.

— Здравствуйте! — поздоровался Борис Антонович.

— Здравствуйте! — ответил тот. — Что вам угодно?

— Нам бы батюшку.

— Я батюшка. А что вы хотите?

— Понимаете, — заволновался Борис Антонович, — у меня завтра операция, а я потерял крестик. Нельзя ли у вас купить?

— Не продаю я крестики, — удивился батюшка.

— Да? — расстроился Борис Антонович. — Что же мне делать? Я боюсь на операционный стол без креста...

— Простите... — расстроился священнослужитель. — Мы с матушкой сейчас

трапезничаем. Присоединяйтесь к нам, а там что-нибудь придумаем.

— Нет, нет, что вы! — замахал руками Борис Антонович. — Мы лучше пока по кладбищу походим, подождем вас...

— Как хотите. Здесь есть на что посмотреть... — Священник повернулся и скрылся за дверью.

Держась за руки, они осторожно стали пробираться мимо могил. История разных судеб открылась им. Эмигранты, одни эмигранты... Обер-лейтенант... генерал... княгиня... Российский политик Владимир Дмитриевич Набоков, отец знаменитого писателя Владимира Владимировича, маленький покосившийся черный камень — памятник композитору Глинке... Вся история русской эмиграции на небольшом клочке берлинской земли.

Их окликнул батюшка.

— Вот что могу предложить вам, — сказал он и раскрыл ладонь.

Борис Антонович увидел старинный эмалевый образок с маленьким колечком для шнура и с облегчением вздохнул.

— Сколько я вам должен? — засуетился он.

— Да что вы, право! Ничего не надо! Давайте благословлю, и идите с богом! — Священник осенил его крестом.

Они вышли через калитку на улицу. Наталья разжала ладонь мужа:

— Дева Мария?

— Вообще-то Богоматерь. Ну да ладно...

В гостиницу Борис Антонович возвратился умиротворенным. В шесть часов должна была заехать Ирина, чтобы отвезти его в клинику, готовить к завтрашней операции.

Фрау Бергер из вещей разрешила взять книги и ноутбук, сменную одежду за ненадобностью велела оставить. В машине ехали молча, волнуясь и чувствуя важность момента. Наташе показали палату, где будет находиться Борис Антонович, объяснили, когда его можно навещать, и вежливо предложили пожелать ему удачи. Мужа она поцеловала холодно, дежурно. Даже, казалось, хотела ободряюще похлопать его по плечу, но, видимо, удержалась.

Борису Антоновичу объяснили устройство кровати, которая с помощью многочисленных приспособлений могла оказываться в каком угодно положении и принимать форму любого, даже самого искривленного тела. У изголовья, у двери, в санузле у унитаза и даже рядом с душем имелись большие красные кнопки для экстренного вызова медсестры. Ему выдали застегивающуюся сзади длинную больничную рубашку и белые чулки, которые надо было надеть утром перед операцией. Заставили выпить слабительное — «стул» должен был быть обязательно.

В девять вечера приехал доктор Клетцер. Он подробно объяснил смысл предстоящей операции. Над позвоночником, в месте соединения мышц, делается небольшой трехмиллиметровый надрез, вводится тоненькая полая трубочка, через нее лазером вырезается грыжа. Еще вводится маленькая видеокамера, позволяющая видеть весь процесс на экране монитора.

Борис! Еще не поздно отказаться!

Борис Антонович усмехнулся и пожелал Клетцеру хорошего сна, чтобы руки утром не дрожали. Тот улыбнулся, попрощался и ушел.

Борису Антоновичу не спалось. Задремал он только к утру, но его вскоре растолкала

толстая медсестра и погнала в туалет. «Стула» не было.

— Вы боитесь? Выходите! — постучала она в дверь санузла через десять минут.

— Я не боюсь! — отвечал он на правильном немецком. — У меня не получается!

— Ну ладно! Время! Нас ждут!

Борис Антонович увидел в палате каталку. Он быстро натянул чулки и лег на нее.

— На живот, на живот! — скомандовала медсестра и выкатила каталку в коридор.

Его загрузили в лифт, подняли на два этажа и по длинному коридору повезли в операционную. Борис Антонович огляделся. Операционная напоминала рубку космического корабля в дорогом фантастическом фильме — от пола до потолка горели разнообразные лампочки, светились мониторы, а вокруг него столпилась куча врачей. Такая толпа — и все ради него одного.

— Как настроение? — спросил Клетцер, уже в повязке, закрывающей лицо.

— Все ОК! — попытался шутить Борис Антонович.

— Это надо снять, — указал Клетцер на образок.

— Нельзя. — Борис Антонович прикрыл его ладонью.

— Я вас прошу, — твердо отрезал Клетцер.

Борис Антонович со вздохом снял образок и оглянулся — куда положить? Карманов-то нет. Отдал врачу:

— Только не потеряйте.

— Гут. Пора начинать.

К лицу Бориса Антоновича подвинули маску, заставили всунуть в нее нос и глубоко дышать. Дали наркоз. Голоса стали отдаляться, уходить все дальше, дальше... Вскоре они исчезли совсем...

Проснувшись, он сначала отметил черноту ночи за окном и только потом почувствовал дикую, нестерпимую свинцовую боль во всем теле. Расплавленным металлом она перетекала по членам, в спине будто образовалась огромная дыра, словно вырезали не грыжу, а весь позвоночник. Голову сжимали тиски, казалось, по ней били дубиной... Не поворачиваясь, он яростно застучал ладонью по красной кнопке.

В палату вбежала испуганная медсестра, молодая и симпатичная, но ему сейчас не было никакого дела до ее молодости и внешности.

— Дайте мне, пожалуйста, болеутоляющего, — медленно, твердо попросил он и вдруг понял, что говорит на русском.

— Найн, найн! — затараторила медсестра, мешая немецкие слова с русскими. — Очень много болеутоляющего, очень много снотворного!

Борис Антонович все понимал, но его язык и мозг не могли производить немецкие слова.

— Give me painkiller! — вдруг заорал он. — Give me painkiller! Now! Now!

— Я не могу! Только с личного разрешения доктора Клетцера!

— Call him! Now!

— Сейчас три часа ночи! Я не могу!

— Give me painkiller! Where is Kletzer? Give me painkiller!

Медсестра убежала и в самом деле позвонила — немка! Доктор Клетцер взял трубку в три часа ночи — немец! Вскоре она вернулась, держа на ладони три капсулы. Борис Антонович сразу схватил их, раздавил зубами и принялся разжевывать — он знал, что так лекарство быстрее попадет в кровь. Минут пять он еще постонал для порядка — чтобы

медперсоналу жизнь медом не казалась — и уснул.

На следующий день он почувствовал себя лучше, принимал диклофенак и пил бульон. Наташу к нему не пустили.

На третий день стало совсем хорошо. Симпатичная медсестра дала задание: пройти пятьдесят метров по коридору туда и обратно. Борис Антонович думал, что даже сползти с кровати не сможет, а тут целое путешествие! Но если надо — значит, надо! Вдоль стеночки, вдоль стеночки, бочком, бочком... Медсестра незаметно прыснула в кулачок.

— Что смешного? — Вот и вспомнился немецкий.

— Суперсекси! — ответила она и указала на его чулки.

Ну да, пугало огородное...

Во второй половине дня его посетили Клетцер и фрау Бергер. Улыбающийся доктор достал пачку цветных фотографий и принялся объяснять все этапы операции. Она длилась час сорок пять минут и была самой сложной в истории клиники.

— Шунтирование восемь часов проводят, — заметил Борис Антонович.

— То шунтирование, — возразил доктор. — А это грыжа. Обычно ее вырезают за полчаса. А у вас там нервные корешки переплетены, моей главной задачей было сохранить вам возможность ходить. Передвигаться, вы понимаете? Не жить без боли, играть в лаун-теннис, бегать на марафонские дистанции, а просто двигаться.

— Я понял. Спасибо, доктор. Но что дальше?

— Я, честно, не знаю, что дальше, — развел руки Клетцер.

Борис Антонович заскрипел зубами:

— Как не знаете?

— Так. Не знаю. Ткань плохая, как будет рубцеваться, не понятно, вторую грыжу тоже надо удалять. Но когда? Можно поставить протез, но на позвоночнике... Пока это малоизученная область. Будьте с нами на связи, присылайте снимки, обследуйтесь у моих коллег, вы ведь замечательно говорите по-немецки. Наблюдайтесь дома, позвоните мне или госпоже Бергер через два месяца, может, что прояснится. И, главное, не торопите события. Секс — только лежа на спине и не сразу. Долгая ходьба тоже. Тяжестей — никаких. Только лежать или стоять, сидеть — ни в коем случае! Запомните: одно неловкое резкое движение, и вся моя работа к чертям. Терпите, и Бог вознаградит вас.

— Вот как... Вы веруете в Бога. А я сначала подумал, что вы атеист.

— Я верю в Бога. Он должен вам помочь. В аэропорт поедете прямо из клиники — вам нужна специальная машина, вы должны ехать лежа. И попросите жену поменять билеты на бизнес-класс, у вас сейчас эконо, я знаю. Потеряете в деньгах, но для выздоровления нет мелочей — у вас будет широкое удобное кресло. Запомните, каждый день вы должны проходить сто метров, остальное время только лежать. Пусть ваша жена проставит дату вылета завтрашним днем, вам уже нечего у нас делать.

Борис Антонович долго тряс ему руку, простились до завтра.

Вскоре пришла Наташа, как раз наступило время обеда. Он потащил ее в местную столовую, хотя называть так это заведение язык не поворачивался — скорее маленькое симпатичное кафе с дизайнерской мебелью.

— Как я рада видеть тебя таким! — щебетала она. — Я думала увидеть умирающего лебедя, а ты...

— Смотри, — показал он вилок на появившуюся в дверях симпатичную медсестру. — Утром мне было настолько хорошо, что я даже подумывал ей всунуть.

— Я тебе всуну! — шутливо погрозила Наталья пальчиком.

— Нет, Наташенька, серьезно. Меня же напичкали всякими болеутоляющими, успокоительными, снотворными — я нахожусь как бы в состоянии некоей эйфории. У меня же после операции все нервы обнажены, а трахаться я хочу — до изнеможения! Но мне пока нельзя! А когда будет можно, то только лежа и не двигаясь. Один минет, короче.

Наташа дразняще улыбнулась:

— Приедем в гостиницу, я тебе так отсосу, что ты про все на свете позабудешь.

— Ну нет, — поддразнил он жену. — Все на свете я забывать не желаю.

— Забудешь, забудешь. Даже имя любимого бразильского автора, лауреата Нобелевской премии.

— Подкалывай меня еще тут...

— Я шучу. Я ведь рада, что ты выздоравливаешь и что все прошло нормально.

— Ну, до нормального еще далеко. Знаешь, любимая, а меня ведь кое-какие мысли перед операционным столом посещали...

— Какие?

— Что я буду инвалидом, а ты меня бросишь... — Борис Антонович пристально посмотрел Наташе в глаза. Он часто изводил себя наболевшим вопросом, и сейчас впервые произнес это вслух.

— С ума сошел? — отвела она взгляд. — Как я могу оставить мужчину своей мечты?

— И каков он — мужчина твоей мечты?

— Чтобы заботился обо мне. Любил без памяти... Чтобы пылинки сдувал.

— Я разве такой?

— Конечно.

— Я люблю тебя. Дай поцелую.

— И я тебя...

Вид ласкающихся русских бородача и молодой блондинки позабавил чопорных немецких пенсионерок за соседним столиком.

— Только отсос отменяется, — сказал Борис Антонович. — Завтра мы в аэропорт едем прямо отсюда. Мне дадут специальную машину. А сейчас ты должна срочно бежать в гостиницу за билетами, потом проставить в агентстве завтрашнюю дату и доплатить за бизнес-класс. Собери одежду, в отдельный пакет сложи мои вещи, в которые я завтра переоденусь. Утром выпишись из отеля, расплатись по счету и не позже четырех будь здесь.

— Милый, я же ловкая, я все сделаю. А отсос будет за мной. Договорились?

Машина опоздала, времени для прощания было мало. Борис Антонович толком с доктором Клетцером не попрощался. Фрау Бергер вручила ему все свои телефоны — рабочий, два мобильных, домашний, три электронных адреса. Доктор только сунул визитку. Из кабинета вышел помахать рукой даже директор клиники. В общем, нормальные люди к нормальным людям везде хорошо относятся — только не надо нажираться с утра и потом полдня спать пузом кверху под палящим солнцем.

Водителем микроавтобуса с оборудованным лежаком была женщина. На каком-то перекрестке в один ряд выстроилась длинная-длинная вереница машин. Наталья стала знаками показывать водителю — объезжай! Та ей — ты что, «сплошная» ведь! Наталья опять знаками — нет полицейских, что, здесь до утра стоять? Борис Антонович усмехнулся — смешно, честное слово...

— Вы не сердитесь на мою жену. Просто в России другой стиль вождения. У нас

водители порой позволяют себе нарушать правила.

Женщина-водитель для приличия улыбнулась, но ничего не поняла. Как это можно нарушать правила дорожного движения? В аэропорт, впрочем, не опоздали.

Глава 8

Возвращение. А жизнь-то изменилась!

В самолет сели нормально, если не считать бешеного таможенника, который заставил скрюченного больного раздеться. Зачем, почему — не объяснял. Раздеться и все! Борис Антонович с помощью Натальи еле-еле выполнил указание. Ну ладно, будем считать, что он в душе фашист. Ничем иным такую ненависть к бородатому русскому пассажиру объяснить было невозможно. А-а! Его дедушку убил в брянских лесах партизан Василь Егорыч, в тулупе, в валенках и непременно с бородой! Ну тогда это все объясняет...

Полет прошел незаметно. Самолет пошел на посадку.

Знакомых просьбами о встрече не обременяли, на паспортном контроле вызвали городское такси.

Скоро были дома.

— Послушай, — спросил Борис Антонович у жены, — а врач ничего такого не говорил — можно мне рану мочить или нельзя?

— Так тебя же зашили специальными хирургическими нитями — они сами рассасываются. Считай, почти неделя прошла, конечно можно.

— Да? Тогда сделай мне теплую ванну с пеной и положи морской соли. Хочу полежать, откиснуть, а то уже воняю, как мужик-скотник...

— А я тогда пойду на кухню, дерябну рюмашку и подругам позвоню, потрендю. Уже соскучилась...

— Э-э, так я тоже, пожалуй, приму. Анестезиолога рядом нет.

— Какое вино тебе подать? Я в ванную принесу.

Он ткнул пальцем в бутылку белой риохи и стал с трудом, медленно, раздеваться. Наталья набрала в ванну воды, и Борис Антонович неуклюже погрузился в душистую пену.

Наташа принесла бутылку вина, та сразу запотела от горячего пара, налила ему высокий бокал и упорхнула. Борис Антонович потягивал чудесный напиток, потихоньку хмелел, под шум льющейся из крана воды думал: «Дурак Уэльбек. Если в жизни есть любовь, то жизнь прекрасна».

Подняться из воды тоже было нелегко. Он наскоро обтерся полотенцем, взял бутылку, бокал и отправился в спальню.

— Ты уже здесь? — заглянула к нему Наташа. — Теперь я пойду приму душ. Я быстренько...

Борис Антонович лег в постель, выпил еще полбокала и отставил вино в сторону — хватит.

Наташа сбросила на пол халат, юркнула к нему под одеяло.

— Знаешь, я хряпнула сразу два стакана виски...

— Ну и молодец.

— Сейчас я выполню свое обещание.

— Какое?

— Негодяй! А про отсос ты уже забыл?

И она принялась его целовать. Целовать и облизывать, а потом дотронулась до его члена губами... Интересно, как такая здоровая... кочерыжка, болт, нефритовый стержень, наконец, почти до самого основания помещается у нее во рту? И какие ласки, какие ласки!.. Через

мгновение он непроизвольно дернулся и заорал, заорал от счастья...

Она выпрямилась, стоя на коленях, вытерла двумя пальчиками кончики губ от капель спермы.

— Боренька, — сказала она, — я тебя хочу.

— Милая, я тоже тебя хочу, поверь, но мне нельзя...

— Тебе это не нравится? — Наташа сжала свою идеальную грудь ладонями. — Тебе это нельзя? — Она склонила голову и лизнула свой сосок. — А вот так? — И она опустила ладонь между ног и принялась ритмично себя гладить. — Лежи, я все сделаю сама! Я тебя хочу!

— Нет, Наташа, нет! Зачем мне тогда это лечение! Одно неверное движение и все — кранты!

— Тогда пойду подрочу. Я тоже хочу удовлетворения.

Жена ушла в ванную, вскоре оттуда послышались стоны, Борис Антонович понял, что она нарочно не мастурбирует молча — мстит. Через минуту Наталья громко закричала, и — все...

Она вернулась в спальню, плюхнулась на кровать поверх одеяла, повернулась к нему спиной и четко сказала:

— Я куплю себе фаллоимитатор. Ты не против?

Что он мог ответить?

— В данной ситуации — не против.

— Я завтра с утра уеду — подруг хочу повидать.

— Надо свадебные подарки разобрать. Столько времени коробки на балконе валяются.

— Успеется, — зевнула Наталья и погрузилась в сон.

Когда Борис Антонович проснулся, ее уже не было. На плите стояла сковородка с жареной стручковой фасолью, на столе — овощной салат, заправленный маслом. «Торопилась, не до кулинарных изысков ей было», — решил он.

Борис Антонович позвонил Ивану Анатольевичу, рассказал про операцию. Тот очень заинтересовался компьютерными снимками, обещал заехать. Примчался через пару часов, подробно обо всем расспрашивал, внимательно изучал снимки, цокал языком и приговаривал:

— Ну буржуи, ну буржуи... Отлично, — резюмировал он. — Работа тончайшая. Я не знаю, кто бы еще мог так сделать. Но про то, что тебе надо ходить каждый день, — это он хватил. Полный постельный режим. Матрац, — он потыкал рукой постель, — поменяй на более твердый. С завтрашнего дня по утрам будет приезжать мальчик-физиотерапевт. Пока полный комплекс назначать рано, просто чуть-чуть простимулирует мышцы. Через две недели, а рана раньше не зарубцуется, отвезу тебя на МРТ, чтобы картина стала полной. Надо знать, чего нам ждать дальше. Снимки заберу, покажу коллегам и отправлю Баркову. Я недавно по поводу другого пациента с ним по телефону разговаривал, умный мужик оказался. Может, тоже что добавит. Но сейчас — покой, покой и еще раз покой. Понял?

— Да, конечно.

— Захочешь на ноутбуке постучать, поставь на живот. Лежать только на спине! Ты понял?

— А как это?

— Ну придумай приспособление! Я за тебя думать должен? Покой! Только покой! Как жена?

— В смысле?

— Не притворяйся! На секс намекает?

— Да не намекает — требует.

— Ну и отправь ее на пару месяцев в деревню к бабушке.

— Нет у нее никакой бабушки.

— Ну тогда, помяни мое слово, угробит она тебя. Будешь калекой, никогда тебе с твоим позвоночником не справиться! Это же не больной палец — отрезал, и все! Позвоночник не вырежешь! И стальной, как терминатору, не вставишь! Лечись! Лечись!

— Есть, товарищ командир!

Иван Анатольевич попрощался и ушел.

До вечера Борис Антонович сделал кучу важных дел — измерил свой матрац, через Интернет заказал новый, дочитал Уэльбека, нашел и съел консервы. Наталья появилась только после полуночи.

— Любимый, встречай меня, я дома!

Он вышел в прихожую.

— Почему так долго?

— Ну, с девочками в кафешке посидели. Слушай, — разуваясь и раздеваясь, говорила она, — у Ирки новый парень. На джипе! Зубы, правда, гнилые, но на джипе! И какой! «Ленд-крузер»! И вроде у них все так серьезно...

— До смерти интересно...

— Ну! У него своя автостоянка. Огромная! Бабла — немерено! Любимый... — Она обняла его за шею, обдав запахом, который ни с чем не спутаешь. — Хочешь отсосик?

— Ты же бухая! — возмутился он. — И за рулем!

— А я дворами, дворами... И машину прямо у тротуара бросила, а то стала бы парковаться, точно кого-нибудь саданула...

— Ты пьяна! Спать иди!

— Да-а? Начинаются приказы? А я вот трахаться хочу! Трахни меня, и я буду шелковая. Тогда приказывай, что хочешь!

— Спать иди!

— А-а... Не можешь... Ну и не пизди тогда!

В первый раз в жизни Борису Антоновичу захотелось ударить женщину.

Скрипнув зубами, он повернулся и хлопнул дверью спальни. Наталья еще сколько-то повозилась на кухне, потом вдруг затихла. Он ворочался, заснуть не мог. Через пятнадцать минут вышел на кухню, жена спала, уронив голову на стол. Перед ней стояла бутылка «Чиваса». Борис Антонович попытался ее растолкать — без толку. Плюнул и пошел спать.

Утром, однако, нашел ее рядом с собой. Проснулись они одновременно.

— Борь, а Борь? Я вчера себя плохо вела?

— Как мужик. Как омерзительный пьяный мужик.

Настроение с похмелья редко бывает хорошим.

— А ты когда женился, чего от меня ожидал? Университетов не кончала, росла во дворе.

— Ну и жить с таким поведением пойдешь во двор!

— А-а... — Она вскочила с постели. — Господин профессор выгоняет свою лохушку? Трахаться ему сейчас нельзя, а ни на что другое она ему и не нужна. Так выходит?

— Ты говоришь чушь.

— Я говорю правду! Когда мы близки, у нас все классно! Как нет секса — ты недоволен, раздражен. Я просто посидела с подружками в кафе и, пожалуйста, — пьяный мужик!

— Ладно, хватит! Приготовь что-нибудь нормальное поесть, ем одни консервы. Мне работать надо, денег нет, невыполненных заказов — куча. С таким моим отношением к делу скоро везде будут отказывать.

— Ах, у него еще и денег нет! Надо было мне выходить замуж за бизнесмена!

— Что же ты не вышла?

— Мне только двадцать три, не бойся, успею.

— Успеешь, успеешь... Бездельница на классной тачке, в стильных шмотках, выпавшаяся, свеженькая...

Тут Борис Антонович понял, что перешел некую грань, переходить которую не стоило.

Наталья обожгла его ненавидящим взглядом:

— Ты сегодня меня вообще не жди. Считаю, что в лучшем случае я у мамы в своей комнате с фаллоимитатором.

— А в худшем?

— Боренька! — сорвалась она на крик. — Ну посмотри на меня! Ответь: из десяти парней, к которым я подойду в клубе и скажу: «Я хочу тебя, идем, потрахуемся в моей машине», сколько согласятся со мной пойти?

— Одиннадцать, — ответил он.

— Почему одиннадцать? — не поняла Наталья.

— Потому что я — одиннадцатый, буду стоять за дверями клуба с бейсбольной битой и лупить каждого, кого увижу рядом с тобой.

Супруга вдруг расхохоталась:

— Вот жаба! Опять шутишь! Ну как можно тебя не любить! Я на рынок — еды вообще нет — и обратно! Можно, я еще пивка куплю? Башка после вчерашнего трещит страшно. С рыбкой вместе поьем, бифштекс настоящий сбацаю, а? Я — мигом!

— Да конечно, можно.

Она наклонилась к нему, поцеловала и прошептала на ухо:

— А потом — отсосик. Два отсосика... Три отсосика...

Борис Антонович чмокнул ее в ответ, она вышла, дверь хлопнула.

«Я ее теряю, — подумал он. — Наташа молода, ей нужны развлечения, общение с ровесниками — людьми, которых она понимает и которые понимают ее. В этих стенах со стареющим умником ей скучно. Свадьба и поездка в Турцию были развлечением. Германия — о, еще каким! Про хозяйина автостоянки на джипе рассказывала с придыханием, такие вот у нынешних баб кумиры. А я — никудышный, коротконогий, недавно прооперированный козел, который даже трахнуть — а для нее это как вода для рыбы — не может. Отпустить бы на четыре стороны, пока не поздно... Но ведь люблю ее, суку, люблю... Дуру, глупую, необразованную, обожаю, сам не знаю за что. Мне и с ней не здорово, правда, если не в постели, а без нее — просто вилы!» К месту вспомнил Хемингуэя: «Каждый раз они мирились. Их союз покоился на прочном основании. Красота Марго была залогом того, что Макомбер никогда с ней не разведется; а богатство Макомбера было залогом того, что Марго никогда его не бросит».

Пока супруга отсутствовала, Борис Антонович включил стационарный компьютер, посчитал свои денежные остатки, посмотрел возможный приход в течение этого месяца и трех следующих — да, негусто. «Богатство Макомбера» сильно исхудало. Он вынул свое

резюме, кое-что убрал, кое-что добавил, начал составлять список адресов, по которым за несколько дней надо его отправить. За этим занятием и застала мужа вернувшаяся с тремя тяжелыми пакетами Наташа. На кухне она стала весело напевать, Борис Антонович понял — не вытерпела, уже «накатила».

Что же, обед после больничных кашек показался потрясающим. Жена несла какую-то совершеннейшую ерунду, он послушно, как китайский болванчик, кивал, лишь бы не дать повод к новой ссоре.

После трапезы, как и планировалось заранее, состоялся «отсос». Ему было неловко, что он не доставляет супруге полного удовлетворения, с большим старанием он вступил в оральный — со своей и генитальный — с ее — контакт. Наталья пыталась ему помочь, возбудилась до крайности, но кончить, как ни настраивалась на оргазм, так и не смогла.

— Хватит, — устало сказала она. — Все не то, все не то...

— Может, тебе и правда купить фаллоимитатор? — спросил вспотевший Борис Антонович.

— Глупый! — Наташа повернулась к нему и подперла подбородок рукой. — Думаешь, я не пробовала с игрушками? С вибратором? С девкой? Мне нужен хер. Толстый, крепкий хер и живой старательный мужик, который гонял бы этот хер во мне и тащился бы от того, что я тащусь! А все эти бирюльки — для пенсионеров лет шестидесяти, когда все естественное уже надоело.

— Ты нимфоманка!

— Да ты нормальных баб просто не видел. Если не задавлены бытом, детьми, работой, бедностью — девять из десяти, я тебя уверяю, слабы на передок. Да ладно, ты не ссы. Потерплю два месяца, так уж и быть.

— Ты опять пьяна.

— Точно, — кивнула Наталья и потерла нос. — Пора завязывать. Нужно выспаться. У нас с деньгами совсем кирдык?

— Не совсем, но все к этому идет.

— Составь мне приличное резюме, придумай несуществующие таланты, я попробую, может, и возьмут куда?

— Если на зарплату кассира, так не стоит и пытаться — все это так, слезы.

— Нет, лучше каким-нибудь офис-менеджером... Слушай! Есть у меня несколько старых знакомых, встречусь с ними, глядишь, что-нибудь и получится. А то вдвоем нос к носу дома сидеть — да мы скоро возненавидим друг друга!

— Тут я согласен.

— И тебе для твоих переводов с португальского нужны тишина и уединение, правильно?

— Все так.

— Ну и давай спатеньки, а завтра начнем новую жизнь. — И, уже засыпая, сквозь сон шепотом она добавила: — Я раньше любила, когда ты во сне ворочался и клал на меня руку. Даже когда по лицу попадал, я никогда не отодвигалась. А больше всего нравилось, когда сжимал грудь, да так и оставался. Я и пошевелиться боялась, чтоб рука не упала, — так мне это было по душе... А теперь ты будешь спать только на спине... На спине...

Жена заснула, переплетя его пальцы со своими. Ладонка была жаркой. Борис Антонович смотрел в потолок и тихо плакал...

Глава 9

Платон был прав: надежды — сны бодрствующих

Утром Наталья вскочила ни свет ни заря. Долго собиралась, роясь в шкафу. Наконец вышла показаться мужу, уже успевшему исчеркать четыре страницы Wander Piroli. На ней был купленный в Германии брючный костюм, на шее оранжевый шарфик, на лице минимум макияжа, аккуратная прическа, туфельки на высоких каблуках — настоящая бизнес-вумен, что там какой-то офис-менеджер!

— Блеск! — показал большой палец Борис Антонович. — Супермодель!

Она игриво улыбнулась, кокетливо показала ему язычок, подхватила сумочку и выпорхнула в прихожую.

— Когда будешь? — успел он прокричать вдогонку.

— Я пошла искать работу. Когда вернусь — не знаю. — И хлопнула дверью.

Работать сидя ему было нельзя, но как иначе отправлять электронные письма? А отправлять их надо.

Вдруг раздался звонок в дверь. Он никого не ждал, но доковылял до замка. На пороге стоял Саша.

У Бориса Антоновича на глазах невольно выступили слезы.

— Шурик, ты! Заходи, брат! — Он крепко обнял вошедшего. — Идем в спальню, мне надо лежать.

Борис Антонович лег на спину, подложил под голову подушку, гостю предложил стул.

— Вот, — сказал Саша и достал из пакета бутылку «Джонни Уокера».

— Нет, брат, в самом деле, ты это зря. Я же болен, мне ничего такого нельзя.

— Да это просто так, отметить твою свадьбу. Я ведь тебя вовремя-то не поздравил...

— Кто старое помянет, тому глаз...

— Согласен! Ну рассказывай обо всем, и, главное, про болезнь свою.

Борис Антонович красочно описал свою поездку в Германию, упомянул о предстоящих операциях, а в конце не выдержал — добавил о своих проблемах с Наташей. Последнее Александр пропустил мимо ушей, а по поводу лечения сказал:

— Семь тысяч евро на вторую операцию я тебе дам. Вернешь, когда сможешь. Молчи, не перебивай. И Интернет в спальню проведу, и подставку под ноутбук сделаю. Выздоровливай, а мне пора. Прости, я ведь заглянул на минуточку дельце дно уладить.

— Какое-такое дельце?

— Да подумал, еще помрет сволочь, а мы не помирились! Так обиду на тот свет и унесет.

— Ну ты, брат, и рожа...

— Да шучу, шучу... Вижу, тебе еще не скоро в ящик...

— Обнадежил.

— До встречи.

Они обменялись рукопожатиями, и Шурик был таков.

Вечером скрипнула дверь, в квартиру ввалилась Наташа, на ходу сбрасывая туфли.

— О, ноги мои, ноги! Весь день на каблуках!

Борису Антоновичу не хотелось вставать — сегодня он чувствовал боли, а как раз сейчас очень удобно улегся.

Она заглянула в спальню и села рядом с кроватью на стул.

— Милый! Я опять под мухой! Но ты не ругайся! Это для дела! У меня одноклассница в турфирме работает. В крутой такой фирме! У нее и ставка, и проценты с продаж... Она решила показать меня своей начальнице. Я приехала к ним в офис, знаешь, там все мужики свернули шеи. Директриса пригласила в кабинет, я сказала, что только что вернулась из Берлина, где была с мужем, который знает четыре языка.

— Шесть, — вставил упомянутый супруг.

— Шесть? — Наталья удивленно посмотрела на него. — Я и не знала... Короче, я сказала, что муж у меня переводил нобелевских лауреатов...

— Только эти переводы не печатали...

— Да ты слушай! Какая разница!

— Для меня это тогда была огромная трагедия, конец жизни, — сказал Борис Антонович, — а тебе «какая разница»...

— Я сказала, что ты единственный спец в Ебурге по португальскому и вообще один из лучших в стране, а английский, итальянский и испанский знаешь, как русский. Упомянула, как ты официанту в Берлине про его Аргентину рассказал... Ух, у нее глаза загорелись! Португалия, говорит, не настолько у нас разработанное направление, как другие. Можно развить и хорошо заработать, и предложила поужинать вместе. Я, чтобы времени не терять, заехала еще в пару мест, но там — голяк, кризис...

— А разве туристический бизнес не испытывает влияние кризиса? Кто сейчас путешествует?

— Да я тебе отвечаю, у них все нормально! Вечером встретились, выпили по коктейльчику. Директриса говорит: «Давайте так. Ваш муж, естественно не бесплатно, раз он такой глубокий ум, составляет презентации туристических маршрутов в Португалию, а вы, Наталья, предлагаете эти презентации клиентам. Отдам вам это направление, а так как вы женщина очень красивая, все клиенты-мужики — ваши!» Вот тебе и кризис! Португалия — то дешевле Италии и Франции, а сервис, климат — те же! И еще, говорит: «Придет мужик-клиент путевку в Анталию покупать, а вас увидит и сразу закажет тур в Португалию!» Ха-ха-ха!

— Так сколько коктейлей было? После того, первого?

— А! — махнула рукой Наталья. — Штучки три-четыре. Милый, ну я же для дела, понимаешь? Ты не обижаешься, нет?

— Конечно нет! Ты — молодчина! — сказал Борис Антонович вслух, а про себя подумал: «Вот она, современная Россия, — переводчик сложнейших старинных текстов Афонсу Жиралдеша и Гарси Фернандеша де Жерены будет клепать презентации туристических маршрутов в Алгарве: «Господа, могу вам предложить полупансион «полторы звезды», до пляжа всего десять километров пешком! Зато чистенько! И ведь дешево, дешево!» Надо сначала предоплату получить, качество услуг откроется бедным клиентам потом, а фирме по барабану — уже все распилено... Но это хлеб, хлеб! Как можно отказываться от хлеба! Будет вам Алгарве...»

Наталья вышла из душа и, вытирая влажные волосы полотенцем, игриво сказала:

— Милый, так нечестно! Меня ругаешь за коктейли, а у самого на кухне новая бутылка виски!

— Это Саша принес, друг, ты его не знаешь. Это — свадебный подарок, он был... в командировке, когда мы поженились.

— Можно я капельку... На посошок... Чтоб спалось лучше...

— Да ты и так как сурок. Залейся, алкоголичка!

— Алкоголичка, алкоголичка... — запела она и отправилась на кухню. Через пару минут вернулась, сбросила халатик и прижалась к нему всем телом: — Любимый, только давай сегодня без отсоса? Я так устала!

— Ты очумела! Да о чем ты говоришь! Первый нормальный вечер — потолковали и без затей спать легли!

— Нет, не нормальный, не нормальный... — бормотала она, как всегда, когда засыпала. — Нормально — это когда отсос и трах... И еще раз трах, и еще раз отсос...

Утром Наталья надела самую короткую из всех имеющихся у нее юбок — ноги совершенной красоты должны были помочь изумленным клиентам поменять тур в Анталию на Фару или, еще лучше, на Мальдивы.

Вскоре появился физиотерапевт от Ивана Анатольевича с громоздким аппаратом. Он приклеил к спине хозяина резиновые штучки с проводами, соединил их с аппаратом и включил его на полчаса. Что-то жужжало и покалывало. После сеанса парень не постеснялся взять триста рублей и пообещал приходить каждый день еще две недели. «Хоть и по знакомству, а денежку плати. Все правильно, ведь все — профессионалы».

Днем пришел Саша, с помощью хитроумных переходников провел Интернет в спальню, поставил на ноутбук специальную программу, воткнул провод — пользуйся всемирной сетью, откуда хочешь! И, главное, принес замечательную подставку с ножками, как у кресла-качалки, которую можно раздвигать в любые стороны. Ты лежишь на спине, раскрытый ноутбук прямо перед тобой, только угол наклона меняешь на более удобный. Когда Борис Антонович спросил, сколько эта чудо-штучка стоит — понятно же, не кустарь-плотник ее в свободное от основной работы время сварганил, то чуть не получил от Шурика в лоб.

В семь вечера вернулась трезвая Наталья, с гордостью продемонстрировала ксерокопию новой записи в трудовой книжке, все серьезно — «ООО «Рога и Копыта»», дата, номер приказа, принята на должность менеджера, начальник отдела кадров, подпись, фамилия. Она передала предложение от директрисы сделать электронные презентации пяти туристических маршрутов в Португалию с образными и легко запоминающимися текстами и яркими, скачанными из Интернета фотографиями. За каждую презентацию — сто долларов.

Услышав цену, Борис Антонович скривился и изрек:

— Ответ своей начальнице, что твой муж за сто долларов даже не пукнет! Пятьсот евро — каждая! Первую делаю на пробу, все значимые и важные места и детали кодирую, чтоб не сперла. Не нравится — до свидания! И пусть на мой мэйл договор подряда придет, а ты мне принеси свой трудовой договор, я посмотрю, где тебя надули. Сто долларов, а? Буржуи! Кровопийцы на шее у трудовой интеллигенции!

Наташа состроила недовольную гримаску и пошла на кухню звонить подругам — рассказывать о своей новой бизнес-деятельности.

Борис Антонович же сразу взялся за работу. Он скопировал со всевозможных португальских туристических сайтов все, что касалось его любимого места — Эшторила, и принялся за описание красот курорта. Отечественные переводы он не признавал — считал их тусклыми и невыразительными. Португальскую рекламную полупоэзию он еще сильнее расцветил, используя все богатство русского языка, — ведь что такое западное побережье Пиренейского полуострова? Скалы, скалы и еще раз скалы. Остров Мадейра — вообще кусок застывшей вулканической лавы. А народу ведь нужны достопримечательности и буйство

красок. Не забыл о ценах, которые указывал и в евро, и в рублях, питании, проживании, скидках. Стучал по клавишам до четырех утра, супругу в кровать не пустил — отправил спать на диван, чтобы не мешала.

Под утро сбросил информацию на диск и удовлетворенно потянулся. Туристическое предложение получилось то что надо — можно вставлять в любой путеводитель без редактирования. Все, что Борис Антонович делал в жизни, кроме карьеры, игры в футбол, хоккей, баскетбол и зарабатывания денег, получалось у него очень хорошо.

Утром Борис Антонович без особых напутствий отдал диск жене, лишь заметил, что если директриса не дура, правильно оценит качество работы. До вечера, с перерывами на физиотерапию и прием пищи, он мучил Wander Piroli. День пролетел незаметно. Наташа, после работы переступив порог квартиры, радостно сообщила, что начальница в восторге, но все-таки дала не пятьсот евро, а четыреста пятьдесят. Он только посмеялся над нею. Бизнес — прежде всего. Какой-никакой, но скидки директриса добила.

Над оставшимися презентациями Борис Антонович, не опуская рук, работал неделю. Распределил маршруты по темам: семейный туризм — с детьми, экскурсионный — замки и католические храмы колониальной Португалии, молодежный — клубы, пляжи, тусовки, оздоровительный туризм. Готовую работу показал Наташе, заставил выучить тексты — ей же ведь все это потом рассказывать клиентам. Когда все диски были отнесены в турагентство, Наташа принесла домой обещанную сумму. Половину она тут же получила «на булавки» и запрыгала от радости. Оставшуюся часть денег Борис Антонович попросил сберечь.

С каждым днем он чувствовал себя все лучше. Правда, тянул с визитом к Ивану Анатольевичу, оправдывая это обстоятельство неожиданно свалившимся заказом. Он так привык к лежачему образу жизни, что одна только мысль о том, что надо встать и куда-то ехать, угнетала его. Но МРТ все-таки нужно было сделать. Приходящий физиотерапевт пытался приободрить пациента обещаниями, что еще чуть-чуть, и Борис Антонович сможет бегать. Понятно, что врал, но было как-то приятно это слышать. Иногда заглядывал Саша, приносил университетские сплетни. Похоже, по Борису Антоновичу там особо не скучали. Ну и черт с вами, друзья-товарищи! Шурик приносил свои любимые фильмы на DVD, и Борис Антонович, не вставая с постели, с удовольствием их смотрел — можно было считать, что у него появилось новое увлечение. Пришло несколько ответов на его письма, завязалась переписка. Жизнь налаживалась, и он это чувствовал. Только вот Наташа приходила домой с каждым разом все позже и позже, и от нее пахло спиртным. На его настойчивые вопросы она привычно-заученно отвечала: вчера — аврал на работе, сегодня — корпоратив у партнеров по бизнесу, завтра — день рождения у подруги, ла-ла-ла, тра-та-та... Борис Антонович старался не мучить себя лишними мыслями на эту тему и сохранять спокойствие.

Глава 10

Фобос и Деймос приходят в гости

Часть первая

Жена всегда спала голой, но однажды легла в постель в футболке. Борис Антонович дождался, пока она заснет крепче, и задрал ей эту футболку. На спине были явно видны свежие царапины. Он включил ночник, присмотрелся внимательнее и обнаружил у нее на плече и шее два маленьких засоса. Свет он выключил, взял на кухне Сашину бутылку — несмотря на старания супруги, напитка в ней было еще достаточно, лег в комнате на диван и в полнейшей темноте, без льда и фруктов, с одной пластиковой бутылкой минеральной воды, потихоньку прямо из горлышка, за каких-то полчаса выпил виски до самого доньшка.

Наверное, именно в эту ночь пришли к нему погостить Фобос и Деймос. Они выползли из бутылки виски, и им понравилось спать вместе с хозяином на его мягком диване. Мягкий диван был противопоказан недавно прооперированному позвоночнику Бориса Антоновича, но он физически не мог заставить себя лечь рядом с Натальей — боялся уловить запах чужого мужского тела, чужой туалетной воды. Но что же делать? Клиентов в турагентстве много, и это все успешные молодые люди, решившие махнуть кто куда — на Кубу, в Таиланд, Ибицу пошпилить дешевых проституток. А тут блондинка в мини-юбке и с сиськами, похожими на перекормленные удобрениями яблоки. Неизбежны вопросы: как вас зовут, как дела, как насчет чашечки кофе? Только если ты видишь, козел, кольцо на пальце, зачем ставишь засосы и царапаешь спину? Зачем в чужую жизнь лезешь? Ты сунул, вынул и забыл, а этой девушке еще с мужем спать. И как теперь нам жить? Да и в чем виновата перед ним Наташа? Что, он забыл ее слова про толстый крепкий хер? Помнил. У него тоже имеется похожее орудие, только оно сейчас даже не на скамейке запасных, а так... — даже не внесено в заявку на матч. Болельщики всего мира ждут, пока супермастер восстановится от тяжелой травмы... А пока его жену ебут. Как это интересно звучит: жену — ебут. И, главное, он же и виноват, если бы мог, еб бы сам. Но у него тяжелая травма, и его жену ЕБУТ...

Проснувшаяся от звонка будильника Наталья с удивлением обнаружила супруга на диване в комнате. Валявшаяся на полу пустая бутылка из-под виски была красноречива, но объясняла не все.

— Борь, Борь, ты чего? — залепетала жена.

— Взгрустнулось.

— Не грусти, ты чего?.. Скоро физиотерапевт придет, а ты пьяный...

— Не волнуйся, собирайся на работу, я сейчас оклемаюсь.

Холостяцкая жизнь была очень долгой, от нее у Бориса Антоновича остались специальные похмельные средства — в морозилке в пластиковых коробочках стоял куриный бульон с лавровым листом и горошинами черного перца. Пока микроволновка превращала кусок льда в оздоровительный напиток, он развел две таблетки алка-зельцера. Затем выпил бульон, следом — стакан жирного кефира... Контрастный душ окончательно вернул его к жизни. Он долго стоял под тугой струей воды, делая ее то горячее, то холоднее... Как ушла супруга, он не слышал. На кухне остался недопитый кофе, он сделал несколько глотков. В

голове остался легкий шумок, но на это уже не стоило обращать внимание.

Борис Антонович открыл дверь туалета. Сейчас выйдет остаток яда и станет совсем хорошо. Как ЭТО случилось, откуда вдруг появились Фобос и Деймос, он так и не понял. Полиглот хренов — дал же доктор Клетцер специальную брошюрку для информации — как и что делать во всех жизненных ситуациях после операции. Почему не прочел? Если родился несчастным, вступил в жизнь уже ущербным, с чего это вдруг жизнь должна измениться и принести тебе радость? Разве может любовь заменить здоровье? Без него блекнут краски жизни. Суровый характер формируется с детства от непереносимой физической боли, насмешек окружающих, нехватки отцовской любви и отсутствия интереса со стороны девочек. Такая судьба — нести свой крест...

Борис Антонович резко встал. В позвоночнике вдруг что-то щелкнуло, он четко отметил, что именно щелкнуло, и сумасшедшая, адская боль пронзила его спину. Боль была такой чудовищной, что он даже в первые мгновения не заметил, что больше не чувствует ног. Они перестали его держать, и он бы упал, если бы не ухватился руками за стиральную машину. Боль так же мгновенно исчезла, как и появилась, но ног он не чувствовал. Он сполз на пол, сел на холодный кафель голым задом и уставился на свои ступни. «Сейчас я попробую пошевелить пальцами. Они должны шевелиться», — подумал он. Но пальцы не шевелились. Это были словно не его, чужие пальцы. Борис Антонович схватился за дверной косяк и стал тянуть свое тело в коридор. Тело было грузное, слушалось плохо, и рукам было тяжело. Вспомнился один из любимых фильмов детства «Последний дюйм». Искусство слишком далеко от жизни, все, как правило, заканчивается хэппи-эндом. На деле все бывает наоборот. Наконец он добрался до телефона, набрал номер Ивана Анатольевича.

— Что тебе, быстро, у меня прием! — заорал тот в трубку.

— Я ног не чувствую... — тихо сказал Борис Антонович.

— Что? Не понял! Говори громче — что не чувствуешь?

— Ног не чувствую! Ноги отнялись! Конец мне!

В трубке возникла секундная пауза.

— Вызывай «скорую» и ветром ко мне! Нет, что я говорю! Я сейчас пришлю свою «скорую»! Жди! Дверь сможешь открыть?

— Смогу! — крикнул Борис Антонович и бросил трубку.

Теперь задачей было натянуть штаны. Справился. Так, а вдруг его сейчас на операционный стол? А он выдул бутылку виски! Алкоголь и наркоз несовместимы. Так и сдохнешь под наркозом... «Ну и пусть, — подумал он. — Всем только легче станет...» Дотащился до стола, вынул из ящика паспорт и какие-то деньги — на всякий случай. Взял ключи, пополз к двери открывать заранее.

Вскоре раздался звонок.

— Не заперто! — крикнул он.

В квартиру вошли два крепких санитара с каталкой.

— Мы в курсе, говорить ничего не надо. Так, взяли!

Его подняли с пола и положили на каталку. Санитар покатил ее к лифту. Борис Антонович дал второму санитару ключи, тот закрыл дверь.

В машине он занимался аутотренингом — не хотел раскисать перед врачом. Правда, с другой стороны, хорохориться тоже не имело смысла. Скажет — резать, значит, без всякого Клетцера на операционный стол. Эх, Клетцер, Клетцер, а еще — один из лучших в мире... Семь тысяч евро пришли обратно на счет, пожалуйста...

— Я не знаю, что с тобой, — сказал Иван Анатольевич. — Нужно сделать МРТ. Не хочу пугать, но тебя может полностью парализовать. Скажи, руки не немеют?

— Не немеют, — подтвердил Борис Антонович. — Пальцы на правой руке немеют.

— Давно? Я спрашиваю, давно?

— Да минут пятнадцать.

— Срочно на МРТ! Срочно!

Борис Антонович все еще лежал на той же каталке — вдруг сразу в операционную везти, так зачем с места на место переключивать?

Знакомое жужжание того же аппарата, в голове бьется беспокойная мысль — парализует? А как работать? Нет, что там работать — как жить?

Снимок Иван Анатольевич рассматривал недолго.

— Клетцера ругаешь?

— Да так, упомянул в сердцах разок, а что?

— Клетцер тут ни при чем. У тебя вторая грыжа отвалилась.

— Как это — отвалилась?!

— Как грыжи межпозвоночные отваливаются! Высохла и отвалилась! Только не до конца, болтается еще. Теперь давит на нервный столб! Вот ты и не чувствуешь ног.

— А она, это... Дальше не провалится?

— Ну вот еще! Придумал... Не провалится! Вырежем ее к чертям...

— Так режь, чего ждать?

— Вот умник, а? Ребятки, везите его в четвертую палату и попросите медсестру дать ему успокоительное. Переночуешь в отделении, а я пока свяжусь с Барковым и Клетцером, будем решать, что с тобой делать. На ночь снотворное прими, ну а утро вечера мудренее.

— Вань, — прошептал Борис Антонович.

Врач наклонился к нему.

— А член у меня стоять будет?

— Нет, вы только посмотрите, кто о чем, а козел о капусте! Я зайду вечером, потолкуем. Я тебе сколько лет назад про операцию на позвоночнике говорил? Я тебе сколько раз на аппарате Елизарова предлагал ногу вытянуть? А ты мне: «Я человек духа, меня внешнее уродство не волнует, я живу богатой внутренней жизнью!» А теперь запаниковал, что хрен стоять не будет! Не об этом думать надо, дорогой, не об этом...

В одноместной палате Бориса Антоновича с каталки переложили на кровать. Чисто, стерильно, водичка, устройство для капельницы. Но все же не Берлин. Подумал плохо о Клетцере, икается теперь хорошему человеку. А почему сразу две грыжи не вырезал? Чикчик лазером... В наших трамваях в инвалидном кресле не поездишь. И Наташа вдруг станет няней-сиделкой. Борис Антонович громко рассмеялся. Вошедшая в этот момент в палату медсестра взглянула на него без удивления — утром у человека парализовало часть тела, вот и сходит с ума постепенно. Сам с собой разговаривает, сам своим шуткам смеется... Она протянула ему две пилюли и ушла. В голове зашумело — стали выстраиваться фразы: «Согласно гипотезе Маргенау, индивидуальное сознание можно уподобить полю вероятностей в пространстве Фока, определяемом как прямая сумма пространств Гилберта. В принципе это пространство может быть выстроено, исходя из элементарных электронных событий на синаптическом уровне. В этом случае нормальное поведение согласуется с упругими деформациями поля, а свободное деяние — с разрывом поля; однако неясно, в какой топологии? Нет никакой гарантии, что естественная топология Гилбертовых

пространств позволяет рассчитывать на регистрацию свободного акта; нет даже уверенности в том, что сегодня возможна постановка этой проблемы иначе, нежели в сугубо метафорической форме...» Борис Антонович помотал головой: «Не хочу Уэльбека. Хочу фильм по комиксам — чтобы хэппи-энд, чтобы «наши» победили. Чтобы меня паук укусил — и я стал суперменом. Что мне сделают врачи? Как у Иэна Макьюэна: «Они могут контролировать твой распад, но не могут его предотвратить». Так держись от них подальше, сам следи за своей деградацией, а когда уже не сможешь работать или жить с достоинством, кончай с этим сам».

Дверь палаты со стуком распахнулась, в помещение влетел встревоженный Саша.

— Живой? — с порога поинтересовался он.

— Как видишь. Проходи. Иван тут вспомнил, что давно предлагал сделать из меня хирургическим путем здорового человека. Я же Ницше никогда не увлекался, на хрена я ему про какую-то там силу духа говорил? Может, у меня давно, скажем так, не все дома?

— У меня есть ответ. — Запыхавшийся Шурик пододвинул табурет и сел. — Раньше ты был более-менее здоровым человеком и считал, что занимаешься нужным делом. А когда не взяли твой перевод Жозе Сарاماго, ты сломался. Хотя, конечно, он был лучшим, но решили иначе, сам знаешь — рука руку моет. Не был бы идиотом, остался в Москве, уже готовился бы стать академиком. А в Ебурге не наукой в девяностых, а скупкой цветных металлов надо было заниматься. Тебя по старой памяти Иван Анатольевич терпит, и я какую-то ответственность, сам не знаю, почему — из-под танка ты меня не вытаскивал, грудью от пули не заслонял — чувствую. Больше ты в этом мире никому не нужен. Если умрешь, на твои похороны придут два человека — Иван и я. Все.

— А соседка Раиса Степановна? Очень милая женщина. Я по ее просьбе в подъезде на нашем этаже цветы поливаю...

— Значит, три.

— Жену забыл.

— Жену? Какую жену? Будем возвращаться к старому разговору? Да ты же кандидат на инвалидное кресло! Ее уже через неделю в твоей квартире не будет! Тебя же, дурака, мыть надо, мочу, кал из-под тебя выносить, стричь, кормить, гулять вывозить! Ты в каком мире живешь, какая у тебя жена, представляешь?

Успокоительное действовало, спорить не хотелось, да и понимал Борис Антонович, что друг его в целом прав. Но за нанесенное оскорбление нужно было получить сатисфакцию.

— Саш! — заговорщицки прошептал он. — Я прощу тебе последние слова, если ты достанешь выпить.

— Офонарел? А если тебе сегодня под нож?

— Нет, сегодня уже ничего не будет. Иван Клетцеру и Баркову будет звонить. Те, небось, на операции, пока он их отыщет, настанет вечер. Так что — только завтра. Может быть, даже в Москву повезут. Или в Берлин отправят. А я потихоньку с ума схожу. По секрету скажу тебе: Наташка вчера явилась с исцарапанной спиной и засосами на шее.

— Вот сучка!

— Спорить трудно. Так что понимаешь, в каком я состоянии?

— Что покупать?

— Да меня трясет, ты же видишь. Возьми водки в ближайшем продуктовом, да пластиковые стаканчики прихвати. Минералки побольше...

— Слушай, я сделаю так. Дома у меня есть отличный «Хеннеси Икс-О». Если собрался

подышать, по крайней мере, в ад попадешь, благоухая приличным напитком, а не сивушной вонью. Яблок принесу, груш, апельсинов, сока, и нормально посидим. Только дождемся, когда Анатолевич уйдет.

— Да что тебе Анатолевич! Это частная клиника, и он здесь — главный. Может, не только управляющий, но и акционер. Его мы никак не подставим. А если он нас застукнет — возьмем такси и поедem ко мне. Утром вернусь. Посидим.

— Это я посижу, а ты... — Саша показал на ноги товарища. — Полежишь.

— Ладно, иди. Жду.

Борис Антонович пожалел, что в спешке не взял какую-нибудь книжку. Оставаться наедине с мыслями было тяжело. Он вспомнил, когда Иван предлагал ему аппарат Елизарова. Это было перед окончанием школы, он собирался поступать в Институт иностранных языков. А лечение означало, что поступление пришлось бы отложить на год и все это время сидеть на шее у больной матери. Вот и все решение. Видно, судьба... А микроинвазивные операции на позвоночнике — когда их начали делать? Году в двухтысячном? Ну он уже был и хромой, и кривой, и обиженный на весь мир. Надо было голову на плечах иметь и не связываться с Натальей, все беды — из-за баб...

В дверь тихо постучали, даже как-то поскреблись.

— Войдите! — разрешил Борис Антонович.

На пороге появилась Наташа в белом халате со скорбной миной на лице. «Десять к одному, что мой приступ сорвал ей вечеринку», — подумал Борис Антонович.

— Что случилось, Боря?

— Да так, ерунда. Парализовало нижнюю часть тела.

— Ах! — Наталья картинно схватилась за щеки, но плохие актерские навыки не дали скрыть скользнувшую по лицу брезгливость.

— Да ерунда. Теперь будешь выносить за мной утки с говном, кормить с ложечки, переодевать. Если случайно обмочусь, подмывать — короче, ухаживать за мужем. Я ведь твоя любовь до самой смерти — так ты говорила?

— Боря, что за тон?

«Тон»? Новое слово в дворовом лексиконе! Бизнес-практика дает неплохие плоды...

— Когда мне Иван Анатолевич позвонил, я помчалась, дороги не разбирая. От слез цвета светофоров не различала.

«А почему глаза не красные и тушь не размазана?»

— Если тебе позвонил Иван, наверное, он все рассказал? Зачем ты тогда спрашиваешь, что случилось?

Минутное замешательство.

— Но как это случилось?

— Как? Сейчас объясню. Кстати, можешь поделиться с подругами, поднять свой авторитет. Тебе станут завидовать: муж так страстно и сильно любил тебя, что когда узнал об измене, у него помутился рассудок и отнялись ноги.

— Я не пойму, ты о чем?

— О царапинах на твоей спине и засосах на шее.

Наталья прикусила губу.

— Что молчишь?

— А что говорить? Я тебе давно уже все сказала. Мне нужен секс, ты мне его не даешь.

— И давно ты?..

— Что давно?

— Прекрати дурачку валять, переспрашивать! Давно ты путаешься с кем ни попадя?

— Да как из Германии вернулись, — ответила Наталья с вызовом.

— Что, с самого первого дня?

— Нет. Где-то так с пятого.

— И кто он?

— В смысле?

— Прекрати! Кто твой любовник!

— У меня нет любовника! Я то с одним, то с другим, то с третьим! Но в основном с другом Иркиного жениха. Правда, он женат, и дети есть, так что с ним сложнее всего.

— А кто тебе спину расцарапал?

— Да так, дурачок один, малолетка. Работает в соседнем офисе. Ничего не умеет. Думал, что так страсть выражают.

— Ты что, трахаешься прямо в офисе?

— Почему в офисе? В офисе негде. В машине.

— Которую я тебе купил?

— Да, которую ты мне купил! Только вспомни, сколько раз я у тебя отсосала! Если бы я за каждый минет брала хотя бы пятьдесят баксов, как девчонки в моем старом дворе, это уже был бы «мерседес», а не «пежо» сраный!

Борис Антонович закрыл лицо руками. Нет, это не змея, не пиявка... Это дьявол! Это настоящий дьявол!

— Вещи забирай и вон из моей квартиры! Разведемся заочно, больше не хочу тебя видеть!

— Хрен тебе! Я там прописана! Тебе надо, ты и разводишься! Выпишусь только по решению суда, так и знай! И пока ты по больницам будешь валяться, я хоть нормально поживу! Надоело в кустах и машинах трахаться! Хочу в нормальной постели!

— Это же моя постель... Не смей... — Борис Антонович затрясся. — Слышишь, не смей приводить на мою кровать мужиков!

— Ладно! — Наталья направилась к двери. Повернувшись, добавила: — Я на диванчике!..

— Какая же ты дрянь!

— Сам виноват! Сделал бы вид, что не заметил, и все! Сам нарвался. Когда бы поправился, все бы стало по-прежнему! Но теперь ежу понятно, что ты никогда не выздоровеешь! Ну и на кой черт мне такой инвалид нужен? Нет, ты подумай своей профессорской башкой — какого рожна ты мне сдался? Да, я хочу, чтобы меня любили, хочу, чтобы дарили подарки, чтобы меня трахали, наконец! А ты — развалина! Сам подавай на развод, у меня на это времени нет, у меня работы по горло. Жить мне пока негде, жить буду у тебя. Мужиков водить не буду, не бойся — это я пошутила. Ну и... выздоравливай, что ли?

— Сука! — заорал он ей вслед.

— Чао, бэби! — донеслось из коридора.

Дрожащими пальцами он набрал номер мобильного Саши и, заикаясь, сказал в трубку:

— Планы изменились. Нужно поторопиться еще сильнее. Если я сейчас не выпью, то в окно выброшусь.

— А что произошло?

— Приходила Наталья, был откровенный разговор, мы решили развестись. Слушай, меня колотит всего, приходи скорее.

— Ладно. Ловлю тачку и еду.

Борис Антонович перевернулся на живот, воткнул лицо в подушку и зарыдал. Со слезами выходила сердечная боль, стало чуть легче. Утерев глаза, подумал: «Как там у Достоевского? «Уверяли, что Виргинский, при объявлении ему женой отставки, сказал ей: «Друг мой, до сих пор я только любил тебя, теперь уважаю», но вряд ли это было на самом деле; напротив, говорят — навзрыд плакал».

В палату заглянул Иван.

— Что с тобой? — оторопел он, увидев красные глаза Бориса Антоновича.

Тот махнул рукой.

— Я только что разговаривал с Барковым. У него сейчас запись примерно на три недели, подвинуть никого нельзя. Но дней через двадцать он тебя прооперирует. Вынет грыжу, а между позвонками вставит четыре титановых винта вместо разрушенных дисков. Голову на отсечение дает, что ты через полгода в футбол играть будешь. А потом и ногу тебе вытянем — станешь абсолютно здоровым человеком. Двадцать первый век, третье тысячелетие, сейчас такие технологии! А ты тут нюни распустил! И всего делов — один день и пять тысяч долларов. Деньги-то есть, или у меня возьмешь?

— Мне Саша обещал.

— Ну вот и хорошо. Давай прекращай истерику. Отвезем тебя на поезде в Москву и сами привезем обратно. Пока дома полежишь, пописаешь в уточку, а Наташка за тобой поухаживает.

— Не поухаживает. Мы разводимся.

— Во как! Это почему?

— Трахается со всеми подряд.

— Это, брат, раньше надо было думать. У нее на роже написано, что она дает каждому второму.

— Каждому третьему. Это раньше она была кассиршей, а теперь, извини, офис-менеджер на иномарке.

— Блин, сорок лет, а сам как ребенок. Сиськи с жопой увидел — и головой в омут. Помнишь у Бунина — «Вертер из Тамбова»? Ладно, я пошел. Сегодня здесь переночуешь, а завтра домой, а то у меня жить дорого. Да и скучно. Ни Интернета, ни телика.

— А у меня мышцы ног за три недели не атрофируются?

— Тут дилетанты, ты считаешь, собрались? А физиотерапевт на что? А массажист на что?

— А что говорит Клетцер?

— Передает привет. Да мы и без него обойдемся, его методы не то что устарели... Просто теперь они не для нашего случая. Держи себя в руках. Все будет хорошо. Пока, дорогой, а то у меня пациенты...

Не успела за ним закрыться дверь, как в палату влетел Саша с двумя большими пакетами в руках. Он достал выпивку, фрукты, пластиковые тарелки, стаканы. Из кармана вынул складной ножик, аккуратно нарезал яблоки, почистил апельсины.

— Что за нож чудной? — поинтересовался Борис Антонович.

— Spider, английский, студенты подарили. Лезвие тонкое-тонкое, но прочное, вообще не гнется и острее бритвы, а клинок, между прочим, десять сантиметров. Я им всегда

фрукты нарежаю, легко и... эстетично, что ли.

— Подари.

Шурик задумчиво почесал в затылке:

— А зачем он тебе? Сеппуку делать?

— Понравился.

— Точно не будешь живот вспарывать? Ладно, тогда заберешь потом.

— Хватит фруктов, наливай, а то меня колбасит.

— Тебя завтра не будут оперировать?

— Нет. Анатолевич заходил, сказал, лично к Баркову в Москву повезет через три недели. А пока массаж, процедуры и прочая фигня. Причем на дому, а там эта стерва... Видеть ее не могу!

— Так что случилось-то?

— Выпьем, расскажу.

Они чокнулись и разом махнули по полстакана. Борис Антонович передал содержание своей беседы с Натальей. Саша побледнел:

— Это единственный случай, когда я жалею, что оказался прав.

Когда, раскрасневшись, они накатили по четвертой, неожиданно на пороге появился Иван Анатолевич.

— Вы что это, сукины дети, делаете?! Совсем стыд потеряли?

— Я, Вань, привожу психическое состояние пациента в норму. А то он так переволновался, гляди, инфаркт хватит.

— И чем приводишь? — Врач потянул носом воздух.

— «Хеннесси Икс-О» привожу.

— Если так, то мое психическое состояние тоже нуждается в поддержке, — сказал Иван Анатолевич и тяжело опустился на табурет. — Наливай.

Шурик достал еще один пластиковый стаканчик, вынул из пакета припрятанную бутылку, плеснул прилично.

— За здоровье! Правильно? — спросил врач.

— За него, как иначе, — поддакнул Борис Антонович.

Выпили.

— Красота! — Иван Анатолевич поставил свой стаканчик и взял ломтик яблока. — Слушай, Борис, да не переживай ты так! Поставим тебя на ноги! Потерпи три недельки!

— Да он больше из-за жены, — вставил Саша.

— Я — врач, — сказал Иван Анатолевич и ухватил апельсин. — Все вопросы отношений мужчины и женщины рассматриваю только с позиций физиологии. Вся эта мораль, любовь-морковь — ерунда. С доисторических времен повелось — вот, смотрите, — он разломил апельсин, — пещера, в ней мужчина и женщина. Мужчина оказывает женщине внимание, ласкает ее, но та банально хочет есть. А сосед в это время приволок с охоты кусок мамонта и предложил ей. Она уходит к более сильному и ловкому, с которым всегда будет сыта и родит таких же выносливых и здоровых детей. Мясо — оно прежде всего. Любовь приходит вместе с мясом. Вот современной женщине что сейчас нужно? Бизнесмена ей нужно, и чтобы в постели был молодец. Но так бывает редко, или одно, или другое, как правило. Если мужик богат, она найдет себе любовника, но от мужа не уйдет. Спросите, почему? Да потому что — мясо! Мясо! Свеженький мамонт! Но если на горизонте нарисуеться еще более обеспеченный бизнесмен, она все бросит и метнется к нему. Пока

женщина востребована, она всегда ищет того, с кем ей будет лучше. Ты для Наташи необходимый этап в ее тяжелой жизни. Просто ступенька вверх. Теперь ты ей не нужен, она уже о тебе не думает, а смотрит в свое будущее, в котором тебе, извини конечно, места нет. Она молодая, предприимчивая, жадная до жизни, а ты сейчас болен, и болен тяжело...

— А как же любовь? — спросил Борис Антонович.

— Любовь? Та, которая не земная, а небесная? Любовь и моральная ответственность бывают у высокодуховных людей, невзирая на их социальный статус. Конечно, у образованных, материально обеспеченных людей шансов встретить такое чувство больше. Они ищут родственную душу, сходство характеров и отношения к окружающему миру, интеллектуальный и душевный комфорт. А любовь, основанная, пардон, только на совокуплении, — это не любовь. Это сексуальное удовлетворение, зов природы, необходимость продолжения рода. Разве можно прожить с одним и тем же человеком душа в душу, допустим, лет так пятьдесят, только из-за того, что с ним хорошо в постели? Чепуха полнейшая! Тебе, Боря, спутницу жизни надо было в университетской библиотеке искать, а не в супермаркете на кассе. Понял?

— В университетской библиотеке сидят очкастые фригидные зубрилы, — сказал Борис Антонович.

— Не скажи, — встрепнулся Саша. — У меня одна аспирантка через член, такое было ощущение, спинной мозг высасывала. До сих пор забыть не могу.

Иван Анатольевич отмахнулся от него.

— У тебя, Борис, — продолжил он, — Наталья — альфа-женщина, доминирующая в отношениях, доминатор, хе-хе. С такими надо знаешь как? Взял левой рукой за волосы, оттянул башку и правой — по сопатке! Тогда в доме мир и согласие. А ты, наверное, ей заливал: «От очей, к себе манящих, от зубов, всегда блестящих, белой груди, гордой шеи столько раз душа полна! Но и в каждой новой фее снилась ты мне лишь одна!» Перси, ланиты... Тьфу! В бубен ей — и всех делов!

— Ты, Вань, зря насчет сходства характеров, — завелся Борис Антонович. — Вот есть же у Куприна рассказ. Морской офицер случайно наткнулся на письмо простого матроса к своей жене, и столько там было пусть и неграмотных, но искренних и страстных слов любви, что он даже позавидовал, что сам так любить не может.

— Я знаю этот рассказ, — кивнул врач. — Молодой мужчина писал молодой женщине о радостях первого секса — «а помнишь, как мы на сеновале...» Интересно, что бы он начертал лет так через десять женщине с пятью детишками, тремя коровами и шестью свиньями? То же самое? Повторяю, секс — это не любовь. Ежесекундная готовность жертвовать собой во имя дорогого для тебя человека — вот любовь. Но, конечно, сексуально удовлетворять друг друга все же желательно. — И он громко засмеялся. — Знаешь, Боренька, что я тебе скажу? Приведу слова моего любимого Анатоля Франса: «Один монах подбадривал покинутого влюбленного: «Не беспокойтесь, вы найдете себе новую женщину. Ибо мне кажется, вы ищете в них как раз то, что присуще каждой»». То есть женское естество, верно? — и опять засмеялся.

— Я зарегистрирован на сайте знакомств, — встрял неожиданно Саша.

— Что? — не понял его Иван Анатольевич.

— Ну, в Интернете есть такой сайт, — пояснил Шурик. — Ты заполняешь анкету, вставляешь свои фотографии, описываешь то, что тебе в жизни интересно, и знакомишься с понравившимися девушками. Так я думал поначалу. Но после внимательного исследования

женских анкет кое-что понял. Резюме содержится в посыле одной красавицы: «Кого я хочу найти: ищу порядочного, интересного в общении, спортивного парня. Желательно авто». Впрочем, есть ранг и повыше: «Меня возбуждает Chopard, Carrera у Carrera, De Grisogono» или «Ищу олигарха, как минимум, простому смертному вряд ли буду по карману!»

— Ну я же говорил, — резюмировал Иван Анатольевич и посмотрел на Бориса Антоновича: — Слушай, а ты там не видел: «Хочу найти переводчика с португальского?»

— Мне кажется, они не знают, кто такие переводчики, — защитил друга Саша.

— Эх, эх, — потер ладонью затылок врач. — Мясо! Нужно мясо! Нужна уютная комфортабельная пещера! И умение добывать огонь — ну, эти ваши De Grisogono, да? Знаете, есть еще такая категория женщин — чтобы свою самооценку поднять и перед подругами повыделываться, им обязательно нужно перепихнуться с известной личностью. У ребят из «Комеди Клуб» от предложений, наверное, нет отбоя. Важно, чтобы был человек «из телевизора», потому что они ничего, кроме телевизора, не знают. А кто он, что он... Смотрел я случайно передачу по СТС с Тиной Канделаки. У одного из «Иванушек» спрашивают: «Символ Японии»? Мнется. Подсказывают: «Круглое такое». Мнется так, будто писать хочет. «Красное, — подсказывают, — от него тепло». Тупая рожа не находит ответа. «Ну солнце!» — чуть ли не выругавшись, говорит Канделаки. И ответьте: сколько девушек от пятнадцати до двадцати пяти готовы дать «Иванушке» без особой прелюдии?

— Подожди, — привстал с постели Борис. — А как же твоя пациентка, у которой тоже проблемы с позвоночником? Маргарита, кажется? Которая работает в «РусАле», получает двести тысяч долларов в год, не считая бонусов, имеет ребенка от первого неудачного брака. Ведь она поселила у себя на ста пятидесяти квадратных метрах невесть откуда взявшегося парня... Все сама, и не нужно ей «мяса», а требуется именно мужик...

— Госпожа Никитина? Так мы же говорим об общей картине, а ты мне приводишь единичный случай, исключение. Ну да, в природе есть чудеса. Рыбы, живущие на глубине две тысячи метров. Редкие жемчужины. Алмазы весом в полкило. И вообще, я думаю, что у них в семье она и есть мужик. А он — баба. Не удивлюсь, если Маргарита приходит с работы, а он ее встречает в фартучке у плиты. Да и спит он с ней — ты ее, вообще-то, видел? Наверное, только по праздникам и без удовольствия, а сам себе устраивает встречи с твоими студенточками на денежки, выданные на карманные расходы. Ладно, мне пора, меня люди ждут, давай на посошок, и я пошел. — Выпив и откусив от груши, он сказал: — Я тебе удобное креслице дам...

— Инвалидное? — поднял бровь Борис Антонович.

— Это ты как хочешь назови. На колесиках, чтобы по квартире передвигаться. И узенькое, чтобы в дверные проемы проходило. Ну ладно, до завтра. Эту бутылку допьете, и больше — ни-ни. Я охране скажу, чтобы Сашку второй раз в больницу не пускали, а то еще за следующей побежит. Черти!

Иван Анатольевича погрозил пальцем и ушел.

— Знаешь, Боря, — признался Шурик, — я, похоже, того, опьянел. Пойду я, а то не доеду еще...

— Скажи мне, Саш, как мне теперь жить?

— Не знаю, что ответить. Я же в такой ситуации никогда не был. Мне с женщинами всегда везло:

Знакомства он предпочитает,

Те, что, как снег весенний, тают.
Лишь после самых первых встреч
Обузу сбрасывает с плеч...

Саша положил руку на плечо Борису:

— Знаешь, что мне одна умная женщина сказала? «Если человек в двадцать лет считает, что ему бабы не дают, потому что любят мужиков постарше, так как те богатые, а в сорок не дают, потому что любят молодых и мускулистых, значит, бабы ему просто не дают».

— Ты еще Тулуз-Лотрека вспомни...

— Правильно, внешнее уродство — не помеха. Должна быть харизма. И уверенность.

— А какая у меня уверенность с такой ногой и кособокой походкой...

— Правильно. Вот ты и не набрался нужного опыта. А у тебя, кстати, неплохой шанс начать жизнь заново. Анатольевич с Барковым тебя вылечат, с Натальей разведешься, университет бросишь. Может, еще в Москву переедешь. Сейчас в ЦСКА — Зико, и там теперь куча переводчиков с португальского. Скоро «Спартак» к себе Сколари переманит, а ты тут как тут!

— Ты уже точно в стельку. Какая Москва? Выкарабкаться бы, остаться живым-здоровым и доживать свой век без потрясений, зарабатывая интеллектуальным трудом...

— Интеллектуальным трудом можно зарабатывать в США или Европе, получая гранты на исследования в надежде годам к семидесяти оказаться нобелевским лауреатом. Да и зачем в семьдесят лет деньги? В больницу носить? А интеллектуальный, особенно переводческий или писательский, труд денег не приносит. Вот смотри, Бунин, Грин, Сервантес, Мережковский, Андрей Платонов, Саша Черный — все умерли в нищете. Хемингуэй был богат, но все равно плохо кончил.

— А Набоков?

— Исключения подтверждают правило. Давай по последней, да пойду я...

Оставшись один, Борис Антонович быстро уснул. Алкоголь помог. Провалился он в черноту сна быстро и без сновидений.

На следующий день он был уже дома. Санитар вкатил его в инвалидной коляске в квартиру и ушел. Борис Антонович порадовался, что на крыльце подъезда предусмотрен съезд для детских колясок, — значит, он сможет выбираться на прогулки. Раньше он на этот спуск внимания не обращал...

Договорился с сиделкой. Три недели — и много, и мало, главное — погрузиться с головой в работу, чтобы времени на грустные размышления не оставалось. Взял в одной фирме сложный технический перевод и принялся за дело.

Вечером появилась пожилая женщина, помыла утку, что-то приготовила, сказала, что будет навещать его каждый день. Борис Антонович пока дал ей старые ключи. Саша заказал ему новый замок, но когда будут менять, не сообщил.

Борис Антонович провел тоскливую одинокую ночь, Наталья не появилась. Целый день, забывая поесть, он работал. Вечером услышал, как в прихожей щелкнул замок входной двери. Он вздрогнул и почувствовал легкое головокружение. «Нервишки шалют, — подумал он, — надо взять себя в руки». Наталья заглянула к нему в спальню, без приглашения села на краешек кровати.

— Борис, давай поговорим.

— О чем?

— Ты прости меня за мое поведение в больнице! Знаешь, все произошло так неожиданно, наверное, я просто сорвалась. Пойми, мне самой сейчас нелегко.

— Я понимаю.

— Подожди... Мне действительно негде жить, разреши мне недельки две побыть здесь. Я буду только приходить ночевать, честное слово. Продукты буду покупать, убирать, готовить. Можешь давать мне любые поручения, я все выполню. Я понимаю, что тебе меня неприятно видеть. Да, я виновата, но давай останемся друзьями, зачем нам враждовать? Вован уже ищет съемную квартиру, как только найдет, я сразу уйду.

— Вован... Зачем нужно коверкать имена? Почему не Владимир?

— Ну хорошо. Владимир.

— Это друг Иркиного парня?

— Ага.

— У него же дети!

Наталья с довольной улыбкой пожала плечами:

— Сердцу не прикажешь.

— Да я о другом! Ты же еще одну семью ломаешь! Разве это не понятно?

Она встала:

— Так ты ни во что и не въехал. Я же тебе говорю: «Сердцу не прикажешь!»

— И у него, конечно, есть джип...

— Конечно.

— И у него тоже своя автостоянка...

— Нет, у него свой автосервис.

— То есть это еще круче?

— Ага.

— Сколько ему лет?

— Двадцать восемь.

— Ладно, оставайся, только по телефону не болтай, ты мне будешь мешать работать, и не шуми.

— А телик включать можно?

— Да, конечно, включай, но чтобы он не орал на всю квартиру.

Утром, перед уходом, Наталья притащила в спальню журнальный столик, поставила на него завтрак. Это были сырники со сметаной — вкусно, черт побери!

«Зараза, — подумал Борис Антонович. — Вертит мной, как хочет».

— До вечера? — спросила Наталья.

— Да, — жуя, ответил он, — до вечера. Шли дни. Зашел Саша, очень удивился и расстроился, узнав, что замок менять не надо. Заехал Иван Анатольевич с массажистом. Последний помял бедра и икры Борису Антоновичу, сказал, что тот в порядке, а его помощь понадобится только после операции.

Шли дни... И каждый следующий был похож, как две капли воды, на предыдущий. Телефон молчал. Черная тоска нападала порой на Бориса Антоновича, от нее холодело сердце и закладывало уши, как в самолете. От бессильной ярости он ночами зубами рвал подушку, но наступал новый день, и он садился за работу...

Боль накатывала волнами. Кололо в спину, шею, однажды Борис Антонович долго не мог разогнуть правую руку. Он крепился, в кресло залезал самостоятельно, путешествовал в ванную и на кухню, во двор выезжать не рисковал. Из-за болей не мог спать. Иван Анатольевич принес ему феназепам. Наталья по собственной инициативе купила донормил. Иногда ночью, в дремоте, он кричал, ничего не соображая. Она вставала, приносила ему водки. Борис Антонович выпивал, становилось легче, он засыпал. Раньше Борис Антонович бороду подстригал, сейчас из-за физических сложностей забросил это занятие, оброс, как Робинзон Крузо. Перевод у него приняли, но придрались к каким-то мелочам, которые он мог исправить буквально за два часа, и заплатили вдвое меньше.

Однажды глубокой ночью он неожиданно проснулся. Перед сном он съел лошадиную дозу снотворного, и спать ему действительно хотелось. Но раз уж пробудился, Борис Антонович решил наполнить утку и попить. Вытерев ладонью усы и бороду от капель минеральной воды, он вдруг замер. Ему послышались легкие женские стоны.

«Привет, таблеточки. У меня уже глюки, я слышу голоса», — подумал он. Но стоны повторились. Борис Антонович, похолодев, прислонил ухо к стене. Звуки стали четче. «Наташка! О боже!..» Он бросился с кровати в свое инвалидное кресло, но промахнулся, упал на столик, перевернул его, грязная посуда со звоном полетела на пол. Борис Антонович схватился за ручки кресла, диким усилием втянул в него свое тело и, дрожа от ярости, покатил в другую комнату. Нашарил на стене выключатель, зажег свет. Дивная картина открылась его взору: на диване разметалась в вольной позе в мятой юбке и лифчике его супруга, а рядом с ней раздетый по пояс здоровый мускулистый парень. Парень поднял голову и улыбнулся.

— Да ты что, охренела?! — вне себя заорал Борис Антонович.

— Мужик, ты извини... — начал парень. — Наташка домой проводить меня попросила, я не знаю, как-то все само собой вышло. Но мы ничего не делали, только целовались. Мужик, извини, я не думал, что так выйдет!

— Какой я тебе «мужик», сопляк! Пошел вон отсюда!

— Я у себя дома! — вдруг завизжала Наталья, приподнявшись. Судя по всему, она была здорово пьяна. — Что хочу, то и делаю! Вован! Что ты смотришь на него! Запри его в спальне, подопри дверь столом и трахни меня нормально!

— Да ты, подруга, — вскочил ее любовник, — совсем обалдела! Сказала, что он всегда принимает снотворное и спит, как сурок, а теперь я с тобой должен... при нем? Я что, похож на извращенца?

— Ссыкун! — взвизгнула Наталья. — А еще мужик называешься!

— Не, брат, — повернулся Вован к обалдевшему Борису Антоновичу. — Ты, правда, того... извини. Я пошел. — И он стал натягивать рубашку с чудовищными узорами.

«Наверное, это сейчас модно», — зачем-то подумал Борис Антонович.

— Ссыкун! — еще раз крикнула супруга и гордо выпятила грудь.

— Созвонимся, — бросил Вован и хлопнул дверью.

Борис Антонович словно потерял дар речи.

— Ты, ты... — сипел он.

— Ну что я? Я хочу трахаться! Трахни меня сам, если можешь! У тебя вообще еще

стоит?

Он с силой толкнул колеса, оказался рядом с ней и с размаху ударил ее ладонью по щеке.

— Ха! — крикнула она. — Наконец-то первый мужской поступок! Давай еще!

— Ты просто выродок рода человеческого!

Она наклонилась к нему так близко, что он явственно почувствовал запах стойкого перегара, и прошипела:

— Еще раз ударишь, я тебя опрокину вместе с твоей коляской, и будешь на полу до завтра валяться, пока сиделка не придет!

— Ты не стерва, ты не гадина... Ты просто какое-то моральное чудовище! — заключил он и, трясясь, покотил на кухню.

На столе стояли почти полная бутылка «Столичной», пустые рюмки и тарелка с нарезанными солеными огурцами.

«Свиньи, — подумал он, — типичные свиньи», наклонился, стал вышвыривать из кухонного шкафа кастрюли и сковородки, пока не добрался до спрятанной у самой стенки бутылки «Чиваса». Снял с полки стакан, налил себе, выпил. Открыл холодильник, нашел пакет с соком, плеснул в тот же стакан, запил.

Вошла Наталья.

— О! Вискарик! Припрятал от жены, да? Заначечка?

— Жри свою водку, алкоголичка хренова!

— И выжру! А то меня сегодня что-то прет!

И она быстро налила себе стопку и залпом, по-мужски, запрокинув голову, выпила. Еще и крикнула от удовольствия. Боже, как же это было противно! Руки его дрожали, он взял новый стакан и наполнил его почти до половины.

— Тебе здесь больше не пить. Вали отсюда прямо сейчас!

Она уселась на стул и, показалось, даже устроилась поудобнее.

— И куда же я пойду ночью?

— Да мне плевать. К маме! На вокзал! Еще и в клуб успеешь, найдешь кого-нибудь для любимых утех!

— Не хо-чу, — проговорила она по слогам. — Слушай! — Наталья наклонила голову. — А может, я тебе сделаю быстренький отсосик, и ты меня простишь, хотя бы до утра?

Борис Антонович швырнул в нее пустой стакан, она легко уклонилась, стакан, ударившись о стену, вдребезги разлетелся.

— Вон! Вон!

— Да не ори ты, никуда я не пойду: — Наталья стала наливать себе новую порцию. — И разводиться не собираюсь. Кто сказал, что тебя прооперируют успешно? Немцы вон уже пытались. Ты-то все дрыхнешь под феназепамом, а я сама слышала, как Анатолевич говорил Сашке на этой же кухне, где я чай им заваривала: шансы пятьдесят процентов. Ты понимаешь, что это значит? Ты же можешь просто сдохнуть под скальпелем! А сдохнешь — квартира моя, я единственная наследница. Зачем мне такой шанс терять? А машину я уже давно на маму переписала. И Вована я из семьи все равно уведу — мои губки и язычок лучшие в мире!

— Еще кое-что забыла... — мрачно вставил Борис Антонович.

— Пизденочка? Да, точно! Мужики лизут, не нарадуются. У тебя, говорят, маленькая такая, аккуратная и сладенькая, а не соленая, как у некоторых. И буду я с Вовчиком жить-

поживать, да добра наживать! — Тут она опять выпила, сморщилась, видно, не «пошло», схватила пальцами огурец и зачавкала. — И хоть тебе наплевать, у меня, между прочим, на работе сейчас самая большая клиентская база. Соответственно и самые большие проценты от сделок. Конечно, когда надо, не обходится без этого, — тут она засунула большой палец в рот и сделала им несколько движений, изнутри растягивая щеку, имитируя минет, — но с волками жить — по-волчьи выть. Я, между прочим, сейчас гораздо больше твоего зарабатываю.

Все эти слова доходили до его сознания словно сквозь туман, как будто из другого измерения, и били, били его по голове, по обнаженному мозгу, он тер себе виски, а голос ее становился все громче, громче... Он вдруг испугался, что упадет в обморок, схватил стакан с «Чивасом» и выпил. Прошло буквально несколько секунд, он пришел в себя.

— Я больше никогда с тобой не заговорю. Никаких бесед, дела, лишь касающиеся развода. Ответь мне только на один-единственный вопрос: ты меня когда-нибудь любила?

— Ну ты даешь! — удивленно подняла она брови, жуя огурец. — Конечно, любила! И очень тебе благодарна. Если бы не ты, я, может, так бы и сидела за кассой. Ты — очень важный этап в моей жизни. Но теперь, — тут она щелкнула пальцами, — все, ты — отработанный материал, балласт. А мне надо двигаться дальше.

— Неужели, — в бешенстве выкрикнул он, — ебаться — это единственное счастье в жизни?!

— Не-е-е-ет! — с самым ядовитейшим сарказмом, на который только была способна, заорала Наталья. — Счастье — это, наверное, книжки читать!

Весь трясась, Борис Антонович стал толкать колеса кресла, чтобы скорее убраться из кухни. Он доехал до порога спальни, на полу валялись осколки разбитых тарелок. Не отдавая себе отчета, он выдвинул ящик прикроватной тумбочки и стал туда их складывать. В ящике он заметил завернутый в пакет предмет. Это оказался английский складной нож «спайдер». Борис Антонович горько усмехнулся. Что это — судьба? Зачем, ну зачем он попросил у Сашки этот нож? Он никогда не интересовался ножами, ни разу в жизни не держал в руках ни одного ножа, кроме кухонного. Какая удобная ручка! Какая грамотная выемка для указательного пальца, чтобы крепче держать рукоятку! Какая тоненькая узенькая бороздка на лезвии, видимо, для стока крови! Как все умно сделано! Он прикоснулся к лезвию, очень легко, но тут же отдернул руку — на пальце показалась капелька крови. И какой острый!

Не закрывая нож, он положил его в кресло рядом с бедром и покатил обратно на кухню. Наташа все так же сидела над полупустой стопкой. Она подняла на него мутные глаза.

— Вернулся? — бросила она. — А бахвалился, что больше слова мне не скажешь. Слушай, можно я твоего виски шмякну, а то че-то водка в меня не лезет?

— Можно, — ответил он и сам ей налил.

Она залпом выпила, чуть поморщившись:

— Ух, хорошо пошла!

Борис Антонович трясущимися руками подкатил кресло к ней поближе. В голове у него все помутилось, глаза заволокло влажным туманом.

— Хорошо ли тебе, девица? Хорошо ли тебе, красная? — спросил он, кривя рот.

— Э, Борь, ты че? Уже нажрался?

Он провел рукой по бедру, нащупал рукоятку ножа и быстрым резким движением ударил ее в грудь. В сердце особо не метил, но слишком много американских фильмов посмотрел в последнее время на DVD — попал, куда надо. Наталья широко-широко

распахнула удивленные глаза и стала ловить ртом воздух. Из раны медленно заструилась кровь. Она увидела кровь и попыталась зажать ее ладонью. Не говоря ни слова, Борис Антонович толкнул колеса, объехал ее сзади и схватил за красивые светлые волосы. Намотав их на руку, он наклонил голову Наташи назад и перерезал ей горло. Не отпуская волосы, он отъехал назад и дернул их на себя. Наталья вместе со стулом упала на пол. Никогда он не видел столько крови. Она ручьем текла из огромной раны, образуя вокруг ее головы огромную жуткую лужу. Наталья несколько раз судорожно дернула ногами и застыла. В ее широко раскрытых мертвых глазах читалось почти детское удивление.

Борис Антонович спокойно объехал тело, взял бутылку с оставшимся виски, стакан и покати́л в ванную комнату. Он насыпал в ванну морской соли, выдавил пены и включил воду — погорячее, как любил. В спальне прихватил ноутбук, диск Маризы Рейш Нунеш Transparente и снотворное. В ванной комнате поставил ноутбук на стиральную машину, вставил диск, зазвучала музыка фаду. Он достал пластиковый стаканчик для лекарств и стал не спеша, одну за другой, выдавливать в него из пластинок таблетки феназепама. Выдавил штук тридцать. Для верности высыпал в стаканчик весь оставшийся донормил. Налил полный стакан виски, поставил все это на полочку, добавив еще окровавленный нож. Скинул футболку, на снятие штанов понадобилось больше времени, но он все-таки справился. Голый бухнулся в ванну. По закону Архимеда на пол выплеснулось изрядно воды. Он подумал, что раньше бы его это огорчило, но сейчас в голове и на сердце была леденящая пустота. Он не стал закрывать кран, только чуть-чуть приоткрыл затычку в сливе — он всегда так делал, чтобы вода не остывала, оставалась горячей.

«А я и не знал, что кровь такая липкая. Век живи — век учи́сь», — билась в голове дурацкая мысль. Вид окровавленного ножа ему вдруг не понравился, он прополоскал его под краном. Лезвие заблестело. «Ну вот, другое дело. Горячо, горячо... Виски на жаре станет теплым... Это плохо... Надо выпить...» Он поднес стакан к губам. Сделал глоток. Вдруг мелькнула идея: «А что это я так спешу? Интересно, зачем? До утра еще столько времени! Хотя зачем оно мне, время? Сколько уже было бесплодных вечеров и ночей, наполненных тяжелыми думами? Надоело! НА-ДО-ЕЛО! Не приняла меня жизнь, выплюнула, как несъедобную косточку. Вот только Сашку жалко. Анато́льевич крепкий, выпьет сто граммов и успокоится. А Сашка себя будет винить. Нет, ну почему я не родился дураком?! Почему я не краснорожий дебил! Да за каким дьяволом мне сдался этот португальский?! Я, человек, далекий от футбола, как сумасшедший переживал, когда в девяносто шестом году в полуфинале чемпионата Европы чех Поборски забил сборной Португалии гол и вывел свою страну в финал! И ведь гол был шикарный — как рукой, перекинул мяч метров с двадцати пяти над вратарем, не сближаясь с ним! Ну и радуйся красоте гола, а я распустил нюни — «наши» проиграли! Какие они тебе, блин, «наши»? В две тысячи четвертом году в решающем матче продули каким-то грекам, и я опять чуть не плакал, в две тысячи шестом, находясь в командировке в Москве, смотрел чемпионат мира в спортивном баре. Обыгрывали в четвертьфинале англичан по пенальти, я был единственный, кто распевал португальские речовки и радовался «нашей» победе! И как англичане, битком набившиеся в зал, не вывели меня, словно умалишенного, на улицу и не отметили от души? Зачем я это вспомнил?... Зачем? Господи, что со мной... Надо было мне вытягивать ногу, ремонтировать позвоночник, выкупать автостоянку, приобретать пятилетний джип, потому что новый — дорого; и на нем телок снимать... Надо было пробовать студенток... Какой, интересно, у Вдовиченко вход во влагалище? Как выглядят малые половые губы? Они у нее небольшие,

аккуратные, розовенькие или как распустившаяся роза, лепестками, коричневые?»

Борис Антонович потянулся к полочке, опрокинул стаканчик с таблетками в рот, запил виски. «Интересно, скоро подействует?» В стаканчике осталась прилипшая таблетка донормила. Он поймал ее мокрым пальцем и отправил в рот вслед за остальными. Снова глотнул виски. Чувствовалось только опьянение, больше ничего. Но ждать не хотелось. «Как же хороши песни Маризы! Еще треков пять, не меньше. Нет, нельзя ждать...» Он взял нож, повертел, рассматривая. «Какая красивая вещь! Не тому, не тому он посвятил свою жизнь. Ну и наплевал бы на свое уродство! Что, коротконогий не может заниматься стрельбой? Или владеть холодным оружием? Или поиметь с помощью денег, машины, подарков, лживых «люблю-трулю-лю» сотню-другую баб? Жил чужими текстами, чужими книгами, чужим языком, радовался ошибкам коллег — вот они написали так, а надо было бы вот этак! Тьфу, мерзость! Как жить, зачем, если главное — ебаться! Ну и, наверное, жратва — чтобы были силы. Жрать — трахаться, трахаться — жрать! Вот она, формула жизни!»

Он провел лезвием по запястью. В какой-то кинокартине видел — надо вдоль. Фигня, можно и вдоль... Теперь — другая рука. Вот так — крест-накрест...

«В человеческом теле пять литров крови, скоро вся вытечет, — думал Борис Антонович, — а снотворное и виски не дадут отказаться от задуманного. Ба, я, кажется, шевелю пальцами ноги! Но я же не могу шевелить пальцами, ведь ноги у меня парализованы! Значит, это глюки. А галлюцинации — это хорошо. Умирать, оказывается, весело. А я почему-то думал, что будет страшно. А оказывается, очень даже ничего. Вот и вторая нога зашевелилась... Как же хороша водичка! Пока не отключился, надо подумать о Боге. Если есть другая жизнь, мне вечный Ад — ведь я убийца! Мало того, самоубийца! Не видать мне царствия небесного! Может, покаяться? А что толку — разве можно искренне раскаяться в убийстве такой гадины? А ведь как я ее любил, как любил! Как она говорила — пылинки сдувал... Сначала любовь-морковь, а потом — подыхай, освобождай жилплощадь! Сдохнешь — квартира мне достанется... А почему я ей только горло перерезал? Надо было еще язык отрезать и в унитаз спустить — вот тогда бы смерть была справедливой... Кажется, я засыпаю... А *Minha Bela Putana Wander Pirolí* я так и не закончил... Но ей же все равно! Кто она, и кто — я... Нет, точно засыпаю... А перед смертью перед глазами должна вся жизнь пронестись... Не проносится что-то... Надо вспомнить что-нибудь хорошее... В четвертом классе летом дали на неделю «запыленную» пластинку *Deer Purple, Machine Head*, и это было такое счастье, такое счастье, что я не поехал в пионерлагерь, — пластинку надо было вернуть. А ведь в лагере было весело, все лучше, чем по расплавленному жарой Свердловску ходить, но это же были *Deer Purple! Machine Head!* В день, считай, выучил все песни наизусть. Я засыпаю! Нельзя! Нельзя! Надо еще что-то вспомнить!.. Еще имелся диск *Ugrian Heer*, заслушанный до дыр. А-а!.. В лагере была девочка Марина, толстушка, которой не интересовались мальчики. Вот мы, двое ущербных, и нашли друг друга. Как-то нас отправили на дежурство. Мы сидели в беседке, держась за руки, я гладил ей ладошку, и это было непередаваемым сексуальным моментом. И еще было... Мы с Андрюхой Гоцманом купили в деревенском райпо две бутылки водки-«чебурашки», три огромных помидора и палку вареной колбасы. Ночью ушли в лес «бухать», пили из горлышка, и не было тогда на свете ничего вкуснее этих помидоров, и опьянели мы уже от одной бутылки в зюзю, а вторую зарыли у какого-то дерева, ствол пометили, но на второй вечер ничего не нашли, хоть и бегали полночи с лопатой по чаще, это была моя первая в жизни водка...»

На край ванны присел человек.

— Ты кто? — спросил Борис Антонович.

— Я — Фобос.

— Зачем ты здесь?

— А мы всю жизнь с тобой.

— Мы — это кто?

— Я и мой брат Деймос.

— А он где?

— На кухне, трупом любуется. Красиво ты ее зарезал! Только зачем нужно было по горлу, ты же ее сразу убил...

— Сразу, да?

— Конечно. Прямо в сердце — раз! — и готово. А глумиться над трупом не по-нашему, ты же не дикарь какой.

— Ну да, не по-вашему. Ахиллес вон тело Гектора привязал к колеснице и возил за собой, не давая похоронить.

— Да что ты веришь сказкам! Гомер же сказочник. И выдумщик большой.

— Фобос!..

— Что?

— Я уже умер?

— Нет еще. Но скоро. А вот и Деймос!

— Привет, Деймос!

— Привет, Борис!

— Зачем вы здесь? Не ваше же дело доставлять умерших в царство теней?

— Мы только попрощаться. Мы же всю жизнь были рядом. От нас все несчастья.

— Зачем?

— Такое задание.

— Чье задание?

— Того, кто все видит и все знает.

— А зачем мне надо было делать плохо? В чем я провинился?

— В мире должна быть гармония. Кому-то плохо, кому-то хорошо.

— Борис! — тронул его за плечо Фобос. — Не спи! Мы же пришли попрощаться!

Прочитай нам напоследок свой перевод Фернанду Пессоа.

— Так он же в основном на английском писал... А я английский не люблю...

— А чем тебе английский не нравится?

— Да нет, язык как язык, мне, наверное, просто переводить с него неинтересно. Да и слишком много желающих. Я спою:

Я любил. Ты любила.

Я забыл. Ты забыла.

Ока-за-лась ты сукой!

Наступила разлука...

— Ты скучный педант. Потому-то у тебя и не взяли перевод Жозе Сарамаго.

— Тут вы правы. Не надо было мне связываться. Все, что столько лет спустя описывается в литературе про последние дни Христа, — дань авторов тому, что их совесть и вера не дают им пройти мимо важного для них момента. Появляются Сарамаго, Булгаков, режиссеры Скорцезе, Гибсон... Зачем? Берешь Евангелие, открываешь, читаешь. И все! И все! Что еще можно добавить и, главное, зачем? Ведь все уже сказано, и не нами, обществом

чувственных удовольствий... А Шекспир? Как и зачем переводить Шекспира? Есть ли смысл переписывать «моя подошва — меня учить?» Я нашел четыре варианта перевода, понятно, что не только на русский. Но он-то, самый простой, и есть правильный! «Моя подошва?» — говорит отец своей дочери. Она — красавица и умница, но он — отец! — «Меня — учить?» Остается только расставлять знаки препинания. Нет, Шекспир велик, но отстаньте, не люблю я английский, нет...

— А как же современная музыка? — спросил один.

— А как же тексты Radiohead? — спросил другой.

— Видишь ли, то, что у нормальных людей называется поэзией, ты называешь текстами.

Курнул, заглотнул, написал. И вот появились инопланетяне и пластиковые деревья. Ну да, ну да, конечно, не Энрике Иглесиас или кто там из баб про зонтик поет? Все равно — не то.

— Ты — зануда. Потому твои переводы и не прижились.

— У меня есть простое оправдание. Какого хрена описывать восход, если гораздо более талантливыми людьми уже это описано?

— Вот это как раз и понятно. Для каждого нового автора — это его, только его собственный опыт. И пишет он о том, что его взволновало.

— Дурак он, новый автор. Про восход давно уже все написано — просто он по своей малограмотности не успел это прочитать, играл в «Сони плейстейшен-3», времени не было. Не надо писать о восходе. Пиши, как круто мчаться на скейте. По крайней мере, у Шекспира скейтов не было.

— То есть ты за простоту и грамотность?

— Да, грамотность в переводе безусловна! А простота... Ну если ты чувствуешь, что автор после слов «наступил восход солнца» на самом деле хотел сказать: «При восходящем солнце воздух становился заметно теплее, и проснувшиеся пеликаны бросились искать рыбу», — пиши, только это немножко другая история.

— То есть твоя история: ты увидел — и убил. Без красок.

— Нет, ребята, я не абитуриент на первом экзамене, что вы меня ловите? Я увидел. Полюбил. Не успев разлюбить, убил. Ходили бы ноги, пошел бы, попрощался. Вот и вся история.

— «А ведь вы и убили-с...» — как сказал Порфирий Петрович, да? — хихикнул Деймос.

— Убивать нельзя, — добавил Фобос.

— А мне понравилось.

— Ну и хорошо, что на Наташе и закончилось. Так бы ходил и мочил всех красивых баб только за то, что они красивые и желанные.

— Нет, какие дураки! Вам же по несколько тысяч лет, что вы мне тут плетете? Да мое ли дело, кто, когда и с кем? Но ведь эта развратная женщина была моей женой...

— Запись в паспорте — не жена. Венчаться надо было, — заметил Фобос.

— А я бы просто после первого «косяка» послал бы ее к черту. Потратил бы полгода на лечение и стал бы трахать всех подряд — уверяю, ты так сразу бы заглушил свою тоску, — сказал Деймос.

— Я ее любил...

— Ты полюбил первую, которая проявила к тебе симпатию. А она симпатизировала всем подряд, такой, понимаешь, открытый, добрый, жизнерадостный характер.

— Если бы эта фраза прозвучала на веселом испанском, я бы перевел ее просто: «В общем, она была потаскуха».

— А на скучном английском?

— Он краткий, неэмоциональный. «Суперпотаскуха». И все.

— Ты мизантроп! Ты не любишь женщин.

— Я люблю женщин. Особенно в постели разными способами.

— Да ты фашист.

— Я просто родился не в то время. В девятнадцатом веке за пьесу в стихах автору платили в полтора раза больше, чем в прозе. Кому сейчас, скажите, продать перевод в стихах?

— А ты, не будь дураком, напиши двести двадцать серий для телевизионного сериала про сбежавшего из тюрьмы невинно осужденного, который начинает мстить своим врагам, — сразу купят.

— А разве это не история «Графа Монте-Кристо»?

— Точно! Ну а тебе-то что? Сюжет отличный, завлекательный. Только парень бежит из зоны, а на его невесте женился следак, который его и посадил. Ну и так далее...

— Я думал, что после Шекспира сюжетов просто не осталось.

— А мы думали, после Библии.

— Много вы о Библии знаете, вы же язычники.

— Много-немного, но, вообще-то, все это мы своими глазами видели и немало бы тебе могли рассказать.

— Ну так расскажите!

— Времени нет. Ты через пять минут умрешь, там тобою другие займутся.

— Будут мытарства?

— Будет намного хуже. Не надо было человека ножом резать.

— А мне понравилось. И нож хороший...

— Нож точно классный.

— Пока не умер, скажите, Христа видели?

— Конечно! Кто ж его не видел?!

— А какой он?

— В Третьяковку ходил?

— Да, ходил.

— Помнишь картину Иванова «Явление месии?»

— «Явление Христа народу?»

— Правильно «Явление месии», дурья башка!

— Видел.

— Ну убираешь с картины весь восторженный народ — и вот такой он, Христос. Ходит, думает о чем-то своем...

— Я засыпаю! А так хочется поговорить! Где же вы раньше были?

— Так все время здесь и были.

— А что же не появлялись?

— Ну еще бы, мы после нескольких упаковок феназепама и флакона донормила не появились.

— И всего-то? Так вы просто глюки? Я разочарован.

— Поздно разочаровываться. И мы не простые видения. Настает минута смерти. С миром прощайся.

— Мир! — заорал что есть силы Борис Антонович. — Зачем ты мне сдался?!

- Тоже своего рода подход, — заметил Деймос.
- Это его личное, — сказал Фобос.
- Ты будешь нам читать на прощание свой перевод Фернанду Пессоа?
- С английского?
- Нет, из раннего, что написано еще на португальском.
- А откуда вы знаете про перевод?
- Потому что это твой лучший перевод.
- Но он же нигде не публиковался!
- Ну, может, потому и лучший?
- Пожалуйста! Мне для друзей не жалко!
- Виски допей для вдохновения.
- А стакан пустой.
- Так вот же бутылка. Давай из горлышка.
- А хорошая штука — виски!
- Хорошая. Читай.
- Слушайте, ребят, я засыпаю.
- А ты прочти и сразу спи.
- Вы мне только скажите: тот свет — он есть?
- Во торопыга! Сам же через три минуты узнаешь! Читай!
- Пожалуйста...

Ни любовь, ни власть, ни слава
Не спасут от мрака смерти.
Обещаниям лукавым,
Люди, ни за что не верьте.
Все на свете, в самом деле,
Лишь один конец имеет,
Вид последней страшной цели
Надо мной всегда довлеет.
Все надежды — лишь отравы,
Лжи туман и дым обмана,
Хоть с позором, хоть со славой —
Все равно я мертвым стану.
Буду плотью бездыханной!
Буду трупом бледно-синим!
Бросят в ящик деревянный
Тело, ставшее бессильным...
Смерть не знает грусть и жалость.
Не считай со страхом числа,
Что прожить тебе осталось, —
В смерти, право, больше смысла.
Деньги, власть, любовь, богатство,
Слава, сила и удача —
Маскарад, судьбы коварство,
Ничего они не значат.

Всех в себя возьмет бездонный
Мрак. Готовься к этой встрече!
Жизни путь — весьма условный.
Смерти лик — правдив и вечен!

Правдив и вечен... Правдив и вечен... Правдив и вечен...

Последнее, что Борис Антонович услышал в своей жизни, был звук разбившейся бутылки, упавшей на мокрый кафель.